

У Р А Л Ь С К И Й

ISSN 0134 - 241X

снегоньим

7•97

Портрет А. К. Демидовой.
Художник В. И. Гау, 1845. Бум., акв.

Портрет А. К. Карамзиной.
Художник В. И. Гау, 1860. Бум., акв.

Портрет А.К. Демидовой.
Художник К.П. Брюллов, 1838.
Холст, масло.

Редакция:
Герман ИВАНОВ
 (главный редактор),
Юний ГОРБУНОВ,
Сергей КАЗАНЦЕВ,
Анна КОСТРИКОВА
 (художественный редактор),
Юрий ШИНКАРЕНКО
 (заместитель главного редактора),
Леонид ШУНЯЕВ

УРАЛЬСКИЙ следопыт

УЧРЕДИТЕЛИ –
 СОЮЗ
 ПИСАТЕЛЕЙ
 РОССИИ,
 ТРУДОВОЙ
 КОЛЛЕКТИВ
 ЖУРНАЛА

В номере: 7 '97

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:
Виктор АСТАФЬЕВ,
Кир БУЛЫЧЁВ
Владислав КРАПИВИН,
Станислав МЕШАВКИН,
Николай НИКОНОВ,
Олег ПОСКРЁБЫШЕВ,
Геннадий ПРАШКЕВИЧ,
Борис СТРУГАЦКИЙ

Компьютерная верстка:
Эдуард КИСЕЛЁВ

Адрес редакции:
 620142, ЕКАТЕРИНБУРГ,
 ул. ДЕКАБРИСТОВ, 67
Телефон редакции:
 (3432) 224-501

Рукописи принимаются
 перепечатанными
 на машинке через 2 интервала,
 60 знаков в строке,
 28-30 строк на странице.
 Рукописи не рецензируются
 и не возвращаются.

По вопросам подписки
 и доставки обращаться
 в районные отделения
 "Росвязьинформа".

Бракованные экземпляры
 отправлять
 в ИПП "Уральский рабочий".

Рег. № 441 от 13.12.90
 Подписано к печати 20.08.97
 Формат бумаги 84x108/16.
 Бумага газетная
 Печать офсетная.
 Усл. печ. л. 8,4.
 Уч.-изд. л. 8,17
 Усл. кр.-отт. 8,4.
 Тираж 3 500
 Заказ № 315
 Все претензии по ошибкам в тексте
 предъявлять
 редакции журнала "Уральский следопыт"
 Отпечатано с готовых оригинал-макетов
 на ИПП "Уральский рабочий"
 620219, Екатеринбург, ул. Тургенева, 13
 Слайд на 1 стр. обложки
 Марка КОСТРОВА

© "УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ", 1997г.

Анкета-98 -----	2
«Из дому человек уйдет...» Сергей МЕРКУЛЬЕВ -----	3
Снежная королева Татьяна РОЖНОВА -----	4
Краеведческая копилка -----	12
Великий сибирский рельсовый путь Валерий ПРИВАЛИХИН -----	15
Где стоял городок Анфаловский Геннадий БОРДИНСКИХ -----	17
Сокровища мая Мацей КУЧИНСКИЙ -----	19
«И не боюсь продолжения жизни...» Алексей КУЗИН -----	24

ЖУРНАЛ В ЖУРНАЛЕ «АЭЛИТА»

Взрыв генерального штаба Владислав КРАПИВИН -----	25
Заочный КЛФ -----	57
Шахматные тайны: когда начинать? Людмила САУНИНА, Эдуард МОЛЧАНОВ -----	60
Наши предки живут... на солнце Роберт КАРИМ -----	61
Кожаная карта Владимир СУРЕНКОВ -----	63
Сокровища мая (продолжение) Мацей КУЧИНСКИЙ -----	65
Екатеринбургское пиво Юрий СЫТНИКОВ, Леонид ЗЛОКАЗОВ -----	78

ЖУРНАЛ ОСНОВАН
 В 1935 ГОДУ.

ВОЗОБНОВЛЕН
 В 1958 ГОДУ.

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Давайте проведем безыскусный «разбор полетов». Строгий и откровенный, как бывает между приятелями. Поговорим о нашем с вами журнале, о том, как сделать его... точнее. Точность — не только вежливость королей, но и та норма, которая должна лежать в основе отношений «Подписчик — Редакция». Мы вольны предлагать вам темы, рубрики... Вы вольны принимать их или отвергать... В этой взаимной творческой «притирке» — будущее «Следопыта». Чем точнее мы определимся с кругом общих интересов — тем энергичнее и жизнеутверждающе будет выглядеть наш нестареющий «юноша в штурмовке и с ледорубом в руке», наш неунывающий Следопыт...

ВНИМАНИЕ! После того, как вы прочтете «АНКЕТУ-98», выберите все вопросы, на которые вы готовы ответить «ДА». Сделайте пометки в квадратиках рядом... Заполненную таким образом АНКЕТУ вышлите по адресу редакции... Все! За нами — анализ этой анкеты (в том числе и на страницах журнала), уточнение всех редакционных позиций на новый, 1998 год по результатам анкеты и — небольшой приз...

Авторы присланных в редакцию ответов на «Анкету» становятся участниками небольшой лотереи. Трех ее победителям будет предоставлена **БЕСПЛАТНАЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛ НА ВЕСЬ 1998 год.**

За дело?

СКОЛЬКО ЛЕТ ВЫ ЧИТАЕТЕ «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ»?

- Более года
- Более пяти лет
- Более десяти лет

ГДЕ ВЫ ПОЛУЧАЕТЕ ЖУРНАЛ?

- В библиотеке
- По подписке

ЧТО ВАС БОЛЬШЕ ПРИВЛЕКАЕТ?

- Краеведение
- Фантастика
- Детективы
- Все вместе

О ЧЕМ ДОЛЖНЫ БЫТЬ МАТЕРИАЛЫ НА РЕЛИГИОЗНУЮ ТЕМАТИКУ?

- О православии
- О всех традиционных конфессиях России
- О всех религиях мира без исключения
- Можно обойтись без религиозной тематики

КАКИЕ ЦИКЛОВЫЕ ПУБЛИКАЦИИ ВЫ ВЫДЕЛИЛИ?

- Юний Горбунов. «Женщины древней Руси»
- Ольга Колпакова. «Кто во что горазд»
- Игорь Непеин. «России царской ордена»
- Александр Семенин. «Экзоты на окнах»
- Юрий Шинкаренко. «Дубовые дощечки»
- Максим Шишкин. «Уфология»

ЧЬИ РАССКАЗЫ И ПОВЕСТИ ВЫ ПРЕДПОЧИТАЕТЕ?

- Сергея Георгиева
- Андрея Ильина
- Юрия Короткова
- Владислава Крапивина
- Юрия Уральского

Нравится открывать для себя новые имена молодых авторов

КАКИХ ТЕМ, НА ВАШ ВЗГЛЯД, НЕ ХВАТАЕТ ЖУРНАЛУ?

- Политика
- Экология
- Путешествия
- Молодежная субкультура
- Музыка
- Спорт
- Юмор

ОТ ТОГО ЧТО В ЖУРНАЛЕ МАЛО КОНКУРСОВ, ВИКТОРИН, КРОССВОРДОВ, ОН ТОЛЬКО...

- ...выигрывает
- ...проигрывает

КАКИЕ ОБЛОЖКИ НРАВЯТСЯ?

- Там, где изображена уральская природа
- «Постановочные», со следопытом-куклой
- Когда они «репортажны», рассказывают о каких-то событиях
- Рисованные

СКОЛЬКО ВАМ ЛЕТ?

- До 18
- До 35
- До 55
- После 55

ГДЕ ВЫ ЖИВЕТЕ?

- В городе
- В сельской местности

ВАШЕ ОБРАЗОВАНИЕ?

- Высшее
- Среднее, средне-специальное
- Иное

Спасибо за помощь!

Сергей МЕРКУЛЬЕВ

«ИЗ ДОМУ ЧЕЛОВЕК УИДЕТ...»

* * *

Из дому человек уйдет
 Под хлопанье дверями, под
 Пустых древес дырявый свод
 Направо иль налево,
 Под ржавый водостока блеск,
 Под шины хлоп и лужи плеск
 За правдой иль за хлебом;
 Уйдет из дому человек
 Походкой легкой, на побег
 С намеком неким,
 И долго не опустит глаз
 На след, пропавший первый раз
 В золе и снеге;
 Из дому выйдет и уйдет
 На час, а, может, и на год,
 На всю дорогу,
 С которой вечно разведен,
 С которой вечно виден дом
 С теплом и богом.

* * *

Протока! Что ты?
 Хватит мертвой зыбью
 Придуриваться, плавить облака.
 Гляди: весло остро, легка рука,
 И рябь несется чешуею рыбьей.
 Протока! Ты нам лучше расскажи
 Про то, как бродят
 по безрыбью бредни,
 Про воду, что цветет
 стеклом и медью
 И прячет гниль и падаль
 в миражи.
 Плывем, протока!
 Пусть их говорят
 Про заводи, про омуты и сроки.
 Пройдем, братуха!
 Видишь ты в осоке
 На лоскуты сполоснутый закат?
 А берег стерт,
 как слабый карандаш,
 Закат закапан йодом, гасит воду.

Протока — смазать озеро
 болотом,
 Смешать с водой сушу —
 ты не дашь?
 Плывем, протока!
 Да не выплываем.
 Все — сплошняком:
 кувшинки, трын-трава.
 Скажи мне:
 почему же зыбь мертва,
 Когда под ней спешит
 вода живая?
 Протока — не протоптана —
 я вем.
 Вода темна, и я прохода чаю.
 Но камыши сплоченны..
 . Мать честная!
 Ответь хоть посвистом:
 мы вы-плы-вем?

* * *

Втерлась в коробчатый городок,
 Чиркнула спичкой
 И, потянувшись, ушла в гудок
 Вся электричка.
 Отсвет иль отзвук?
 Чайник сплясал
 Ровно и робко,
 дрожь пробежала
 по шатким лесам
 Строчкой короткой.
 Молния-то — опять за бугром.
 Нам остается
 Гулкий, воды хлебавший гром —
 Как из колодца.
 Нет! Помянули вроде и нас..
 Может друг друга:
 Молния с громом шлюет резонанс
 Цвета и звука!
 Кровля запела звонким литьем
 Ломкого света,
 И домовой залетает в дом
 Ливня кометой.

Вспухнул разряд и по жилам
 проток
 Дунул озоном.
 А с проводов оживающий ток
 Каплет в газоны.

* * *

Бочки, цистерны, тазы
 Полнились тусклым безмолвием,
 Улица пахла молнией
 После сухой грозы.
 Где-то на тлеющем Западе
 Молний пощелкивал кнут.
 В небе недвижно плывут
 Рощи, как тихие заводи.
 Льющийся, гаснущий свет
 Длинного имени Юлия
 Видел в начале июля я,
 Вспомнил и чуть не ослеп.
 Память всплывала с трудом
 В поступи года мышиною.
 Улица ржала машинами,
 Бредила бочка дождем.

* * *

Куда летят
 Дожди и спицы,
 Жилье с быльем,
 Со страстью страх,
 Цвель с прелью,
 С былью небылица
 На встречных скоростях?
 Зачем игра
 Царит в работе,
 Зачем грома летят в кусты,
 Зачем гроза опять наводит
 Спектральные мосты?
 Тень страха,
 Оборот медали,
 Стоя гробовой доски
 В открытом небе замирали..
 А были
 Так близки.

Татьяна РОЖНОВА

СНЕЖНАЯ КОРОЛЕВА

В ряду светских красавиц XIX века, входивших в пушкинское окружение, особое место занимает Аврора Карловна Шернваль фон Валлен.

Украшив собою петербургские салоны, она надолго заполонила умы и сердца виднейших представителей дворянской России: от потомка крупнейшего промышленника Демидова до сына историкографа Карамзина, от Баратынского и А.И.Тургенева до П.А.Вяземского и В.А.Соллогуба...

Последний в своих «Воспоминаниях» на склоне лет ностальгически восклицал:

«...Кто из старожилос может говорить без восторга о графине Воронцовой-Дашковой, графине Мусиной-Пушкиной, Авроре Карловне Демидовой, княжнах Трубецких, Баратынских, жене Пушкина?»

Аврора Шернваль

Баронесса Аврора Карловна Шернваль фон Валлен по национальности шведка родилась 22 июля 1808 года и была вторым ребенком в семье Выборгского губернатора сенатора Карла Иоганна Эмилия Шернваль от брака с Полиной Гассер: старшим был ее брат Эмилий, а младшей — сестра Эмилия. Кроме того, была еще одна сестра — Алина, Анна Карловна.

В 1824 году, когда Авроре исполнилось 16 лет, она впервые появилась в свете в Гельсингфорсе как дочь губернатора. Известный переводчик Р.Линдквист назвал ее «молодым солнцем высшего света финской столицы...». Ее редкой красотой восхищались, в нее влюблялись, поэты воспевали ее в своих стихах. Был ее поклонником и поэт Евгений Баратынский.

В 1818 году он поступил на службу рядовым, а в январе 1820-го был произведен в унтер-офицеры с переводом в Нейшлотский полк. В Гельсингфорс переведен в 1824-м, где и оставался до производства в офицеры. Там, в Гельсингфорсе, судьба подарила ему встречу с юной красавицей Авророй Шернваль, которая вдохновила поэта на возвышенные строки. А.О.Смирнова (Россет) впоследствии вспоминала о том времени:

«Он встретил там графа Владимира Пушкина (имеется в виду декабрист В.А.Мусин-Пушкин. — Авт.) тоже сосланного по 14-му числу. Тот его познакомил с семейством Шернваль, он влюбился в Аврору Карловну Шернваль и писал ей свои первые стихи:

Выдь, дохни нам упоеньем,
Соименница зари,
Всех румяным появленьем
Оживи и озари!
Пылкий юноша не сводит
Взоров с милой и порой
Мыслит с тихою тоской:

Мы печатаем лишь журнальный фрагмент большого исследования «Аврора Шернваль и петербургское окружение Пушкина». — Ред.

«Для кого она выводит
Солнце счастья за собой?»

Посвященное 17-летней «богине утренней зари» стихотворение он назвал «Девушке, имя которой было Аврора». Но Аврора отдала предпочтение не Баратынскому, а его другу-сослуживцу Александру Муханову, который тоже был влюблен в нее и записал в своем дневнике: «Она хороша, как бог».

Вскоре Баратынский посылает своему сопернику стихотворение «Запрос Муханову»:

Что скажет другу своему
Любовник пламенной Авроры?
Сияли ль счастьем ему
Ее застенчивые взоры?
Любви заботою полна,
Огнем очей, ланит пыланьем
И персей томных волнованьем
Была ль прямой зарей она
Иль только северным сияньем?

Ответа на «Запрос» не последовало. Судьба распорядилась по-своему. Муханов томился ожиданием исхода: отец Авроры хотел выдать ее за шведского дворянина. Был уже назначен день свадьбы, но накануне этого дня жених внезапно умер. Аврора погрузилась в траур.

Баратынский вскоре увлекся другой красавицей — Аграфеной Закревской, постоянство же и страсть к Авроре Александра Муханова еще долго были предметом обсуждения в кругу друзей.

Аврора после смерти жениха не спешила выходить замуж. Она стала фрейлиной двора. Ей было 23 года.

Сестры Шернваль, получившие хорошее образование, были в числе первых красавиц своего времени. Современники называли их «финляндские звезды».

Сохранились и воспоминания современников о встречах Пушкина с сестрами Шернваль.

Жизнь развела Аврору с Александром Мухановым по разным столицам России, но они по-прежнему лю-

били и не теряли друг друга из виду.

В 1834 году, находясь на службе в московском Главном архиве министерства иностранных дел, проживая в доме отца на Остоженке, Александр Муханов решился сделать предложение Авроре. Она ответила согласием. Счастливый жених обратился с прошением на Высочайшее имя о разрешении вступить в брак с фрейлиной двора Авророй Карловной Шернваль фон Валлен. В прошении указывался возраст невесты — двадцать шестой год.

Свадьба Авроры с Мухановым была назначена на 20 августа 1834 года, но и этот жених неожиданно скончался в день свадьбы за час до венчания. 2 октября того же года Муханову исполнилось бы 34 года.

«Роковая Аврора» — стали говорить о ней современники, продолжая поклоняться ее исключительной красоте.

Обе сестры, и особенно младшая, были основными соперницами в свете Натальи Николаевны Пушкиной. Свидетельство тому — письмо Александра Сергеевича, адресованное жене и датированное 14 сентября 1835 г.: «счастливы ли ты воюешь со своей однофамилицей?». *(Эмилия была женой графа В.А. Мусина-Пушкина. — Авт.)*

Красавица Аврора Шернваль была предметом поклонения многих из пушкинского окружения и, в частности, Александра Ивановича Тургенева.

Примерно в это же время к Авроре Шернваль стал свататься Павел Николаевич Демидов, егермейстер царского двора, сын русского посланника при Тосканском дворе Николая Никитича Демидова.

Н.Н.Демидов от брака его с баронессой Елизаветой Александровной Строгановой имел четверых детей. Дочь Александра и сын Николай умерли младенцами в 1800 году. Двое других сыновей — Павел и Анатолий — совместно владели огромным состоянием, доставшимся им от отца, имели на Урале около миллиона десятин земли с пятнадцатью тысячами душ, железные и медные заводы (Нижнетагильский горный округ) и несколько домов в разных губерниях.

Старший, Павел, родился 6 августа 1798 года. Будучи 14 лет от роду, поступил юнкером в Егерский полк московского ополчения и 26 августа, за Бородино, произведен в прапорщики и переведен в Перновский гренадерский полк.

30-летний Павел Николаевич после смерти своего отца, уральского магната, фактически стал участвовать в управлении унаследованными заводами, ибо младшему брату Анатолию было всего 16 лет и, окончив лицей Наполеона, он безвыездно пребывал в Париже.

Павел жил в отцовском особняке на набережной Мойки в Петербурге. Отец при жизни ограничивал его в средствах: он получал из главной конторы сто тысяч рублей в год. Этой суммы молодому наследнику не хватало, и он постоянно влезал в долги. Надо полагать, в кредите ему не отказывали в чаянии будущего наследства.

При вступлении в наследство Павел Николаевич издал приказ по петербургской конторе — именовать ее впредь главной, а управляющего делами величать директором главной конторы. Управитель же Нижне-

тагильского округа стал директором Нижнетагильских заводов. Таковым в то время был А.А.Любимов.

В 1830 году П.Н.Демидов приехал на Урал. В Нижнем Тагиле его встречали с хоругвями, колокольным звоном всех церквей и пушечными выстрелами.

На другой день новый хозяин отправился осматривать свои владения. В производстве он ничего не смыслил и ходил по фабрикам и цехам со скучающим видом. На медном руднике заинтересовала было паровая машина для откачки воды из забоя, которую изготовили Черепановы, но и здесь он не задержался: устройство машины оказалось сложным и непонятным для него. Потом осмотрел госпиталь для чиновников управления, дом своих предков и все семь церквей. Поразил Входа-Иерусалимский собор. Малахитовые украшения, иконы и ковчег-дарохранительница из чистого малахита. Под престолом обнаружилась глыба магнитного железняка с Высокогорского рудника. Любимов объяснил владельцу, что его прародители уложили сюда рудную глыбу в знак крепости и нерушимости власти Демидовых на Каменном поясе. Иконы, писанные крепостными художниками, вызвали восхищение, и хозяин пожелал увидеть мастеров по камню и живописцев. Он решил, что крепостные художники не хуже иностранных, но дешевле, а в обработке камня и художественном литье превосшли многих. Приказал Любимову отправить более способных в столицу, где в это время возводили Исаакиевский собор, на отделку которого везли из Нижнего Тагила гранит и мрамор, малахит и яшму, золото и другие драгоценные металлы и камни.

Вскоре П.Н.Демидов и сам вернулся в Петербург. 16 марта 1831 года он был назначен курским губернатором с производством в статские советники, а затем произведен в действительные статские советники. На этом посту он прослыл благотворителем края.

О деятельности Демидова как губернатора известен такой отзыв одного из современников: «Демидов не был деловым губернатором, но, как человек очень богатый, жил в Курске роскошно и давал бесконечные балы и обеды». Он платил от себя большие деньги курским чиновникам, чтобы они не брали взяток. История сохранила любопытный пример его губернаторства.

В 1831 году во время холеры в Курской губернии у помещиков Луниных умерла дворовая девка от смертельных побоев, нанесенных ей господами. Уездный врач, получив взятку, выдал свидетельство, что девка умерла от холеры. Возникло дело, которое хотели замять, но не удалось. Решением Сената врач был исключен из службы. Тогда льговское дворянство обратилось к курскому губернскому предводителю с письмом, покрытым многочисленными подписями, прося его ходатайства о помиловании врача, выставя его личные достоинства и заслуги перед дворянством. Губернский предводитель немедленно написал отношение губернатору Демидову, изложив желание льговского дворянства, и, со своей стороны, дал лестный отзыв о службе врача.

П.Н.Демидов же «почтил» губернского предводителя таким уведомлением: «При всем моем желании делать все приятное для дворянства здешней губернии, я, к сожалению, не нахожу возможным предпринять

ходатайства о бывшем Львовском уездном медике Лейдлове, ибо произведенное им свидетельство мертвому телу крестьянской девки Жмыревой, давшее случай сокрыть настоящую причину смерти ея, от побоев происшедшую, есть такое преступление, которое отнюдь не может быть оправдываемо никакими другими хорошими качествами».

Во время холеры 1831 года Демидов построил в Курске четыре больницы. Он пробыл губернатором три года. Затем по «расстроеному здоровью» был причислен к министерству внутренних дел и пожалован должностью егермейстера царского двора.

Вероятнее всего, на одном из придворных балов и состоялась встреча егермейстера Павла Демидова с фрейлиной двора Авророй Шернваль.

Вот как описала Екатерина Николаевна Гончарова, старшая сестра Н.Н.Пушкиной, в своем письме брату Дмитрию один из подобных балов:

«С-Петербург. 22 июля 1835 г.

...17 числа мы были в Стрельне, где мы переоделись, чтобы отправиться к Демидову, который давал бал в двух верстах отсюда, в бывшем поместье княгини Шаховской. Этот праздник, на который было истрачено 400 тысяч рублей, был самым неудавшимся: все, начиная со двора, там ужасно скучали, кавалеров не хватало, а это совершенно невероятная вещь в Петербурге, и потом, этого бедного Демидова так невероятно ограбили, один ужин стал 40 тысяч, а был самый плохой какой только можно себе представить; мороженое стоило 30 тысяч, а старые канделябры, которые тысячу лет валялись у Гамбса на чердаке, были куплены за 14 тысяч рублей. В общем, это ужас что стоил этот праздник и как там было скучно...»

Сын уральского магната ознаменовал свою жизнь не только пышными балами, но и такими щедрыми пожертвованиями, каких немного встречается в летописях русского благотворения. Павел Демидов и его брат Анатолий были, по-видимому, самыми богатыми из Демидовых. Они учредили в Петербурге Николаевскую детскую больницу. Анатолий Николаевич Демидов на капитал в 500 тысяч рублей, пожертвованный им, в 1833 году открыл состоящий в ведомстве Императрицы Марии Федоровны Демидовский дом призрения для трудящихся женщин (наб. реки Мойки, 106). На Урале Павел Николаевич дал вольную своим крепостным Черепановым, построившим в 1834 году первый русский паровоз.

Кроме того, П.Н.Демидов учредил научные награды, считавшиеся наиболее почетными в России, и до своей кончины ежегодно вносил на эти цели 25 тысяч рублей в Академию наук. По его завещанию деньги поступали еще четверть века после его смерти. Эти награды получили название «Демидовских премий».

Назначив Петербургской академии наук награды для премирования выдающихся сочинений в разных отраслях знания, право выбирать кандидатов Демидов деликатно предоставил Академии. Но пьеса Гоголя «Ревизор» потрясла его, и он решил обратиться с просьбой в Академию, выразив желание, чтобы премировано было именно это произведение. Он надеялся, что ему не откажут. Но ошибся. Ненависть к пьесе Гоголя у высокопоставленных чиновников была так велика,

что меценату сухо и категорично отказали, сославшись на право присуждения премий, избранное им самим.

Гоголь избегал знакомств с «аристократами», в том числе и с Демидовым, но когда ему «удалось», как он сам пишет в письме к Демидову, «услышать лично из уст ваших просвещенный образ ваших суждений и глубокое знание России, редкое в государственном человеке», он не устоял, и эта встреча состоялась.

Однако, после свидания Гоголь писал А.С.Данилевскому: «Виделся, наконец, с Демидовым, но лучше бы не делал этого. Чудак страшный».

Сложнее мнение прозвучало из уст дочери Николая I королевы Вюртембергской Ольги Николаевны. В своих мемуарах, восхищаясь красотой Авроры Шернваль, она писала: «Поль Демидов, богатый, но несимпатичный человек, хотел на ней жениться. Два раза она отказала ему, но это не смущало его, и он продолжал добиваться ее руки. Только после того, как татам поговорила с ней, она сдалась...»

И кто знает, может быть, за это так называемое «согласие» Авроры владелец уральских и сибирских заводов и преподнес в 1836 году в дар Николаю I малахитовый храм-ротонду: восемь колонн, соединенных куполом, внутренняя поверхность которого отделана лазуритом, а мозаичный пол ротонды выложен уральскими самоцветами (подарок П.Н.Демидова и по сей день украшает аванзал Зимнего дворца).

На осень 1836 года была назначена свадьба Авроры с Демидовым, о которой заговорили в свете.

Младший брат ее второго жениха Владимир Муханов пишет: «Она могла не любить своего мужа и, выходя за него, переносить свои думы в прошлое; но тяжело сознавать, что достаточно соединить свою судьбу с другим, чтобы увидеть ее похищенной. Эта женщина — совершенство, она, кажется, обладает всем для счастья: умна, добра, чиста сердцем, красива, богата».

Из письма Софьи Николаевны Карамзиной: «Сообщаю тебе о «золотой свадьбе»: м-ль Аврора Шернваль выходит замуж за богача Поля Демидова. Какая разница с той скромной судьбой, которая ожидала ее в лице Муханова!»

Письмо датировано 5 июня 1836 года и адресовано брату Софьи Карамзиной — Андрею Николаевичу, старшему сыну знаменитого историографа.

В сентябре 1836 года состоялась свадьба Авроры с Демидовым, владельцем многомиллионного состояния, которая сулила ей блестящее положение в свете. В день свадьбы жених подарил своей невесте бриллиант величиной с голубиное яйцо, весом в 53,5 карата, который стоил владельцу 500 тысяч франков — зарплата рабочих всех его заводов за пять лет.

Крупные бриллианты редки, и потому во всем мире принято присваивать алмазам в 20 карат и более собственные имена. Демидов подарил один из известнейших бриллиантов мира — «Санси».

Аврора Шернваль была на десять лет моложе своего тридцативосьмилетнего избранника.

Аврора Демидова

Накануне свадьбы Павел Николаевич Демидов купил на Большой Морской улице дом (ныне N43) и заказал архитектору Огюсту Монферрану возвести дво-

рец. В 1836 году, приступив к перестройке здания для нового владельца, Монферран писал в Академию художеств: «Постройка сия имеет быть оконченной в нынешнее лето и послужит новым украшением города».

Особняк своим необычным для Петербурга итальянским видом резко выделялся богатством владельца и вызывал столь желанные ему ассоциации с римскими палаццо итальянских аристократических фамилий. Особенно поражал Малахитовый зал. Колонны и камни его петербургская фирма Трискони облицовала малахитом, добывавшимся во владениях Демидовых на Урале и применявшимся раньше для украшения ваз, шкатулок, табакерок и пр. Монферран впервые применил его в интерьере. (Малахитовый зал в Зимнем дворце появился позднее).

После свадебного путешествия по Европе супруги Демидовы поселились в своих роскошных особняках на Большой Морской.

Жизнь проходила в балах и развлечениях. Обилие петербургских салонов предполагало широкий круг лиц, имен, знакомств, встреч, связей, переплетения судеб.

Звездами первой величины на столичном небосклоне оставались, как и прежде, Натали Пушкина и «скандинавские красавицы» сестры Шерваль.

Графиня Мария Федоровна Каменская писала о том времени: «Считаю нужным упомянуть о балах 1836 года».

...После раута у графини Лаваль нам предстоял знаменитый бал у князя Бориса Юсупова, женатого на красавице Зинаиде Нарышкиной, той самой, что впоследствии, овдовев, вышла за графа Шево-де-ла-Серр. Об этом бале долго не могли забыть современники: до того он был великолепен.

...Надобно сказать правду, что вообще этот бал изобиловал красою женских лиц и богатством туалетов. Не говоря уже о патентованной красавице графине Завадовской, рожденной Влодек, которая, как всегда, убивала всех своею царственной, холодной красою, но и, кроме нее, было много прелестных женщин, и между ними выдавалась миловидностью и красою Демидова..., тоже прославленная в Петербурге красавицей, Аврора Демидова, рожденная Шерваль. На этом бале она обратила на себя внимание всех оригинальностью своего наряда: неизвестно почему, вероятно, из чувства противоречия, при ее баснословном богатстве, она явилась на этот блистательный бал в самом простеньком, креповом платье, без всяких украшений и только на шею повесила себе на тоненькой черной бархотке (по-детски) бриллиантовый крест всего из пяти камней. По поводу этого креста тут же на бале ходил анекдот: рассказывали, что государь Николай Павлович, взглянув на ее простенький костюм, со смехом сказал ей:

— Аврора, как это просто и как это стоит дешево!

Слова государя повторялись во всех углах, и мне очень жаль, что я не могла рассмотреть поближе этого креста. Спасибо одному балагуру этому старичку, который прояснил мне смысл слов Николая Павловича:

— Крестик простенький, графинюшка! Всего в пять камушков, солитер посредине, да такие же четыре груши. Только эти камушки такие, что на каждый из них можно купить большущий каменный дом. Ну, сами посудите, барышня, — хихикая, добавил шутник, —

пять таких домов, ведь это целый квартал, и висит на шее у одной женщины. Как же не удивиться, хоть бы самому императору!

После папенька сказал мне, что этот крест считается одною из редкостей между демидовскими сокровищами...»

В 1837 году Аврора, по настоянию мужа, позировала художнику Карлу Брюллову.

Ученик прославленного портретиста А.Н.Мокрицкий 27 февраля сделал в своем дневнике следующую запись: «Сегодня поутру зашел к Брюллову, застал его работающим. И как прекрасно отделявал он портрет Демидовой (Шерваль). Как понятна для меня его работа. Сколько в ней природы, изощренного вкуса!»

Осенью 1837 года в Россию вернулся Андрей Карамзин и продолжил военную службу. Вскоре, после трехлетнего отсутствия, возвращается и А.О.Смирнова. Уезжая, они не думали, что вернутся уже в другую Россию. Россию без Пушкина. Так уж получилось, но почти все из пушкинского окружения стали окружением лермонтовским. На глазах у всех разыгрывалась и следующая трагедия.

По свидетельству графа Соллогуба, Лермонтов «страстно был влюблен в графиню Мусину-Пушкину и следовал за нею всюду как тень».

Не подлежит сомнению, что, посещая дом Эмили Карловны, он был знаком и с ее сестрой, Авророй Демидовой, принимавшей в своем салоне изысканное общество. Об этом, в частности, писал в своих «Воспоминаниях» граф В.А.Соллогуб: «Описывая петербургские салоны того времени, нельзя не упомянуть об Авроре Карловне Демидовой, жене Павла Демидова, брата знаменитого Анатолия, князя Сан-Донато. Но тогда как Анатолий Демидов проживал почти всегда в Париже, где приобрел себе большую известность своей безумной роскошью, гомерическими попойками и, наконец, своей женитьбой на хорошенькой принцессе Матильде Бонапарт, — Павел Демидов жил постоянно в Петербурге в своем великолепном доме и принимал всю столицу. Не одним своим огромным богатством, которого в те времена было недостаточно, чтобы втесаться в большой петербургский свет, но своим просвещенным поощрением искусствам и наукам, своею широкою благотворительностью Демидовы приобрели себе то, что французы называют п р а в а г р а ж д а н с т в а . Аврора Карловна Демидова, финляндская уроженка, считалась и была на самом деле одною из красивейших женщин в Петербурге; многие предпочитали ей ее сестру, графиню Мусину-Пушкину, ту графиню Эмилию, о которой влюбленный в нее Лермонтов написал это стихотворение:

Графиня Эмилия —
Белее, чем лилия,
Стройней ее талии
На свете не встретится.
И небо Италии
В глазах ее светится.
Но сердце Эмили
Подобно Бастилии.

Трудно было решить, кому из обеих сестер следовало отдать пальму первенства; графиня Пушкина была, быть может, еще обаятельнее своей сестры, но красота Авроры Карловны была пластичнее и строже.

Посреди роскоши, ее окружавшей, она оставалась, насколько это было возможно, проста; мне часто случалось встречать ее на больших балах в одноцветном гладком платье, с тоненькой цепочкой, украшавшей ее великолепную шею и грудь; правда, на этой цепочке висел знаменитый демидовский бриллиант — солитер, купленный, кажется, за миллион рублей ассигнациями.

Аврора Карловна Демидова рассказала мне однажды очень смешной случай из ее жизни; возвращаясь домой, она озлябла, и ей захотелось пройтись несколько пешком; она отправила карету и лакея домой, а сама направилась по тротуару Невского к своему дому; дело было зимой, в декабре месяце, наступили уже те убийственные петербургские сумерки, которые в течение четырех месяцев отравляют жизнь жителям столицы; но Демидова шла не спеша, с удовольствием вдыхая морозный воздух; вдруг к ней подлетел какой-то франт и, предварительно расшаркавшись, просил у нее позволения проводить ее домой; он не заметил ни царственной представительности молодой женщины, ни ее богатого наряда, и только как истый нахал воспользовался тем, что она одна и упускать такого случая не следует. Демидова с улыбкой наклонила голову, как бы соглашаясь на это предложение, франт пошел с нею рядом и заегозил, засыпая ее вопросами. Аврора Карловна изредка отвечала на его расспросы, ускоряя шаги, благо дом ее был невдалеке. Приблизившись к дому, она остановилась у подъезда и позвонила.

— Вы здесь живете?! — изумленно вскрикнул провозжавший ее господин.

Швейцар и целая толпа официантов в роскошных ливреях кинулись навстречу хозяйке.

— Да, здесь, — улыбаясь, ответила Демидова.

— Ах, извините! — забормотал нахал, — я ошибся... я не знал вовсе...

— Куда же вы? — спросила его насмешливо Аврора Карловна, видя, что он собирается улизнуть, — я хочу представить вас моему мужу.

— Нет-с, извините, благодарствуйте, извините... — залепетал франт, опрометью спускаясь со ступенек крыльца...

..Лето Демидовы большею частью проводили в Финляндии, в окрестностях Гельсингфорса, куда также приезжала прелестная графиня Пушкина. За ними туда собиралось довольно большое и очень изысканное общество; образ жизни был чисто дачный, с тем оттенком щегольства и моды, который всюду за собою заносят светские люди. Я два лета сряду провел в Финляндии...».

Очевидно, не только следуя моде, но и из желания поправить здоровье и развеяться, супруги Демидовы путешествовали по Европе.

Павел Николаевич не был чужд искусству, он увлекался античной археологией, был почетным членом Академии наук и искусств в Ареццо и Сиене. Знаменательно, что именно ему посвящен один из лучших для своего времени путеводителей по Риму, написанный в 1838 году крупным итальянским археологом Антонио Нибби, который сопровождал Демидовых во время осмотра римских античных памятников. Этим путеводителем, между прочим, пользовался и высоко ценил его

Николай Васильевич Гоголь, который был отличным знатоком истории и искусства древнего Рима и итальянского Возрождения.

Затем Демидовы возвратились в Россию, и 9 октября 1839 года Аврора подарила мужу наследника.

Но брак Авроры с Демидовым оказался непродолжительным. Павел Николаевич с детства был слаб здоровьем, страдал болезнью легких и 25 марта 1840 года, через четыре года после женитьбы, умер в возрасте 42-х лет. Похоронен на Тихвинском кладбище Александро-Невской лавры.

32-летняя вдова, оставшись с младенцем на руках, покинула свет и долгие шесть лет не снимала траура.

Не только в «Воспоминаниях» В.А.Соллогуба, но и в «Записных книжках» князя П.А.Вяземского перед нами возникают картины короткого северного лета, когда отдыхающие спешат насладиться вечерним ароматом дачной жизни, пешими и морскими прогулками, прелестью купального сезона — всего того изящного и изысканного, что сопровождает избранное светское общество.

Именно сюда, в свое родовое имение Трясканду, приезжает на лето прелестная графиня Эмилия Музина-Пушкина, и где, удалившись от света, ее сестра Аврора, вдова Демидова, погруженная в траур, воспитывает своего четырехлетнего сына.

Кроме родных, многие светские друзья и знакомые не обходили вниманием красавицу Аврору.

С осени 1844 года граф В.А.Соллогуб открывает у себя салон, ставший центром музыкальной и литературной жизни, где бывали знаменитая поэтесса «графиня Евдокия Петровна Ростопчина, известная по своему живому, игривому уму», поэт Тютчев, композитор Глинка, Некрасов, Григорович, семейство Карамзиных, с которыми хозяйка дома связывала давняя и тесная дружба.

Этот салон стали посещать и сестры Шернваль. Вот что пишет об этом сам Соллогуб:

«...Кроме моих собратьев и других артистов, у меня бывало на вечерах множество людей сановных, придворных и светских; ...писателей, живописцев, музыкантов, издателей тогдашних газет и журналов, и вообще людей, близко связанных и с родным, и с иностранным искусством, и потому несколько не желал, чтобы люди чисто светские бывали на этих вечерах. Но женщинам самым милым и высокопоставленным мне приходилось наотрез отказывать, так как их появление привело бы в бегство не только мой милый «зверинец», но и многих посетителей кабинета.

Только четыре женщины, разумеется, исключая родных и Карамзиных, допускались на мои скромные сборища, а именно: графиня Ростопчина, известная писательница, графиня Александра Кирилловна Воронцова-Дашкова, графиня Музина-Пушкина и Аврора Карловна Демидова. Надо сказать, что все они держались так просто и мило, что несколько не смущали моих гостей. Между нами было условлено, что туалеты на них будут самые скромные; они этому, правда нехотя, подчинялись, и раз только Аврора Карловна Демидова, которой, едучи на какой-то бал, вздумалось завернуть к нам по дороге, вошла в гостиную в балльном платье. Правда, платье было темное, бархатное,

одноцветное, но на обнаженной шее сиял баснословный демидовский бриллиант, стоивший, кажется, более миллиона рублей ассигнациями.

— Аврора Карловна, что вы это надели, помилуйте! Да они же все разбегутся при виде вас! — идя ей навстречу, смеясь, закричал я, указывая на ее бриллиант.

— Ах, это правда! — с таким же смехом ответила мне Демидова и, поспешно отстегнув с шеи свое ожерелье, положила его в карман».

Аврора Демидова и ее деверь — Анатолий Николаевич Демидов — остались владельцами огромного заводского хозяйства. Аврора Карловна приезжала на Урал, в Нижний Тагил, где находилась столица уральских магнатов-горнозаводчиков. Там она взялась за дела с немецкой аккуратностью, каждый день отчисляя совладельцу заводов Анатолию Демидову 24 тысячи рублей.

Вернувшись в Петербург, Аврора занималась воспитанием своего единственного сына, названного в честь отца тоже Павлом. По этому поводу граф В.А.Соллогуб писал: «В одной из боковых зал демидовского дворца мне часто случалось видеть наследника демидовского или, скорее, демидовских богатств, тогда красивого отрока, впоследствии известного Павла Павловича Демидова; он был окружен сотнями разных дорогих и ухищренных игрушек и уже тогда казался всем пресыщенным не по летам. Аврора Карловна страстно его любила, очень занималась его воспитанием и даже, кажется, насколько это было возможно, была с ним строга». Она нанимала ему учителей, в числе которых значился и химик Д.И.Менделеев.

Сохранился портрет Авроры, выполненный в период ее вдовства, на котором ей уже 37 лет. В 1845 году Вольдемар Гау написал портрет Авроры Демидовой по заказу жены Николая I Александры Федоровны. Аquareль эта и поныне находится в «Петергофском альбоме» (он хранится в фондах Русского музея в Петербурге) императрицы, который она составляла для мужа, и куда Аврора попала как бывшая фрейлина двора.

В один из вечеров в салоне Соллогуба, когда Андрей Карамзин танцевал с Демидовой мазурку «Аврора», (написанную Михаилом Юрьевичем Виельгорским в ее честь), он осмелился признаться ей в своем чувстве. Это чувство оказалось взаимным. Их брак благословил Ф.И.Тютчев, давно знавший Аврору.

С 1846 года Андрей Карамзин служил адъютантом при шефе жандармов генерале А.Ф.Орлове, сменившем на этом посту А.Х.Бенкендорфа. О предстоящей свадьбе засудачил весь город. Этот брак вызвал множество толков в свете. 12 апреля 1846 года Вяземский писал Жуковскому: «Знаешь ли, что Андрей Карамзин женится на Авроре Демидовой, вдове? В семействе очень довольны этим браком, потому что она хотя несколькими годами и постарее его, но во многих и во всех других отношениях она совершенно милая, добрая женщина и была и будет примерною женою. Зато весь город восстает против этой свадьбы и удивляется, как Демидова может решиться сойти с какого-то своего класса при дворе и, бывши тайною советницею, идти в поручицы?»

10 июля 1846 года Аврора и Андрей Карамзин поженились. Ей было уже 38, ему — 32.

Аврора Карамзина

После венчания супруги отправились в Финляндию, в поместье Авроры Карловны Трясканда. Потом долго жили «на водах» в разных городах Западной Европы, где Андрей Николаевич лечился. Жили в Италии, где десятью годами ранее, очевидно, и состоялось их знакомство. Именно в Италии будут написаны парные портреты супругов, которые выполнит акварелист Эмилио Росси.

Посетят они и Флоренцию, виллу Сан-Дonato, где жил младший брат первого мужа Авроры — Анатолий Николаевич Демидов.

17 ноября того же, 1846 года, как пишет в своих воспоминаниях А.О.Смирнова (Россет), «графиня Эмилия в деревне ухаживала за тифозными больными, сама заразилась и умерла в 36 лет». Умерла молниеносно. На четвертый день болезни.

Это несчастье произошло в селе Борисоглебе Мологского уезда, в имении Мусиных-Пушкиных.

Безвременная гибель сестры стала еще одним свидетельством того, что какой-то таинственный рок неотступно продолжал преследовать Аврору. Свадебное путешествие по Европе супругов Карамзиных из счастливого стало печальным. Они вынуждены были прервать его и вернуться в Россию, в Петербург.

Поселились на Большой Морской улице, в трехэтажном дворце Авроры, доставшимся ей от первого брака.

Андрей Николаевич продолжил службу, а зимой 1849 года вышел в отставку в чине гвардии полковника и жил несколько лет богатым баринком, так как после женитьбы на Авроре Карловне он стал опекуном ее 7-летнего сына Павла от первого брака и в этом качестве управлял унаследованной мальчиком частью огромного демидовского состояния совместно с Анатолием Николаевичем Демидовым.

Согласно «Всеобщей адресной книге Санкт-Петербурга» за 1867-1868 год на втором участке в Адмиралтейской части города на углу Большой Морской и Почтамтской (Почтамтский пер., 5) находился приобретенный Авророй и Андреем Карамзиным в собственность так называемый «дом дешевых квартир» или «доходный дом», на фасаде которого сохранился вензель «АК».

В начале 1853 года Андрей Карамзин стал главным уполномоченным Тагильских заводов от петербургской конторы. В Нижнем Тагиле он был дважды: летом 1849 года вместе с женой и ее 10-летним сыном Павлом и в 1853 году, как официальное лицо, оставив по себе заметный след в истории демидовских заводов. Д.Н.Мамин-Сибиряк писал: «На заводах о нем сохранилась самая лучшая память как о человеке образованном и крайне гуманном, хотя он и являлся здесь случайным. Его пребывание на заводах является, кажется, лучшей страницей в их истории, по крайней мере, старожилы вспоминают о нем с благоговением, что и понятно, если принять во внимание жестокие заводские порядки крепостного времени».

В 1853 году французский художник А.Периньон написал портрет 45-летней Авроры Карамзиной.

А в июне началась Крымская или Восточная война России с коалицией Великобритании, Франции, Турции и Сардинии за господство на Ближнем Востоке.

В мае 1853-го турецкое правительство отвергло русский ультиматум, и Россия разорвала дипломатические отношения с Турцией. 21 июня русские войска вступили в княжества Молдавию и Валахию, находившиеся под номинальным суверенитетом турецкого султана. Поддерживаемый Великобританией и Францией, султан 27 сентября потребовал очистить княжества, а 4 октября объявил войну России.

Анна Федоровна Тютчева писала по этому поводу: «22 октября. (1853 г.)

Большой парад гвардии в Петербурге. Войскам будет прочитан манифест по поводу объявления войны. Итак, война, несмотря на все усилия предотвратить ее!. Молодежь с восторгом идет на бой. Великие князья Михаил и Николай в совершенном восторге. Молодой князь Орлов... в полном одушевлении...»

Не остался в стороне и Андрей Карамзин. Он снова надел военный мундир и получил назначение в гусарский полк Дунайской армии. Жена провожала его из Петербурга до самой Москвы. Это было их последнее прощание. Воюя с турками, Андрей Николаевич был убит в бесславном сражении в Малой Валахии, близ местечка Каракала под Калафатом на Дунае (в Румынии). Случилось это 16 мая 1854 года, а 24 октября того же года ему исполнилось бы всего 40 лет.

Карамзин, командуя кавалерийским отрядом, посланным в глубокий поиск, был окружен близ местечка Каракала большими силами турок. Вопреки советам других офицеров, Карамзин принял неравный бой, когда еще можно было отступить и спастись, и был убит в отчаянной схватке. Вместе с ним погибло 19 офицеров и 139 солдат, были потеряны все орудия отряда. Виной катастрофы, по мнению авторитетных военных историков и большинства его современников, явилась неопытность в военном деле Андрея Карамзина и самоуверенность, воспитанная в нем гвардейской службой. Только трагическая, геройская смерть избавила его от военного суда за поражение.

Сведения о происходящих на фронте событиях распространялись очень быстро и достигали Петербурга буквально за несколько дней. Бюллетень о погибших в бою, опубликованный в газетах, новости, передаваемые из уст в уста, письма друзей и знакомых — все подтверждало то, во что невозможно поверить: в смерть близких людей...

Писатель Иван Аксаков сообщал из родового имения своему отцу-литератору Сергею Тимофеевичу Аксакову 13 июня 1854 года:

«...Как жаль Андрея Карамзина! Его поступление в военную службу безо всякой надобности, предпочтение, оказанное им трудам военным перед роскошными удобствами жизни вследствие искренних русских, как он понимал их по своему, убеждений и, наконец, эта смерть — все это должно примирить с ним каждого, резко осуждавшего его прежде. Бедная Аврора! Она его страстно любила...»

Похоронили Андрея Карамзина на кладбище Новодевичьего монастыря в Петербурге. А в 1855-1856 годах была выстроена надгробная каменная церковь во

имя иконы Божией Матери Всех Скорбящих Радости. Эту церковь, сооруженную в русско-византийском стиле по проекту архитектора Э.И.Жибера, часто называли «карамзинской». (Церковь-усыпальница, вся утварь которой была изготовлена из золоченого серебра, уничтожена в 1929 г. — Авт.) Средства на ее строительство — пятьдесят тысяч рублей серебром — дала вдова Андрея Николаевича.

Вдова

После смерти второго мужа Аврора больше замуж не выходила, оставшись 46-летней вдовой. Впереди у нее была целая жизнь длиной в 48 лет. И если первая половина жизни была переполнена поисками и потерями, радостью встреч и горечью утрат, то во второй половине, словно подведя итоговую черту, она обрела покой, постоянство и уединение.

К ее 15-летнему сыну Павлу Демидову (пасынку А.Н.Карамзина) перешли все владения его отца.

Аврора Карловна, являясь статс-дамой, была принята в высших светских кругах, посвятив свою жизнь сначала воспитанию сына, племянников и племянниц, а затем — внуков, занимаясь благотворительностью и просвещением, много жертвуя на приюты и школы. Порою она удалялась от света и подолгу жила в своем поместье Трясканда.

В 1860 году известный акварелист В.И.Гау выполнил парадный портрет Авроры Карамзиной,* на котором ей уже 52 года. Граф В.А.Соллогуб, писавший свои мемуары с начала 1870-х годов, вспоминал: «Я видел не так давно Аврору Карловну, и она даже старушкой остается прекрасной». Это признание писателя прозвучало, когда ей было почти 70 лет.

Соллогуба не станет в 1882-м, а «старушка» Аврора переживет его на долгие годы...

В эти годы Павел Демидов, сын Авроры, будучи студентом юридического факультета Петербургского университета, имел репутацию повесы, человека крайне заносчивого и чванливого. Но это не помешало ему после окончания университета быть причисленным к русскому посольству в Париже и Вене, затем стать советником губернского правления в Каменец-Подольске.

В 1870 году в Париже в возрасте 58 лет умер дядя Павла Демидова князь Сан-Дonato Анатолий Николаевич Демидов. Его состояние унаследовал племянник, Павел Павлович. Он получил Высочайшее разрешение от императора Александра II принять титул князя Сан-Дonato.

В том же, 1872-м, Павел Демидов приобрел в Италии поместье Пратолино.

Подобно Авроре Карловне, ее сын был известен своей широкой и разнообразной благотворительностью.

Во время русско-турецкой войны 1877-1878 годов он был чрезвычайным уполномоченным петербургского общества «Красного креста» и на свои средства организовал снабжение раненых всем необходимым.

Кроме того, на его средства издавалась одно время в Петербурге газета «Россия». В 1883 году он написал

*См. статью Т.М.Рожновой «Атрибуция неизвестного портрета Авроры Шернваль — светской знакомой Пушкина». (Статья находится в печати: «Временник Пушкинской комиссии», N 28. ИРЛИ (Пушкинский Дом.)

брошюру «Еврейский вопрос в России».

Последние годы Павел Демидов жил в своем поместье Пратолино, которое затем перешло во владение его дочери, Авроры Павловны. Став женой князя Арсения Карагеоргиевича, она рано овдовела, потом потеряла дочь. Виллу и имение Пратолино она завещала своему племяннику Павлу, отпрыску югославской королевской семьи Карагеоргиевичей.

Принцу Павлу Карагеоргиевичу жизнь среди демидовских реликвий, к которым он относился с величайшим пренебрежением, быстро наскучила. В 1969 году он продал виллу в Пратолино со всеми угодьями и всем ее убранством с молотка, а сам, собрав с аукциона баснословную сумму, покинул Италию. Флорентийцы до сих пор вспоминают демидовский аукцион, неслыханный по богатству представленных на продажу предметов антиквариата и произведений искусства.

Вилла была построена в 70-х годах XVI века Франческо I Медичи, великим герцогом Тосканским, для своей возлюбленной, а затем жены Бьянки Капелло.

Эта вилла в Пратолино была настоящим чудом света. Ее строили и украшали самые выдающиеся флорентийские зодчие, скульпторы и художники того времени: Буонталенти, Джанболонья, Амманати и другие. На большой поляне Буонталенти возвел грандиозный дворец, окруженный аллеями с сотнями мраморных изваяний и десятками фонтанов. Восторженное описание виллы оставил Мишель Монтень, который бывал в Пратолино еще при жизни Франческо I. Летнюю резиденцию Бьянки Капелло воспел в своих стихах Торквато Тассо. Ей посвящены многие страницы известного исторического романа Джованни Розини «Синьора из Монцы».

К началу XIX века вилла пришла в совершенное запустение. Дворец и фонтаны были разрушены, а сохранившиеся статуи перевезены во Флоренцию и установлены в садах Бобболи, примыкающих к палаццо Питти. К моменту приобретения виллы П.П.Демидовым от грандиозного ансамбля, созданного Буонталенти, уцелели только совсем немногие сооружения и среди них так называемый Пажеский корпус. Павел Павлович пристроил к нему дополнительное крыло, превратив это здание в свою резиденцию. Парк из итальянского он сделал английским, дав простор буйной средиземноморской растительности.

...Сейчас виллу на Старой Болонской дороге окружает многокилометровая стена, сложенная из камня, за которой высятся кроны вековых деревьев скорее леса, чем парка.

С 1875 года, после продажи своего дворца в Петербурге, Аврора навсегда поселилась в Финляндии, распродав часть имущества через Демидовскую контору, а часть — перевезла в свое имение Трясканду.

Возможно, по недоразумению или каким-то другим неизвестным нам причинам, связанным с переездом Авроры из страны в страну, в Нижнем Тагиле навсегда остался не только ее масляный портрет кисти Карла Брюллова, заказанный в пору ее супружества с П.Н.Демидовым, на котором она изображена тридцатилетней красавицей, но и «материал такой ценности, какого давно не было в наших руках и равных которому мы знаем немного», — писал известный пушкинист Н.В.Измайлов.

Речь идет о «Тагильской находке». Это целая книга — 340 страниц писем, адресованных в разные города Европы из Петербурга и датированных 1836 и 1837 годами. Они хранятся в красном сафьяновом альбоме с золотым тиснением и зелеными тесемками — старинном, с потрепанным корешком. Перевернув крышку переплета, обнаруживаем, что все листы из альбома вырезаны, и к оставшимся корешкам аккуратно подклеены письма, преимущественно французские, писанные на тонкой бумаге различными почерками, но главным образом мелким, бисерным почерком, и чернилами во многих местах изрядно повыцвели.

Если бы Аврора знала о содержании этих писем, адресованных Андрею Карамзину, о том, что эти письма о ней самой, о том времени, когда она еще не принадлежала ни Демидову, ни Карамзину, когда таинственный рок еще не преследовал ее, то вряд ли она оставила бы этот красный сафьяновый альбом, уезжая из России навсегда.

Она переживет не только многих современников. Ей суждено было пережить двух своих женихов, двух мужей, брата, сестер, единственного сына, прожившего всего 46 лет, и двух его жен.

Аврора Шернваль пережила многих из рода Демидовых и Карамзиных.

Кроме того, на ее жизнь выпало царствование пяти императоров: от Александра I до Николая II.

Последние годы она жила в Гельсингфорсе, в Финляндии, где и скончалась 30 апреля 1902 года на 94-м году жизни.

В особняке Авроры Карловны согласно ее завещанию ныне располагается городской музей Хельсинки, в котором хранится ее личный архив.

Подобно Снежной королеве, она всем казалась чарующей сказкой, пока не начинало веять ее ледяное дыхание.

Вращаясь в вихре светских балов, пережив всех и многих, оставив могилы мужей — России, а внуков — солнечной Италии, распродав особняки и дворцы, она вернулась доживать свой долгий век под северный морок белых ночей Гельсингфорса.

Фото из архива автора на 2-ой странице обложки.

Игорь ЗАЙЦЕВ

ВЕЗДЕХОДЫ ТУНДРЫ

«Ездовой-оленеvod» — такую запись, хоть и не часто, можно встретить в документах участников Великой Отечественной войны. Речь, оказывается, идет о действовавших в годы войны оленетранспортных дивизионах.

В Ловозерском районе более 120 саамов — коренных жителей Кольского полуострова — были мобилизованы в армию в первые же дни войны. Сначала оленеводов призывали на общих основаниях, но в скором времени для них нашлось более привычное дело.

Жизнь саамов, как и многих других северных народов, неразрывно связана с оленем. Он дает человеку все: пищу, кров, одежду, обувь. Он — идеальное транспортное средство, недаром его называют «вездеходом тундры». Эти качества оленя, а также многовековой опыт оленеводов и предстояло взять на вооружение.

В конце 1941 года фронт на Мурманском и Кандалакшском направлениях стабилизировался, но сплошной линии обороны не существовало. Иной раз на протяжении десятков и даже сотен километров не было никаких боевых позиций. Зимой передвигаться здесь можно было только на лыжах или оленьих упряжках. И в ноябре 1941 года для 14-й армии Карельского фронта были

сформированы специальные оленетранспортные подразделения, воевавшие на Мурманском направлении. В штате каждого состояло 154 человека, 1015 оленей и 313 нарты.

Олень не требует запасов пищи, и в тундре, и в лесу сам находит себе пропитание — серебристый мох ягель. Он никогда не нарушит тишины — даже раненый не издаст ни звука. Очень вынослив — легкая упряжка промчит по крепкому насту 50-80 километров за сутки. После буранов и снежных заносов фронтные коммуникации оказывались непроходимыми даже для гусеничного транспорта. А олени шли. Бывали случаи, когда они, оказавшись в ледяной воде и хорошо держась на поверхности, передними копытами дробили ледяную кромку, пробивались к прочному льду и, выпрыгнув, вытягивали нарты.

Оленьи упряжки снабжали аэродромы топливом и бомбами, доставляли на передовую боеприпасы, снаряжение, продовольствие. А в тыл вывозили раненых. Боец-оленеvod рассказывал: «Раненый человек много крови теряет, тепло из него уходит. Стынет человек, погибает. А оленья шкура тепло очень хорошо держит. Завернешь раненого в шкуру, положишь на нарты и везешь. Доставишь в госпиталь — человек теп-

лый, живой».

Оленеводы были прекрасными следопытами, хорошо знали местность и природные условия. Они разыскивали в тундре и в лесу наши самолеты, сделавшие вынужденную посадку, оказывали помощь летчикам, подвозили горючее. А если самолет не мог взлететь, его разбирали и вывозили по частям. Кстати, среди спасенных оленеводами были и легендарные летчики, Герои Советского Союза Захар Сорокин и Сергей Курзенков.

Оленетранспортные дивизии участвовали в обороне полуостровов Рыбачий и Средний, рубежей на реке Западная Лица. В период Петсамо-Киркенесской операции часть оленьих упряжек передали минометчикам и артиллеристам. Упряжки быстро перебрасывали легкие орудия и боеприпасы.

Использовали этот вид транспорта и североморцы. О десантной операции на мысе Пикшуев вспоминал ветеран бригады морской пехоты Б.Косач: «Враг усиливал натиск. Увеличивалось количество раненых и обмороженных... Помощь пришла неожиданно в виде оленьих упряжек, которые впервые в практике морских десантов Военный совет флота решил использовать для эвакуации раненых... Погонщики коми, саамы и ненцы без слов понима-

ли, что им нужно делать».

Без воинов-оленеводов не обходилась ни одна крупная боевая операция заполярных партизан, уходивших во вражеские тылы на глубину до 500 километров. Оценили помощь оленеводов и северные пограничники.

Штабы полков, дивизий, корпусов использовали олений транспорт для переброски офицеров

связи, доставки срочных донесений, рекогносцировки на местности.

Бойцов-оленеводов уважали на фронте за их доброту и отзывчивость, ловкость и умение ориентироваться на местности, за то, что они не терялись в самых сложных ситуациях и воевали достойно.

За годы войны оленеводы вы-

везли с передовой более 10 тысяч раненых и больных, перевезли 17 тысяч тонн боеприпасов и военных грузов, эвакуировали из тундры 162 аварийных самолета...

Но не забудем и о том, что из 800 воевавших оленеводов более 200 не вернулись с войны, то есть каждый четвертый...

п.Никель Мурманской обл.

Михаил ПЕТРОВ

ГОЛУБЫЕ ДОРОГИ ЗАВОДА

В 1789 году именитый московский купец Михаил Губин за 600 тысяч рублей купил два уральских завода — Нижнесергинский и Верхнесергинский. Губин происходил из орловских купцов. В 1770-м он приехал в Москву, удачно женился на дочери богатого негодянта и повел со своим удачную торговлю с заграницей.

Купив у наследников Никиты Демидова два завода, Губин на этом не остановился, а принялся покупать и возводить новые. К концу века он уже владел семью заводами. А в 1805 приступил к строительству Михайловского завода для производства листового железа. Бывший рабочий-прокатчик Дмитрий Дементьев рассказывал: «Род наш, Дементьевых, с самого основания завода известен. Деда из Нижних Серег на строительство плотины прислали. Она сперва на другом месте была, не там, где нынче. Ее выше по реке Серге строить начали, у Дырова того камня. Много трудов положили, но приехал плотинный мастер да и покачал головой:

— Не годится, уйдет вода...

И вправду ушла вода под скалу, в землю. Решили тогда плотину на другое место перенести, между Еланной и Воронинской горами, где она, стало быть, и сейчас стоит. Серга река быстрая была, чтоб остановить ее, много возили глины, камня. Плотинный грязь на язык брал, вязкость пробовал. Сваливали глину и камень в воду, но на другой же день все размывала непокорная Серга.

Однажды плотинный поднялся на Воронинскую гору и подозвал рабочих.

— Ничего, — говорит, — ребята, не получится. Не остановить нам реку.

Потом помолчал и вдруг спрашивает:

— Почем здесь ржаная мука и холст?

«К чему бы это?» — удивились рабочие.

Несколько дней шили холщовые мешки. Затем набивали их мукой. Сбрасывали кули в воду. И остановили реку. Так вот и заложена плотина».

В августе 1808 года завод вступил в строй действующих.

Железо делали традиционным для того времени методом — пудлингованием из чугунных чушек. Прокатные станы появились уже в середине девятнадцатого века. Вот выдержка из путевых записок Ивана Федоровича Зоркова, относящихся к 1859 году.

«Михайловский завод. Этот завод есть вспомогательный к Сергинскому и Уфалейским, а потому в нем нет доменной печи и не производится выплавка чугуна из руд, а только переделка чугуна, сплавляемого из Уфалейских заводов, и железных болванок, доставляемых с Сергинских заводов, в сортовое железо, более в листовое — кровельное и кубовое...

Листокатальная фабрика деревянная, довольно большая, разделена на три отделения... В среднем отделении 5 станков недавно (в 1851 г.) устроенных. Каждый стан катальных валков действует особым колесом в 5 арш. диаметром, передаточный механизм не сложный: на валу вододействующего колеса зубчатое чугунное, оно сцеплено с чугунною же шестернею...

В Михайловском же заводе ниже плотины с версту находится пристань для нагрузки барок, тут же строятся и барки. Постройка их годовым окладом: 25 человек в год должны выстроить из готового леса 10 барок.

В трех верстах от Михайловского завода по р.Уфе другая пристань, тут же деревня и кирпичные сараи. На этой пристани и останавливаются барки Уфалейских заводов и добавляют груз. Сверху они идут с грузом 6 и 7 тыс. пудов и тут догружают по 3 и 4 тыс. пудов».

По рекам грузы транспортировали до 1914 года, то есть до прокладки вблизи упомянутых заводов железной дороги.

Отправку караванов с Михайловского завода захватил еще мой отец. Вот что он рассказывал: «Барки строили так: выбирали в лесу высокую сосну и сваливали ее вместе с корнем. Отрубали малые корни, оставляя средний, длинный. Ствол лесины становился килем будущего судна, а корень, стоявший к стволу под прямым углом, — кормой, которая обшивалась досками. Барку строили на подставках из толстых чурбаков.

Весной в готовые барки гру-

зили железо и назначали день отправки каравана в путь. В такие дни в гавань собиралось почти все взрослое население поселка. За сталкивание барок платили 50 копеек (40 копеек стоила бутылка водки, 10 копеек — калач на закуску).

Закрывали шлюз на Серге у Власкиной горы и открывали запоры плотин пруда. Вода из пруда устремлялась в гавань, где, заполняя все окрест, медленно наполнялась до тех пор, пока не начинала подпирать днища барок. А так как барки стояли на чурбаках, требовалось некоторое усилие пришедших людей, чтоб столкнуть их в воду...»

С появлением железной дороги завод продолжал пользоваться водным транспортом, но уже по иной надобности. Теперь для судходства служил Михайловский пруд, растянувшийся на семь километров. Сутунку (стальные заготовки) с Нижних Серег доставляли поездом до деревни Аракаево, а оттуда на барке с помощью моторной лодки транспортировали к заводской плотине.

Я еще захватил то довоенное время и часто наблюдал, как маленькая моторка, надсадно стрекоча, медленно тянула по пруду

за длинный трос огромную барку. Чтоб уплыть в одну сторону и вернуться назад, нужен был полный день.

Сохранился в памяти сухой док для ремонта барок. У подножия горы из больших котлов со смолой вечно поднимался удушливый черный дым. Тут же лежали большие деревянные катушки, на которые была намотана, свитая в жгуты, пакля. Этими жгутами конопатили щели в барках, а потом смолили их. Закатывали барки на берег и спускали в воду по деревянным каткам с помощью лебедки и конной тяги.

Кроме того, по пруду сплавляли лес для заводских нужд. Возле Аракаево вылавливали поленья (шеститки), нарубленные дровосеками в верховьях Серги, собирали их в большие плоты (кули) и моторкой сплавляли к плотине, где по элеватору перегружали на заводскую территорию.

Только к началу Великой Отечественной войны вода перестала служить заводу. Появился грузовой автотранспорт. А с середины пятидесятых Михайловский завод перешел на выпуск совершенно иной продукции — алюминиевой фольги.

г.Екатеринбург

Валерий ПРИВАЛИХИН

ВЕЛИКИЙ СИБИРСКИЙ РЕЛЬСОВЫЙ ПУТЬ

Вторая половина 90-х годов — это столетний юбилей Транссиба. Первый поезд в Томск пришел 22 июля 1896 года. В октябре — открыто постоянное движение на Западно-Сибирском участке...

О Транссибе написано мало. Мы предлагаем читателю материал, собранный томским писателем Валерием Привалихиным.

ТАЧКА ЗЕМЛИ НАСЛЕДНИКА-ЦЕСАРЕВИЧА

11 мая 1891 года после долгого зарубежного путешествия по странам Индийского бассейна наследник российского престола и будущий последний русский император Николай II прибыл во Владивосток. Ему предстояло теперь долгий путь через Азиатскую и Европейскую Россию — на лошадях и пароходах в Санкт-Петербург.

А в феврале того же 1891 года окончательно решился вопрос о сооружении рельсового пути от Урала до Тихого океана. Наследнику, по желанию августейшего родителя, предстояло открыть эту стройку — пожалуй, самую грандиозную в последнем десятилетии уходящего XIX века. Николай Александрович Романов обнарудовал Высочайший рескрипт, адресованный ему отцом — царствующим императором Александром III.

Ваше Императорское Высочество.

Поблажь нынче приступить къ постройкѣ сплошной чрезъ всю Сибирь желѣзной дороги, имѣющей соединить обильные дары природы сибирскихъ областей съ сѣтью внутреннихъ рельсовыхъ сообщеній, Я поручаю Вамъ объявить таковую болѣе скорѣе, по вступленіи въ ночь на Русскую землю, послѣ обобранія иноземныхъ странъ Востока. Имѣйте съ этимъ въ виду на Васъ совершенію въ Владивостокѣ закладки разрѣшенною къ сооруженію, на счетъ казны и непосредственнымъ распоряженіемъ правительства, Уссурийскаго участка Великаго Сибирскаго рельсоваго пути.

Знаменательное участіе Ваше въ начинаніи предпринимается для послужить полнымъ свидѣтельствомъ душевнаго моего стремленія облегчить сношенія Сибири съ прочими частями Имперіи, и тѣмъ явить сему краю, близкому моему сердцу, живѣйшаго моего попеченія о мирномъ ея преуспѣяніи.

Призывая благословенія Господа на предстоящій Вамъ продолжительный путь по Россіи,

Пробываю искренно Васъ любящій „Александръ“.

19 мая наследник насыпал лопатой землю в тачку и отвез ее к полотну дороги. Так начался Великий сибирский рельсовый путь. Закипела работа на необъятном пространстве от Тихого океана до Урала.

Речь о надежной, круглогодичного действия дороге,

которая бы связывала обе столицы с самыми отдаленными уголками Империи на востоке, велась еще в 50-х годах, когда и в центральных-то губерниях рельсовых путей было негусто.

Первое послание Государю пришло от генерал-губернатора Амурского края графа Муравьева. В 1857 году в «Северной пчеле» появилась едва ли не первая статья: «О постройке железной дороги через Нижний Новгород к Тихому океану».

Минуло три десятилетия с тех пор, как русский губернатор-патриот Николаевич Муравьев-Амурский дал экономическое обоснование железной дороги через всю Россию. Родились и умерли десятки различных проектов. Предлагали, например, строить рельсовый путь частями: от Томска до Иркутска, Дальневосточный (Уссури — Владивосток), Забайкальский (между Сретенском и Байкалом). Даже железную дорогу на конной тяге... Конец всем проектам положил, кажется, адмирал Копытов, заявивший в Правительственной комиссии:

— Великому государству подобают великие дела.

По совету графа Витте император назначил наследника-цесаревича председателем Комитета Сибирской железной дороги. Он прямо участвовал в работе Комитета, вел долгие беседы с вице-председателем Н.Х.Бунге, с тогдашним министром путей сообщения (и председателем Комитета) князем М.И.Хилковым и другими. Может, именно причастность царя к строительству Транссиба была причиной того, что потом так неохотно и скороговоркой упоминали об этом выдающемся сооружении? А разве не примечательно то, что дорога строилась исключительно русскими людьми и из материалов почти полностью русского происхождения (такова была воля Александра III), а они по качеству значительно превосходили зарубежные. Демидовские рельсы, например, служили вчетверо дольше, нежели бессемеровские, английские.

Поражают и темпы стройки. Спустя пять лет, сплошная линия дороги протянулась уже от Челябинска до Красноярска, а это — 2060 верст. Уже регулярно шли поезда, на всем протяжении от Урала до Енисея действовал железнодорожный телеграф.

На Уссурийском участке от Владивостока до Има-

на (ныне Дальнореченск) движение началось в 1896 году, а в 1897-м — до Хабаровска. Одновременно шло крестьянское переселение, осваивались просторы Сибири, поощрялось судоходство по таежным рекам. Возводились поселения: жилье, храмы, школы, училища, лечебницы...

Это были не первые рельсы на сибирских землях. В Тюмень паровозы пришли еще в 1885 году. Остается загадкой, почему столь солидный отрезок пути, связавший Тюмень с Уралом, не считается составной частью Великой железной магистрали.

Земли Сибири к началу строительства были заселены довольно густо, — конечно, по сравнению с забайкальскими, дальневосточными, но среди местного населения не было квалифицированных рабочих: каменщиков, каменотесов, слесарей, кузнецов и т.д. Местный люд использовался в качестве чернорабочих или для подвоза грузов к строящейся магистрали. А мастеров-умельцев вербовали в центральных районах страны. В разные годы на участке от Челябинска до Иркутска трудились до тридцати тысяч пришлых рабочих.

Чтобы удешевить и ускорить строительство Западно-Сибирской (Челябинск — ст.Обь) и Средне-Сибирской (станция Обь — Иннокентьевская; это пригород Иркутска) линий, Комитет рекомендовал упростить технические условия. Рельсы укладывали облегченные, а шпалы из-за узкого полотна — укороченные. С рас-

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО
ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОР
Николай Александрович
АВГУСТЕЙШИЙ ПРЕДСЕДАТЕЛЬ
КОМИТЕТА СИБИРСКОЙ ЖЕЛ. ДОРОГИ

четом, что позднее, когда грузы можно будет доставлять поездами, довести дорогу до кондидии обойдется дешевле. К тому же рядом хотели проложить вторую колею. Поэтому капитальные мосты строили только через наиболее крупные реки (Иртыш, Тобол, Омь, Обь, Чулым, Кия, Енисей и др.). Через небольшие речки сооружали временные деревянные.

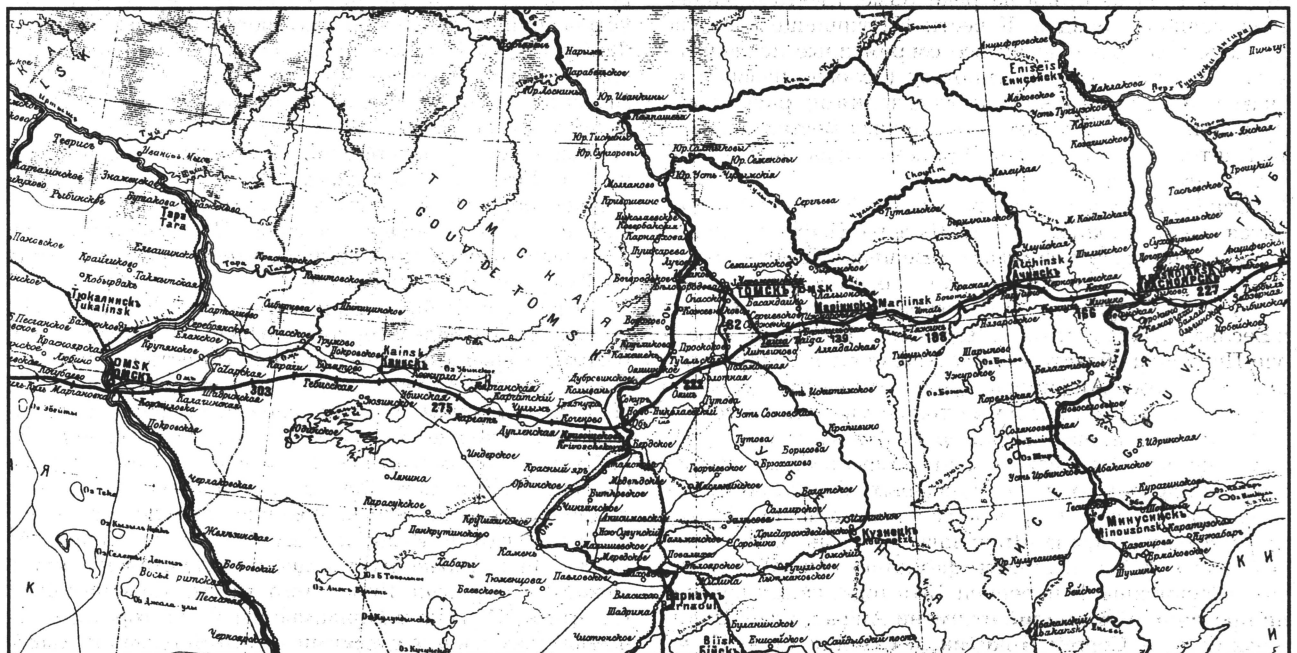
Как строили, если за один день добавлялись три-четыре, а то и пять верст дороги? Чаще всего, вручную: лопата, лом, кирка, тачка, топор, кувалда — основные орудия труда. Помогали и механизмы, но не много. Случались наводнения, в результате которых сотни километров пути оказывались под водой, смывались мосты и целые селения. Вспыхивали восстания, когда разрушались уже готовые к эксплуатации пути. Бывали эпидемии...

Было тяжело — да, но не сгоняли на «чугунку», а привлекали высокими заработками, льготами.

Так или иначе, а к середине 1899 года Сибирская железнодорожная магистраль была построена. В основном. Отдельное Управление по сооружению Великого Сибирского рельсового пути прекратило своё существование, вошло в состав нового Управления — по сооружению железных дорог в Российской империи.

О том, как строились отдельные участки пути, расскажем в дальнейшем.

Фото из архива автора.

Геннадий БОРДИНСКИХ

ГДЕ СТОЯЛ ГОРОДОК АНФАЛОВСКИЙ

Это название хорошо известно любому, кто изучает средневековую историю Урала. В каждой книге, повествующей о событиях XIV–XV веков, он упоминается как первое русское поселение на р.Каме. Знают его и русские летописи. Вот как, например, пишет о нем Никоновская летопись под 1472 годом: «...на Фоминой неделе в четверток пришел в землю ту на усть речки Черныя... и оттуда после на плотах и с коньми и приплыл под городок Анфаловский, сойде с плотов и поиде оттуда на конях на Верхнюю землю на Урос, на Чердыню, и на Покчу».

Исследователи единодушны в том, что основал этот городок Анфал Никитин, опальный новгородский воевода. Невелики расхождения и во времени его возникновения: вторая половина XIV века, 90-е годы того же столетия, 1398–1409 годы. Но вот уже более 200 лет ученые, краеведы не могут найти место, где находился город. Первую гипотезу выдвинул Н.П.Рычков — известный русский ученый XVIII века. Он считал, что Анфаловский располагался на месте Дивьегорского городища, а рать Федора Пестрого шла в Пермь Великую с Вычегды по Немскому волоку в бассейн Колвы. Гипотеза продержалась до конца 20-х годов нашего столетия, хотя имела одно очень уязвимое место. В цитированной летописи указывалось, что у Анфаловского городка рать разделилась на две части: одна пошла к Искору, другая к Чердыни, а у Дивьегорского городища так разделиться нельзя. Оно находится севернее и Искора, и Чердыни. В 1928 году чердынский краевед И.Пушвинцев предложил другую гипотезу. По его мнению, городок стоял на реке Каме, где-то в районе современного с.Бондог. К чести И.Пушвинцева нужно сказать, что практически все современные исследователи поддерживают его гипотезу (условно назовем ее «камской»), с небольшими изменениями располагая Анфалов на Каме только в различных местах: на месте Пянтежского городища, в районе озера Исток-Тыльты, у села Долды.

Основные доказательства «камской» гипотезы сводятся к следующим. 1. Рать Федора Пестрого двигалась по маршруту г.Москва — г.Великий Устюг — р.Луза — р.Весляна — р.Кама, так как этот путь в верховья Камы был хорошо известен на Руси, к тому же р.Весляна имеет приток р.Черную. 2. В Гайнском районе Пермской области есть оз.Анфалово и распространена фамилия Анфаловы. (Доказательство довольно слабое; во-первых, подобные топонимы есть не только в Гайнском районе, например, в 3–4 км к северу от Чердыни есть лог, называемый «Анфаловский», и урочище «Анфалово место»; во-вторых, фамилия Анфаловы имеет очень широкое распространение. К тому же, потомки Анфала Никитина, если они остались в Прикамье, могли получить фамилию как Анфаловы, так и Никитины. В переписи 1579 года, например, нет ни прозвищ, ни фамилий от имени Анфал, а вот Никитины есть — Сергей Никитин, посадский Соли Камс-

кой). 3. Существовала дорога, именуемая «Русский тес» или просто «Русская», которая шла от с.Вильгорт на реке Колве по левому берегу Камы, реке Весляне, в верховья реки Сысолы и далее по р.Лузе к г.Великий Устюг. По этой дороге и могла, согласно гипотезе, пройти русская рать.

Я предлагаю иную версию, считая, что городок располагался не на Каме и рать Федора Пестрого не шла по дороге «Русский тес».

Судите сами. Русские летописи сообщают три даты этого похода: первая — начало между 7 и 14 января; вторая — Фомина неделя, четверг. В это время рать подошла к устью р.Черной (в 1472 году Пасха была 14 апреля, значит, четверг Фоминой недели — 18 апреля), и третья дата — 26 июня, когда до Москвы дошла весть «о взятии земли Пермской». Получается, что за три с лишним месяца войско прошло путь от Москвы через Великий Устюг до устья р.Черной, а за два месяца и неделю оно прошло всю Пермь Великую, взяло несколько укрепленных городков, а затем совершило весь обратный путь. Получается неувязка в сроках. К тому же в Никоновской летописи говорится: «пришел в землю ту на усть речки Черныя». Но ведь р.Черная, если это приток Весляны, — не «та земля» (Пермь Великая), а лишь ее границы.

Каким же путем тогда могла идти русская рать? Ответ содержится в Вычегодско-Вымской летописи: «...повеле воеводе устюжскому Федору Пестрому с устюжаны, белозерцы, вологжаны, вычегжаны воевати Пермь Великие...» Здесь фактически указывается путь рати. Вначале названы устюжане, так как воевода был устюжский, а далее перечисляются отряды, которые Федор Пестрый присоединил по пути движения: Москва — Белое Озеро — Вологда — Великий Устюг — Вычегда. За то, что Федор Пестрый двигался в Пермь Великую через Вычегду говорит и тот факт, что проводников ему дал пермский епископ Филофей, живший в г.Усть-Вым на Вычегде. Если бы рать двигалась хорошо известным путем через верховья Камы, проводники вряд ли понадобились бы. И как мог Филофей дать вычегодских проводников, чтобы провести отряд по Лузе и верховьям Сысолы?

Ответ может быть один: русское войско двигалось по Вычегде и через верховья р.Южной Кельтмы или р.Пильвы вышло к речке Черной. Но встает вопрос: к какой? В этом районе их две: притоки рек Лызовки и Пильвы. Гидроним «Черная» вне всякого сомнения русского происхождения, значит, находится он мог или на пути, которым часто пользовались русские (что, как мы видели, отпадает), или вблизи от местности, населенной русскими. Здесь, конечно, предпочтительнее приток Лызовки. И вот почему. От устья р.Черной на Пильве нельзя разойтись в две разные стороны, идя к Искору и Чердыни. Кроме того, исследователи считают, что в XV веке в Прикамье было два города, в основном населенных русскими — это Чердынь и Анфа-

лов. И в Никоновской летописи сказано, что после устья Черной русские воины вначале подошли к Анфалову, а лишь потом часть из них — к Чердыни. Суммируя эти факты, можно примерно обозначить район, где мог располагаться городок — нижнее течение, устье реки Лызовки. Кстати, здесь рать могла, разделившись, идти в разные стороны, вверх и вниз по течению. Интересные сведения находим в переписи М.Кайсарова 1623-24 годов? Перечисляя отхожие починки посадских жителей г.Чердыни в Окологородном стане, он называет починок Анфилов (искаженное Анфалов). А северная граница Окологородного стана проходила по реке Лызовке.

В предложенной гипотезе есть, впрочем, два уязвимых места. Первое: от впадения речки Черной до устья по Лызовке расстояние небольшое, чтоб проплыть его на плотках требуется день, максимум полтора. Стоило ли ради одного дня строить плоты? Второе: ни пешее, ни конное войско не может двигаться совершенно без дороги, а существовала ли она между Вычегдой и Колвой через верховья Пильвы?

Что здесь можно ответить? Вспомним: князь Федор Пестрый вышел к устью речки Черной 18 апреля по старому стилю. В конце апреля, — начале мая реки в Верхнем Прикамье вскрываются, вполне возможно, что у Федора Пестрого не было иного выхода, как строить плоты и пройти на них этот отрезок пути.

Есть доказательства и существования дороги от Вычегды на Колву. В конце XIX века чердынское уездное земство решило строить тракт, который бы соединил Чердынский уезд с Вологодской губернией. Тракт должен был начаться у с.Вильгорт и через верховья р.Пильвы выйти к с.Усть-Нем на Вычегде. Чтобы доказать необходимость строительства этой дороги, председатель уездной земской управы писал: «...до

открытия Екатерининского канала дорога существовала по тому же самому направлению, по которому спроектирована сейчас, но была заброшена. Таким образом, здесь речь идет не о новой дороге, а об изменении уже существовавшего пути». Существование древней дороги косвенно подтверждается данными археологии и топонимики. И.Я.Кривошеков писал, что в районе д.Гавиной находили «чудские» вещи. Г.Остроумов указывал на наличие там городища. А ведь д.Гавина находилась на водоразделе рек Пильвы и Колвы. Воду жители брали из колодцев, которые часто пересыхали, и тогда воду возили за полторы версты из д.Якимовой. Что же заставило основать здесь, так далеко от водных источников, поселение? Ответ, по нашему мнению, может быть один: оно стояло на сухопутной дороге. Любопытно, что в д.Лызовой записано интересное название дороги — «За кедром». Эта дорога идет от д.Лызовой вдоль р.Черной вверх по течению. Местные жители не могли дать ясного ответа, почему она так называется. Но подобные же микропонимы зафиксированы у д.Ивановской (поля «У кедра» и «За кедром») и у д.Ксенофоновой (луг «У 4-х кедров»). Обе деревни стоят на Пильве. Есть и другие одинаковые топонимы в этих районах. Простым совпадением это не объяснить.

Итак, можно следующим образом реконструировать направление старой дороги: от устья р.Черной она шла вдоль реки, где сейчас проходит дорога «За кедром», далее выходила к поселению в районе д.Гавиной, оттуда шла по территории, где сейчас находятся с.Янидор, д.Ивановская и Ксенофопова.

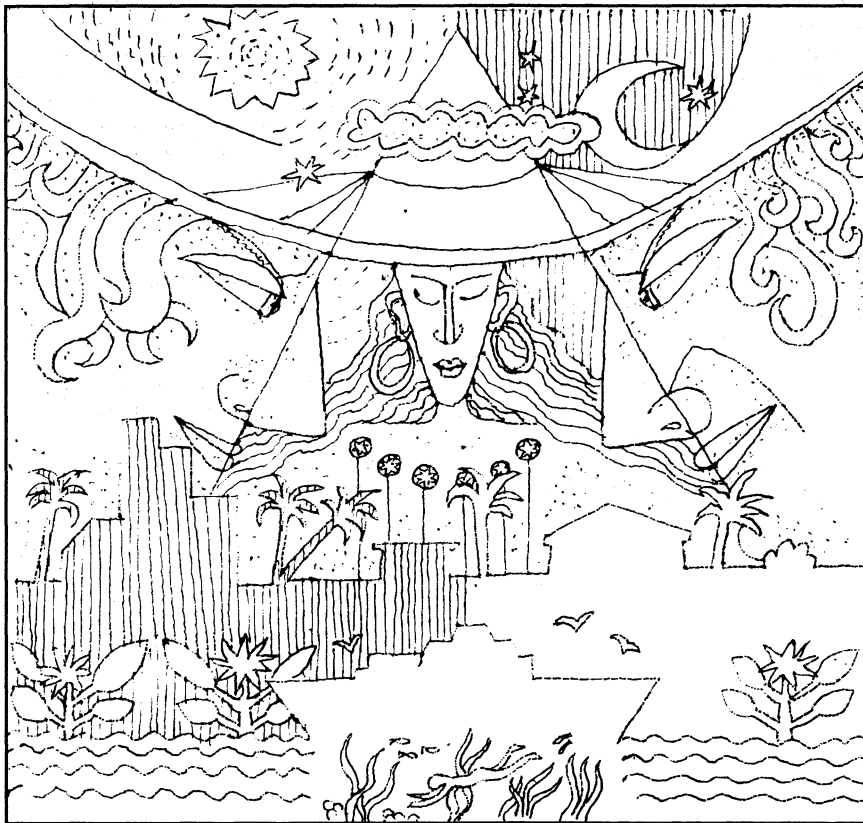
Осталось сообщить, что ниже устья р.Лызовки, примерно в 500 метрах вниз по течению р.Колвы, есть городище. Вполне возможно, что это бывший Анфаловский городок.

Мацей КУЧИНСКИЙ

СОКРОВИЩА МАЙЯ

Иллюстрации Валерия ЗЯБЛИКОВА

1.

В середине дня, после восьми часов, проведенных за рулем, Монтеллано прибыл в Ларедо. Выпив в киоске у шоссе стакан апельсинового сока, он подрулил к стоянке перед зданием пограничного пункта. Вошел в зал, осмотрелся по сторонам и стал в очередь, состоящую в основном из американцев, едущих в Мексику на зимние каникулы. Вместе с ними он медленно продвигался вдоль полукруглого металлического прилавка. Наконец подал паспорт и услышал от чиновника, что является первым мексиканским путешественником, пересекающим границу за последние три дня.

В соседнем таможенном зале Монтеллано положил

чемодан на одну из пяти стоек и открыл замок. На вопрос таможенника, имеет ли он что-нибудь для взывания пошлины, ответил отрицательно. Хотел было уже отправиться к выходу, но его внимание внезапно привлекла фигура мужчины, стоящего у соседней стойки.

Монтеллано тут же опустил чемодан на пол и согнулся, делая вид, что не может справиться с замком. Мак-Келлара он узнал с первого взгляда, несмотря на то, что со времени их встречи прошло почти пять лет. За эти годы Мак-Келлар ничуть не изменился. Широкие плечи, толстая шея, короткая стрижка, осанка человека, знающего себе цену. Один он здесь или с кем-нибудь из своей банды? По левую сторону от него

у стойки топталась пожилая супружеская пара — дама с белым пуделем на руках и её муж со связкой палок для игры в гольф. Справа — двое молодых людей в потертых голубых джинсах. Кто знает, что это за люди... Спину Мак-Келлара обтягивала простая бежевая рубашка, заправленная в холщовые брюки. Пройдя досмотр, он поднял чемодан и с рассеянным видом двинулся в сторону выхода. Скользнул взглядом по стоящим в зале и, может быть, лишь на долю секунды задержал взгляд на согнувшейся фигуре мексиканца. Не заколебался, не замешкался, а пошел ровной неторопливой походкой, слегка шаркая белыми сетчатыми полуботинками. «Не узнал?» — с сомнением подумал Монтеллано.

Настоящее имя Мак-Келлара мексиканской полиции не было известно. Это был ловкий и изворотливый преступник, специализирующийся на контрабандном вывозе произведений древнего искусства и памятников старины. И только один раз, пять лет назад, он был схвачен во время грабежа древних ювелирных изделий в одном из захоронений на Юкатане. Уже тогда было очевидно, что это не какой-то вор-одиночка, а опытный гангстер. Ему удалось уйти от наказания и вернуться в Штаты, где следы его были потеряны. В картотеке ФБР он не фигурировал, а мексиканская полиция имела о нем только самые общие сведения: словесный портрет и ряд косвенных данных о руководимой им банде преступников, нелегально вывозящих из стран Южной и Центральной Америки произведения искусства доиспанского периода.

Конечно, Монтеллано мог бы сейчас поехать за ним и на мексиканской стороне задержать и доставить в столицу. Но, скорее всего, это кончилось бы тем, что через несколько дней Мак-Келлара выпустили, не сумев предъявить ему конкретных обвинений. Нет, эту случайную встречу следовало использовать иначе — идти по следу Мак-Келлара и попробовать схватить его с полициным. Можно не сомневаться, что этот тип явился сюда не для отдыха и не для игры в гольф. Вот такое молниеносное решение принял инспектор Монтеллано, пробираясь к своей машине.

Он подождал, пока темно-голубая машина Мак-Келлара выползла на мостовую между сетками, ведущими к пограничному мосту. Остановившись у шлагбаума, Монтеллано показал часовому удостоверение и связался по телефону с мексиканским полицейским постом. Офицеру, который поднял трубку, несколько раз повторил марку темно-голубого автомобиля с одним пассажиром. «Запомните его имя! — подчеркнул он. — Именно запомните, а не записывайте при нем. Ничем не выдайте своей заинтересованности его персоной. Если даже паспорт покажется подозрительным, ни в коем случае не задерживайте!». Затем попросил обратить внимание, не будет ли этот мужчина с кем-нибудь разговаривать, и предупредил, что сам придет минут через двадцать.

Но ехал он дольше. Его «Меркурий-7», способный развивать скорость около двухсот километров в час, еле тащился в плотном потоке транспорта. Перед пограничным контрольным пунктом движение вообще замерло. Дождавшись своей очереди, Монтеллано съехал на обочину и несколько минут наблюдал за процедурой контроля. Несколько пограничников проверяли до-

кументы прямо в машинах. Выходили лишь те, кто хотел поразмяться или взглянуть на карту автодорог Мексики, что висела на стенке здания. При таком методе контроля документов трудно было ждать каких-либо интересных донесений.

Однако дежурный офицер удивил его, заявив, что темно-голубая «Кобра» с знаком «Х-262868» отъехала лишь несколько минут назад и что у её водителя действительно были холщовые брюки и белые сетчатые полуботинки. «А на сидении лежал микрофон со шнуром. «Кобра», видимо, снабжена радиотелефоном или рацией», — флегматично закончил офицер. Затем протянул столичному инспектору клочок бумаги, на котором были написаны имя, номер машины и дата въездной визы. К своему немалому удивлению Монтеллано прочел: «Мистер Мак-Келлар, цель посещения страны — туризм». Что это — неосторожность или нахальство? Ведь он не мог не знать, что его имя известно полиции Мексики! Впрочем, можно было не сомневаться, что в его карманах наверняка лежит еще паспорт, и быть может, не один. И все же... Не высокого же он мнения о мексиканской полиции!

Из помещения пограничного поста Монтеллано позвонил в столицу. Когда шеф узнал, что Монтеллано звонит с границы, он немедленно выразил удивление, что тот тратит время на разговоры, вместо того, чтобы возвращаться самой короткой дорогой и завтра утром находиться в отделе за своим письменным столом. По его мнению, самые серьезные дела офицер следственного отдела должен решать именно за письменным столом, а не на «автопрогулках». Но когда было произнесено имя Мак-Келлара, шеф сразу же отдал приказание начать наблюдение на всех дорогах, ведущих от границы в глубь страны.

Итак, теперь можно было рассчитывать, что дорожные посты и патрули не упустят из виду машину с американцем. Но ни начальство в Мехико, ни сам Монтеллано не могли предположить, что через несколько минут после отъезда Мак-Келлара от пограничного поста, в момент, когда «Кобра» находилась на одном из извилистых участков шоссе и не имела за собой в сотне метров ни одной машины, её водитель неожиданно свернул на узкую боковую дорогу и остановился за грудой камней. Здесь он включил какой-то рычаг под приборным щитком, что-то заурчало, и багажник начал ползти вверх, пока не достиг уровня крыши — теперь силуэт автомобиля из «Кобры» стал «Комби». Затем Мак-Келлар сменил номерной знак и с помощью ручной помпы обдал кузов аэрозолью какого-то вещества — буквально на глазах голубой цвет машины превратился в зеленый. Довольно оглядев плоды своей работы, Мак-Келлар не спеша прошелся ветошью по никелю автомобиля, и тот засиял как новенький. Осталось только переодеться, что Мак-Келлар и проделал в считанные минуты.

А Монтеллано тем временем попрощался с пограничниками и вышел из здания поста. Уже нажимая ручку дверцы машины, он услышал неподалеку характерное щелканье затвора фотоаппарата. Подняв глаза, увидел, что на расстоянии нескольких шагов от него стояла молодая женщина в широкополой шляпе. Женщина, казалось, не обращала на него никакого

внимания. Передвинув пленку, она поднесла аппарат к лицу и еще раз критически осмотрела объект съемки. Смотрела мимо Монтеллано, но можно было не сомневаться, что и он тоже находится в зоне съемки.

Щелкнув еще раз, молодая женщина забросила ремешок аппарата на плечо и не спеша направилась в сторону шоссе. «Однако же! — мелькнуло у инспектора. — Выходит, Мак-Келлар не только узнал меня, но и безотлагательно принял меры. Конечно, наивно было бы думать, что он «путешествует» в одиночестве...». Если эта особа получила поручение запечатлеть фотографию инспектора, то цель была только одна: люди Мак-Келлара должны познакомиться с его физиономией.

— Вы не закрыли аппарат, — сказал он ей первое, что пришло на ум, сделав несколько шагов в её сторону.

Женщина повернулась к нему (по мнению инспектора, слишком поспешно, будто ожидала его окрика).

— Здесь очень пыльно, — добавил он. — Это может повредить оптике.

Она пожала плечами и слегка улыбнулась:

— Надеюсь, ничего не случится.

— И еще одно, — продолжал Монтеллано, — для фотографирования требуется разрешение.

— Не смешите! Я вовсе не вас фотографировала! — она смерила его критическим взглядом.

— А я не о себе, — ответил он миролюбиво. — Вы фотографировали здание пограничного пункта, а это запрещено.

Американка вздернула плечами.

— Запрещено? Да я уверена, что его фотографировали уже сотни раз!

Монтеллано заметил, что к их разговору прислушивается полицейский.

— Этот сензор прав, — сказал тот.

— Я хотел вас только предупредить, — развел руками Монтеллано, — но сейчас уже поздно. К сожалению, сержант услышал и, наверное, засветит вам пленку.

Полицейский понял этот прозрачный намек и протянул руку:

— Сожалею, сеньора, но правила именно так и гласят.

Женщина инстинктивно прижала аппарат к груди и бросила на Монтеллано испепеляющий взгляд.

— Впрочем, вы можете переговорить с моим начальником... Пойдемте!

Услышав это, женщина тут же отдала аппарат. Вынуть кассету и засветить пленку было делом одной минуты. А когда все было кончено, она процедила:

— Я буду жаловаться в посольство!..

— Вот как! — живо подхватил сержант. — В таком случае прошу предъявить паспорт для записи данных. Я запишу все это в журнал дежурного, чтобы при поступлении жалобы можно было быстро разобратся.

Уже издали Монтеллано видел, как сержант что-то записывает в свой блокнот. Потом разъяренная особа с фотоаппаратом пробежала мимо и уселась в желтый «Фольксваген», к багажнику которого были привязаны водные лыжи. В машине никого, кроме женщины, не было.

До Монтеррея он ехал, держась в хвосте раскидистого лимузина, занимавшего едва не половину шоссе.

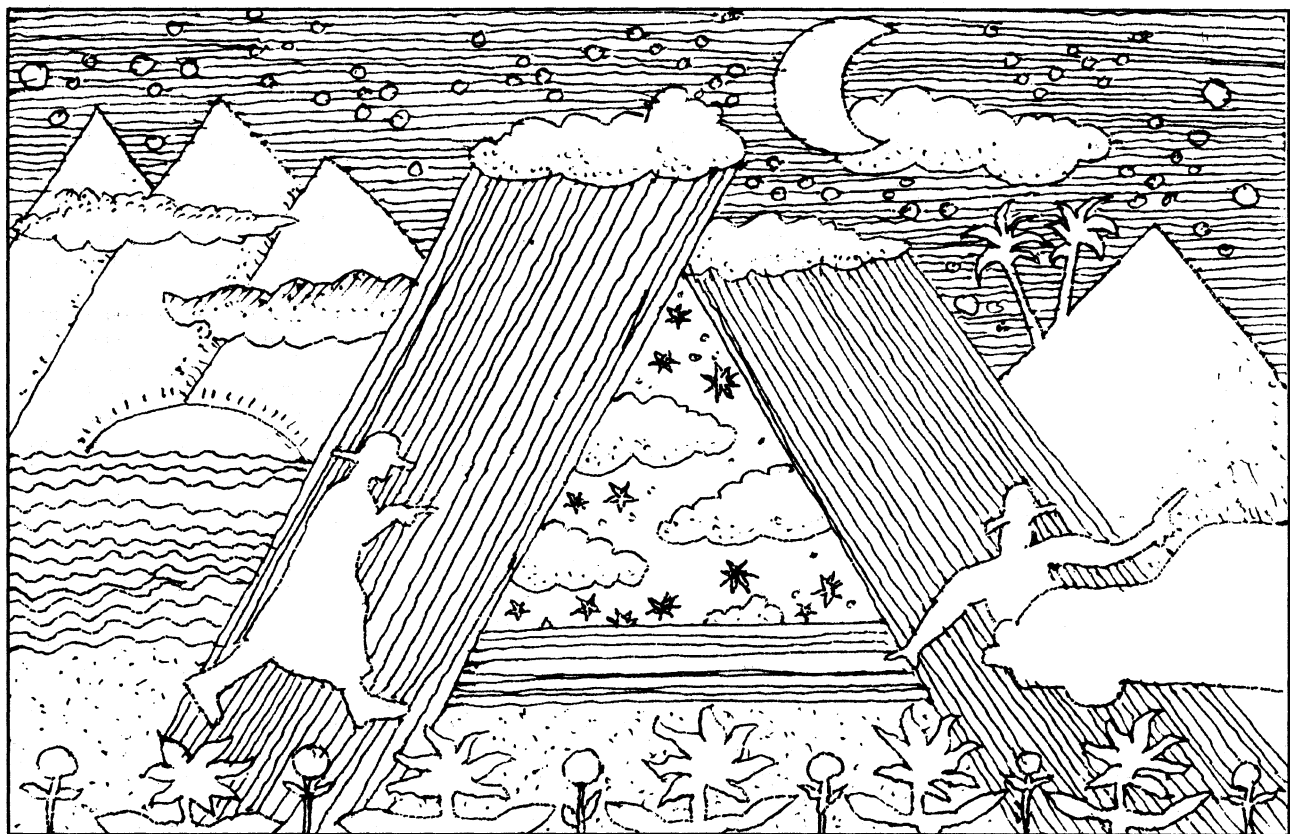
Монтеллано припомнил замечание дежурного офицера, что в машине Мак-Келлара был микрофон, и подумал, что эта девица получила поручение сфотографировать его уже после пересечения границы по радио.

Уже десять лет инспектор Монтеллано ведет непрекращающуюся войну с гангстерами, покушающимися на национальные сокровища Мексики. Организованные банды вывозят бесценные произведения искусства, уникальные памятники старины, музейные редкости, не гнушаясь при этом никакими средствами. Редкая операция по обезвреживанию преступников обходится без вооруженных схваток и перестрелок. Борьба с бандами полна риска. И все же Монтеллано любит свою работу и ведет борьбу с гангстерами бескомпромиссно. Надо сказать, что эта бескомпромиссность не всем приходится по душе и, быть может, именно поэтому Монтеллано в большинстве случаев полагается на собственные силы. По этой причине его часто упрекают в несносном характере, заносчивости, в игнорировании традиций уголовного сыска. Случалось, и начальство напоминало ему, что он «не частный детектив на службе национального музея, а ответственный сотрудник полицейского аппарата». К счастью, его непосредственный шеф полностью разделяет непримиримость Монтеллано к расхиителям памятников старины и в меру своих сил и связей поддерживал своенравного инспектора.

Никто в полицейском управлении не имел точного представления о размерах ущерба, который ежегодно несет Мексика из-за незаконного вывоза древностей. Назывались разные суммы, от нескольких до многих десятков миллионов долларов. Да и как было оценить этот ущерб? Не только контрабанда, но и продажа большинства предметов старины совершается в полной тайне на закрытых аукционах, в которых участвуют постоянные «клиенты» — богачи из многих стран мира.

Настоящие опустошения производят также туристы. Каждый год десять миллионов человек пересекают границы страны. Без боязни совершить ошибку, можно утверждать, что каждый десятый из них нелегально вывозит какой-нибудь «сувенир», относящийся к одной из индианских культур древней Мексики.

Правда, большинство вывозимых предметов составляли глиняные фигурки, керамика, ацтекские обсидиановые ножи и разные мелкие предметы старинного происхождения. Но были среди них и уникальные вещи колоссальной стоимости. Например, погребальные маски из золота и драгоценных камней, скульптурные изображения многочисленных богов, роскошные украшения вельмож и жрецов. Этот поток не иссякал десятилетиями. В последнее время, когда наступило бурное развитие авиации и судов малого моторного флота, начали вывозить метровые статуи, каменные стелы, разнообразные мозаичные украшения стен, потолков и полов, барельефы и даже стены храмов, разделенные на блоки по несколько сот килограммов каждый. Эта громоздкая поклажа, доставленная на открытые в джунглях посадочные площад-

ки или гавани, грузилась там на вертолеты и яхты.

Последние десять дней Монтеллано провел в США, где благодаря знакомствам, которые приобрел в Калифорнии, был приглашен на виллу Джона Монтегу, нефтяного магната. Он был уверен, что фотопленка, которую он везет сейчас в тайнике в раме автомашины, после проявления и демонстрации в Институте археологии ужаснет ученых.

Хозяин виллы оказался настоящим знатоком искусства древней Мексики и владельцем превосходной коллекции. Вместе с тем, именно здесь Монтеллано впервые смог увидеть собственными глазами то, о чем знал до сих пор только понаслышке и что казалось даже ему сильно преувеличенным. Это были везенные с мексиканской земли древние сооружения.

Площадка у виллы была с четырех сторон окружена стенами древнего майяского храма, покрытыми неслыханно богатой резьбой и орнаментами, изображающими фигурки богов, людей и животных. Увидев эти многометровые стены, сложенные из каменных блоков, Монтеллано в первый момент буквально лишился дара речи: как, каким образом можно было тайком перевезти за тысячи километров такую каменную машину?!

Сами по себе и эти храмовые стены, и стоящие перед ними стелы, испещренные резными рельефами, были уникальными памятниками — Монтеллано не приходилось видеть еще ничего подобного. Какой же невосполнимый урон был нанесен его стране! Да и

только ли ей? Памятники старины в Мексике открыты для обозрения миллионам людей, приезжающим сюда со всего света. Ученые из разных стран скрупулезно изучают каждую новую находку, по крохам восстанавливая историю древней цивилизации. А эти вот уникальные сооружения не только похищены, но о их находке где-то в непроходимой сельве никто не знает.

Противоречивые чувства обуревали инспектора в эти минуты — восхищение увиденным, гнев и негодование, адресованные этому respectableному скупщику краденого. Но Монтеллано сумел овладеть своими чувствами, и его смуглое худощавое лицо не выражало ничего, кроме умеренного любопытства. Он отлично понимал, что одно неосторожное слово может лишить его возможности полностью ознакомиться с этой коллекцией. Да и можно ли было подвести тех, по чьей протекции он оказался здесь? Единственно, что он мог сделать — до конца использовать пленку в своей микрокамере.

А хозяин виллы тем временем не без самодовольства объяснял собравшимся «технику» контрабанды памятников старины.

«Если говорить об этих стенах, то вся работа по их доставке сюда заняла всего три месяца. К месту находки на вертолетах направили несколько десятков рабочих из Гватемалы. С помощью ломов и рычагов аккуратно разделили стены храмов на блоки и пронумеровали каждый, после чего вертолеты перебросили их на побережье Карибского моря, на террито-

рии Британского Гондураса. Здесь на пустынном берегу была предварительно арендована старая гасиенда. Через подставное лицо получили разрешение от местных властей на эксплуатацию заброшенной каменоломни. Когда весь груз был готов, к временному причалу подошло судно, на которое были погружены камни и среди них — эти блоки. Через десять дней судно разгрузилось в Новом Орлеане. После уплаты пошлины за ввоз «облицовочного камня» весь груз был доставлен сюда. Не так уж и сложно, не правда ли?».

Риск? Хозяин виллы не видел в этом «предприятии» никакого риска. Что будет, если прознают мексиканские власти? Ничего не будет! Кто возьмется доказать, что этот храм вывезен из Мексики, а не, скажем, из Гватемалы или Гондураса? Прецедент подобного разбирательства в суде может подвергнуть сомнению законность приобретения не только частных коллекций, но и огромного количества предметов из Мексики в коллекциях музеев и университетов, бог знает какими путями попавших туда. Так что трудно сказать, как к таким претензиям отнесутся органы юстиции США!

После площадки хозяин виллы повел гостей в парк и там продемонстрировал пруд, берега которого были обрамлены каменным телом пернатого змея, безусловно, тоже из какого-то храма.

Восхищение собравшихся расположило миллиардера к еще большему откровению, и он решил показать гостям еще одну коллекцию. Когда все вошли в библиотеку, нажатием скрытой кнопки раздвинулись полки с книгами, открыв вход в залу без окон, которая освещалась только слабым зеленоватым светом через стеклянный потолок. На фоне черных мраморных плит сверкала коллекция из двенадцати золотых микстекских уборов. Украшения из чистого золота были откованы в виде масок с тиграми, воротниками, нагрудниками и серьгами. Все это, наверное, было похищено из гробниц племени микстек, и этому собою мог позавидовать любой музей мира.

2.

Монтеллано въезжал в Монтеррей Университетской аллеей. Миновав лежащий с правой стороны университет, за площадью де-Торос, он свернул в переулок и выехал с задней стороны к зданию городской полиции. Оставив машину в отдалении, направился к служебному входу. На первом этаже в оперативном отделе ему бросилась в глаза куча каблогрaмм на столе дежурного и среди них — срочное распоряжение из Мехико об установлении наблюдения за «Коброй» с таким-то регистрационным номером. Монтеллано поспешно обратился к сержанту, сидящему за этим столом, и спросил, почему не разбирается срочная почта. Ответ был коротким и исчерпывающим: «Сеньора офицера нет!».

«Увы, такова наша оперативность», — с горечью подумал инспектор и начал звонить на пограничный пост в Нью-Лоредо. Знакомый голос пограничника доложил, что молодая женщина с фотоаппаратом путешествует с паспортом на имя Барбары Бреннер.

Возвращаясь к своей машине, Монтеллано решил изменить тактику. Видно, на помощь дорожных патрулей рассчитывать не приходится. Следовательно,

надо ехать с максимальной скоростью и постараться догнать желтый «Фольксваген». Настигнуть же «Кобру» Мак-Келлара теперь едва ли удастся. Как он поведет себя дальше — будет ли следить за Барбарой Бреннер, стараясь не обращать на себя внимание, или задержит и попытается добиться от неё каких-нибудь сведений, Монтеллано пока не решил. В конце концов эта история в Нью-Лоредо могла не иметь отношения к Мак-Келлару — мало ли что могло взорваться в голову этой Бреннер! Однако для колебаний и размышлений времени уже не было — надо было выбирать маршрут дальнейшего движения.

Видимо, следовало остановиться на довольно сносной дороге в столицу через Сальтильо. Даже если Мехико не было целью Мак-Келлара, через него шел кратчайший путь на полуостров Юкатан, излюбленное место разбойных набегов гангстерских банд.

Сел в машину и восемьдесят километров до Сальтильо одолел за полчаса. Начало смеркаться, и шоссе за городом было пустынным — куда только рассеялись машины с туристами? На ближайшем участке автострада пересекла гористую местность, пришлось сбавить скорость. Через два часа езды он начал всматриваться в красные светлячки обгоняемых машин. В любую минуту мог показаться желтый «Фольксваген», если, конечно, Бреннер тоже выбрала эту дорогу. Минуту очередной городок, Монтеллано затормозил у бензозаправки. Попросил долить бак, выпил чашку ароматного кофе и поинтересовался, не проезжал ли здесь желтый «Фольксваген».

— Был совсем недавно, — последовал ответ. — Не более, как минут двадцать назад. Сеньора очень спешила и спрашивала, сколько еще часов езды до Мехико. Я посоветовал переночевать в Сан-Луис-Потоси, но, по-моему, она не собирается этого делать...

— Была одна?

— Да, сеньор.

Минут через пятнадцать на очередном повороте мелькнуло светлое пятнышко. Дорожный знак предупреждал о крутом вираже, Монтеллано сбросил скорость, а потом вообще затормозил, увидев силуэт стоящего у обочины «Фольксвагена». Рядом с ним на асфальте стояла мигающая лампочка, освещающая табличку с надписью «Прощу о помощи!». Капот машины был поднят, левая дверца приоткрыта, самой Бреннер видно не было. Инспектор погасил фары и вышел на шоссе. Его насторожила стоящая вокруг тишина. Приближалась полночь, и молодой месяц совсем уже прижался к вершинам горных кражей.

Если Барбара Бреннер не дремала в своей машине, она, наверное, должна была заметить остановившийся сзади автомобиль. И коль действительно нуждалась в помощи, могла бы уже выйти навстречу. Но у «Фольксвагена» не было видно какого-либо движения. Лишь матово отражались стекла в вспышках сигнального фонаря. Монтеллано прошел несколько шагов по обочине и остановился за стволом раскидистого дерева. По левой стороне шоссе вздымался склон скалистой стены, по правой — местность круто сбегала к реке. Еще раз осмотревшись, инспектор пошел дальше, обходя «Фольксваген» справа, за пределами яркого пятна света вспыхивающего фонаря.

(Продолжение на стр. 65)

Алексей КУЗИН

«И НЕ БОЮСЬ ПРОДОЛЖЕНИЯ ЖИЗНИ...»

ПЕРГОЛЕЗИ

Та-ти-та — играет скрипка,
Струнка первая, до рези.
Не старайся Перголези,
Не растрогаюсь, не всхлипну.
Я в одном из черных кресел.
Говорю печали: — Вето!
Помоги мне хэви-метал,
Мне спасительней в железе —
Нет слабинки ни одной.
Если б ты была со мной.
Если б ты... но вы, красотки...
Перголези. Гулкий зал.
Та-ти-та... Закрыв глаза,
Жгу твои цветные фотки,
Чтоб не вышли в образа.
А слеза вдоль носоглотки —
Просто музыка не та.
Та-та-ти-та, та-ти-та.

ВЫБОР

Дороге помешали тополя.
В конце-концов,
мы поступили здраво.
Теперь пуст будет пухом им
земля.
Один лег влево, а другой —
чуть вправо.
Одних корней, два брата-близнеца,
Они лежали, белого лица.
Любая жизнь дороги не прямой,
Любая жизнь, необходима
скорость.
А через год в кюветах
встанет поросль,
И мы до срока разминемся с ней...
Я сознавал, и все равно... И вы бы
Склонились к топору или к пиле...
А тополя как раз пойдут на дыбы,
Что ждут нас неминуемо в земле.

ПЛАТЬЕ

Говорит жена портному:
— Ты меня совсем не любишь,
Я в таком же платье дома,
И в таком же платье в людях,
Накоплю, куплю, надену
И пройду по всей округе,

Чтоб вот здесь как от Кардена,
А вот здесь — как у подружки...
Глупая моя,
Не стыдись простого платья,
Шил и думал я,
Что я шью тебе объятъя.
Платье тонкой, нежной ткани,
Вырез глубже, чем дыханье,
И застенчивы края,
Глупая моя.
Не стыдись простого платья,
В нем ты просто хорошеешь,
Ты всегда в моих объятъях
От коленок и до шеи.
Пусть оно не из шифона,
И ценой недорогое.
А изменятся фасоны,
Мы сошьем тебе другое,
Глупая моя...

* * *

Спортсмены до соревнований,
Уму неведомо каких,
Проходят, словно марсиане,
Среди прохожих городских.
Они звучат в ином регистре,
И выше на полголовы,
А завтра их поднимет выстрел
На скорость, на вираж, на вы-
Движение в элиту
В конце отмеренных кругов.
Но я теряю их из виду
На первой дюжине шагов.
Иду, как все, в телесной лени,
Несу до финишной черты —
Из поколенья в поколенья —
Их марсианские черты.

МИССИЯ К МЫСУ

Весла исполнены сил,
но вода бездыханна.
Лодка стоит в берегах,
как в буфете посуда.
Сын мой Владимир, дочь Валя,
Наташа и Анна
Вместе со мной
отражаются в зеркале
пруда.

Цель нашей миссии — мыс —
обостряет свой профиль,
Мыс улыбнется удачей
для миссии нашей:
Красные ждут нас грибы
и зеленый картофель,
Брошенный шайкой туристов,
закормленных кашей.
Дело мужское — костер
и рыбацкая леса,
К шляпкам грибов
преклоняются грации наши,
Ходят кругами,
аукают в сумраке леса:
Анна-певунья, дочь Валя
и фея Наташа.
Мы возвращались. Вдруг запад
гул грома озвучил.
Он прокатился по всем
куполам небосклона.
К лодке приблизилась
иссиня-черная туча,
Пробуют молнии слепо то берег,
то воду.
Долго мы жизнь укрывали от ночи
кромешной,
Крепко за лодку держались,
гребли торопливо.
Несправедливо, что гибель
застигнет безгрешных,
Четверо их... И природа была
справедлива...
Пруд подо льдом. И снега.
И не время отплытий.
Память порой пронесется
над бурей двукрыло.
Что мне бояться судьбы
или рока событий? —
Молния нас не убила,
волна не накрыла.
Я промолчу, кто на путь мой
глядит в укоризне.
Вам говорю, кто со мною плыл
гордо и кротко:
Я не боюсь окончания
миссии жизни,
И не боюсь продолжения.
Ждет меня лодка.

АЭЛИТА

Владислав КРАПИВИН

ВЗРЫВ ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА

Повесть-сказка

Рисунки Евгении СТЕРЛИГОВОЙ

Водяные курочки тиви живут только в этих краях — на западном побережье Полуострова. Они похожи на хохлатых серых куличков. Стайками и в одиночку они резво бегают среди камней и по песку, вылавливают мелкую живность из бурой водорослей, которые горами наваливаются на берег прибой.

Это очень доверчивые птички. Позови их — “тиви, тиви”, — покорми с ладони, и потом они не отстанут от тебя. Неудивительно, что одна такая курочка поселилась на старом приморском бастионе. Точнее говоря, не курочка, а петушок. Старик Август определил это по рыжеватому отливу на хохолке тиви.

Бастион был расположен на скалистом острове слева от входа в бухту Подкова. С берегом островок соединялся каменной дамбой, вдоль нее торчали бетонные глыбы волнолома. Длина дамбы — шагов двести. От Рыночной пристани до бастиона можно было добраться за полторы минуты.

“Бастион” — это жители Льчевска говорили так по привычке. На самом деле там стояли три бастиона — остатки морской крепости.

Когда-то у крепости была форма неправильной снежинки. Но в позапрошлом веке неприятель подступил с суши и после долгой осады разгромил бастионы, которые смотрели в сторону берега. Теперь от них остались заросшие груды. А те, что были обращены к морю, уцелели.

Они, эти три бастиона, и сейчас казались незыблемыми. Этакие броненосцы, направившие форштевни к западным сторонам горизонта — к зюйд-весту, весту и норд-весту. Сумрачно чернели полукруглые амбразуры в наклонных, облизанных волнами стенах из желто-серого известняка — крепчайшего камня, добытого в здешних карьерах.

Орудий в амбразурах теперь не было. Но на верхней площадке Юго-западного бастиона сохранились несколько старых пушек на ржавых поворотных станках.

На оконечности среднего — Западного — бастиона стояла круглая башня маяка. Она была обита железными листами и полосато раскрашена — три широких белых кольца и три черных.

А правый — Северо-западный — бастион был украшен флагштоком — с реями для фалов и с гафелем, под который поднимали неофициальный флаг Льчевска. Это было оранжевое полотнище с золотистой буквой L. Внутри буквы сидел мальчик. Он прислонился к вертикальной части буквы, словно к стволу дерева. Одну ногу мальчик спустил с перекладки, а другую согнул и на торчащее колено поставил раструбом сигнальный горн. Такова была дань легенде. Если верить ей, давным-давно юный трубач этой крепости заметил во тьме крадущиеся шлюпки каперского десанта, во время поднял тревогу, но сам был убит стрелой из арбалета.

Флаг сшила внучка старика Августа. Она прибегала на бастион почти каждый день. Но не надолго. Большую часть времени старик проводил один. Вернее, с лохматым псом Румпелем и петушком Тиви. Румпель и Тиви подружились. Тиви то и дело ходил по развалившемуся на солнцепеке псу и выклевывал из его шерсти букашек.

Таким образом постоянных жильцов на бастионе было трое.

А в начале сентября их прибавилось.

Сентябрь в здешних местах почти неотличим от лета. Лишь закаты наступают раньше да рынки ло-

мятся от фруктов. Днем солнце палит как в июле. На бастионах пахнет разогретым известняком, высушенной морской солью, гнилыми водорослями и горячей бронзой старых пушек.

Только изредка с моря прилетит ветерок, хлопнет оранжевым флагом и дохнет прохладой.

...Верхние площадки ограждал широкий каменный парапет. На парапете правого бастиона лежал мальчик в полинялых коричневых трусиках. Щуплый, с облезшими от загара плечами. Он с одинаковым удовольствием впитывал кожей и солнечный жар, и прохладу морского дыхания. Упирался подбородком в твердый камень и раскладывал перед собой разноцветные раковины. Раскладывал сосредоточенно — не просто так, а в каком-то ему одному понятном порядке. И шевелил припухшими, в мелких трещинках губами.

Петушок Тиви аккуратно прошелся по спине мальчика — словно пересчитал лапками его позвонки. Потом забрался на мальчишкин затылок, сунул язык в нерасчесанные после купания пряди — светлые, как шлюпочная пахля-конопатка.

— Отвяжись, надоеда, — сказал мальчик добродушно. — Никого там нет, иди к Румпелю блох ловить.

Тиви послушно прошелся обратно — по спине, по трусикам, по ноге. Но в конце пути задержался и клюнул в пятку.

— Кого-то сейчас запрут в курятник, — пообещал мальчик.

Тиви поспешно удалился. Но через минуту пятку опять клюнули.

— Вот зараза! Ну, я тебя... — Мальчик дрыгнул ногой и услышал смех. Быстро сел. — Ой, Лён...

Над ним стоял другой мальчик, постарше. Лет тринадцати. С длинным веснушчатым лицом, с волосами цвета сосновой коры. В похожей на полосатый мешок рыбацкой безрукавке. Безрукавка мальчику была чересчур длинна. Из-под нее торчали мятые штаны с бахромой у колен и ноги в порыжелых разбитых ботинках.

Поперечные полосы безрукавки были серо-зеленые — как на громадном арбузе, который Лён принес в сумке, сделанной из обрывка рыболовной сети.

В другой руке Лён держал длинную камышинку — ей он и “клюнул” пятку приятеля.

— Лён, я и не слышал, как ты появился... Ух и арбузище!

Лён опустил арбуз на парапет.

— Еле припер... Я купил его почти задаром, у тетки, которая торопилась с рынка домой... Ну что, придумал имя для большой раковины?

— Не-а... Лён, знаешь что? — Мальчик обхватил колени и снизу вверх смотрел в веснушчатое лицо. С непонятной напряженностью. — Мне уже не первый раз это кажется...

— Что, Зорко?

— Что я тебя где-то раньше видел...

— Вот новость! Целую неделю живем тут вместе!

— Да не теперь, а давно!

Лён улыбался широким, как полумесяц, ртом:

— Так говорят незнакомым девицам, когда хотят за ними поухаживать.

— Тыфу на тебя... Я никогда за ними не буду ухаживать, я же не сумасшедший.

— В десять лет все так обещают...

— Ну, ты же не девица, черт тебя побери! Я с тобой серьезно разговариваю!.. Кажется, что видел тебя где-то... Может, во сне?

Лён стал серьезным. Уронил камышинку.
— Знаешь, Зорко, учитель говорил нам, что это называется "явление обратной памяти". Такой мысленный обман...

— Ну, может быть... — Зорко был смущен своей внезапной сердитостью. Хотелось заглядить. Он пяткой качнул арбуз в сетке.

— С виду-то спелый. А внутри — красный? Вырезку делали?

— Я и без вырезки умею определять... Хочешь, кокнем пополам и попробуем?

— Нет, оставим до ужина.

— Ладно... Жаль только, что Динка сегодня не придет.

— Ага... — Зорко стрельнул глазами, отодвинулся и лукаво срифмовал:

Ах не мил мне белый свет,
Потому что Динки нет...

— Кто-то сейчас полетит вверх тормашками с бастиона!

— А кто-то пусть меня сперва догонит! — Зорко вскочил.

Но Лён играть не хотел

— Я и так умаялся, пока тащил эту бомбу... Зорко, а где старик?

— Спит после обеда. Не велел будить его до захода.

— Можно и после захода не будить, ужин сварим сами. И маяк сами включим...

— Маяк не надо включать! Опять была радиограмма...

КОГДА НЕ ГОРИТ МАЯК

Название города Льчевска по традиции писалось особо: Л-чевск. В этой путанице шрифтов отразилась разноплеменность льчевского населения и пестрота здешней истории. Город был отделен от Империи узкой полосой степного пространства, которое принадлежало Куршской республике. Республика имела на Льчевск свою виды. Так же, как и правительство набравшей силу имперской Вест-Федерации.

В конце концов на заседании международной комиссии было решено дать Льчевску права вольного города — чтобы никому не было обидно.

Такое решение понравилось не всем. Был случай, когда из дальнобойного орудия пальнул по городу имперский крейсер. Дважды обстреливали ракетами здешний берег катера йосских сепаратистов. Несколько раз в районе портовых пакгаузов высаживались с моря громилы в масках и с автоматами, устраивали стрельбу и поджоги.

Поэтому, если городским властям чудилась опасность, включать маяк запрещали — чтобы у любителей стрельбы и десантов не было такого прекрасного ориентира.

...Когда солнце спрятало в море верхний край вишневого диска, Лён спустил флаг. И сел на парапет, свесив ноги наружу. Море казалось усыпанным медными искрящимися стружками. Небо у самого горизонта было оранжевым, а выше — лимонным. А еще выше громоздились облачные горы — пунцовые, малиновые, бронзовые. Торжественные, как берег могучей и прекрасной страны. "Великой Империи", — подумал Лён.

Наверно, такой вот чудесной будет страна, когда преодолет все раздоры и обретет силу, которой сла-

вилась в прежние времена...

Жаль только, что краски быстро тускнели: темно-та в приморском южном краю приходит торопливо.

Трещали цикады. Сильнее, чем днем, пахло теплыми камнями и морем. Еще слышно плескали внизу сонные гребешки. Уютный такой, ласковый вечер... И впервые за всю неделю не было в душе у Лёна беспокойства. В тайнике под разрушенной лестницей сегодня наконец-то нашел он то, чего ждал.

Позади послышались голоса и звяканье крышки о кастрюлю. Зорко у железной печурки помогал старику готовить на ужин тыквенную похлебку. Старик ворчал. Не на помощника, а на весь мир. Он был недоволен, что запретили включать маяк.

Но недовольство это было притворным. В глубине души старый Август радовался. Зеленые проблески маячного фонаря создавали помехи при наблюдении за звездами, а сегодня можно было отвести душу.

Телескоп старик устроил из крепостного орудия. Вставил внутрь ствола наклонное зеркало, в запальное отверстие ввинтил оптическую трубку с окуляром, а на дульную часть ствола надел широкий объектив в кольцевой бронзовой раме.

Орудие стояло на поворотном станке, который давал возможность вращать ствол по кругу и поднимать его от горизонта к зениту. Столетний этот станок старик регулярно смазывал. Пушка-телескоп стояла вдали от других, на правом бастионе.

Старик признался мальчишкам, что жители считают его астрономические занятия причудой. Они не знают, что его "пушечный" рефрактор — инструмент высочайшего класса. В крепостном подземелье старик устроил мастерскую и сварил в ней стекло из оскобка песка. Каждая крупинка песка была микропроцессором с колоссальным объемом памяти. Эти свойства передались объективу, который старик отлил из такого стекла и тщательно отшлифовал. Объектив не только во много раз сокращал расстояния до небесных тел, но улавливал многие тайны космоса. На волнах особой, неизвестной науке частоты он передавал их компьютеру, который старик прятал в глубоком, защищенном от вибрации помещении.

Мало того, телескоп давал возможность с большой точностью определять по звездам человеческие судьбы. Так утверждал старик Август. Лёну и Зорко он предсказал долгую, хотя и беспокойную жизнь...

Небо интересовало старого Августа гораздо больше земных дел. На Земле, считал он, слишком много развелось людей, которые хотят не работать, а стрелять друг в друга.

— Это гораздо легче, чем землю пахать или строить дома. Этакая профессия — человек с автоматом. Никакого мастерства не надо: только умение целиться, да некоторый запас храбрости. А храбрость без царя в голове — свойство совсем не редкое и присущее многим дуракам и мерзавцам. Вот и живут. Вроде бы есть в такой жизни интерес и романтика. И даже героизм. А главное — все, что надо, можно добыть с помощью автомата...

— Не все же так живут, — осторожно заспорил однажды Зорко. — Многие воюют за независимость.

— Ну да, ну да... Одни за независимость, другие за великую державу. Хотя на самом деле независимость нужна не стране, а каждому отдельному человеку. А всем вместе людям нужна не великая держава, а просто счастливая страна. Такая, где люди не боятся за себя и своих детей...

— Разве одно мешает другому? — не выдержал

Лён. — Независимость и счастье...

— Смотря что называть независимостью! История знает немало великих независимых государств, где масса жителей была рабами!.. А сейчас... Двести шестнадцать обитаемых миров нашей Галактики смотрят на нас и пожимают плечами: как это существа развитой цивилизации гробят друг друга! Да еще ухитряются прятать свою корысть в разговоры про великие цели и про святость своих знамен!

Лён отошел. Спорить было бы неосторожно. А согласиться он не мог. Лён верил в святость своих знамен. Он помнил их.

ПРИГОВОР

Знамена стояли на правом фланге замершего строя. Строй растянулся на всю длину громадного сводчатого зала. За высокими, с полукруглым верхом окнами зеленел старинный парк. Солнце пробивало листву вязов, косыми лучами входило в зал и загоралось на коронах и крыльях имперских драконов — ими были увенчаны знаменные древки.

Знамена были малиновые, желто-бело-лиловые и черные. Государственное знамя, знамя — символ военного братства, штандарт офицерского добровольческого полка “Черные кавалергарды”, на основе которого была создана нынешняя гвардейская школа... Штандарты отдельных рот...

У каждого знамени — по два ассистента с обнаженными палашами у плеч. На остриях — тоже вечерние солнечные огоньки. Но в них, в этих огоньках, не было радости.

Висела тишина. Однако чудился под сводами шепот — эхо сдержанного дыхания четырехсот человек.

Лён затравленно, украдкой пробегал глазами по строю. Кокарды, аксельбанты, эполеты, погоны. Чешуйчатые ремешки лиловых беретов на подбородках. Подбородки вскинуты, взгляд — прямо перед собой. Но... быстрые, полускрытые взгляды случались и в его сторону. И не было в них вражды и презрения. У кого-то — болезненный интерес, а у кого-то... пожалуй, даже сочувствие.

А у маленьких — у воспитанников младшей роты и барабанщиков — даже откровенный страх: неужели и с н а м и может когда-нибудь случиться такое?

Малыши они и есть малыши. Не умеют полностью скрывать чувства. Они еще наполовину штатские — и внутри и даже снаружи. Береты заломлены лихо, но ремешки их натянуты слабо. Суконные брюки с лампасами слишком широки и мешковаты, морщатся на коленях. Синие парадные нагрудники оттопыриваются на мундирах. Погоны топорчатся, будто крылышки... И эти пухлоглубые приоткрытые рты...

Лён никогда не был таким. С первого дня форма сидела на нем подогнано и ловко, будто он привык носить ее с младенчества. А в гвардейскую школу его взяли год назад, уже двенадцатилетним.

Это случилось, когда пришло известие о гибели отца. Подполковник Альберт Микаэл Бельский погиб в стычке с йосскими повстанцами на пограничном шоссе близ города Грона. А маму Лён почти не помнил — она умерла, когда ему не было трех лет, во время эпидемии, прокатившейся по восточным округам Империи. С той поры Лён мотался по дошкольным приютам и школьным интернатам. Отца он видел не чаще раза в год — тот все время был то на одной, то на другой войне.

Прошлым летом Лёна отыскал в летнем интернат-

ском лагере седой, похожий на профессора майор. “Крепитесь, мой мальчик... Отец до последней минуты вспоминал вас... Мы верим, что вы будете его достойной сменой...”

Лён не плакал. По правде говоря, отец в редкие дни свиданий казался ему чужим. Но зато появилась прочная спокойная гордость: “Я сын погибшего героя...”

А гвардейская школа после гадостной интернатской жизни показалась ему раем. Да, порядки были строгие, но в этой строгости ощущалась разумность, ясность и даже красота. Здесь не одобрялось, если кто-то один сильно привязывался к другому — личная дружба считалась сентиментальным чувством мягкотелых штатских мальчишек. Зато между всеми юными гвардейцами было воинское товарищество. Самому старшему курсанту-выпускнику в голову не могло придти поднять руку или даже грубо крикнуть на малыша-новичка. Побывавшие во многих битвах командиры-наставники с подчеркнутой вежливостью козыряли в ответ на приветствия девятилетних воспитанников и всем без исключения говорили “вы”.

И еще было много чудесного. Захватывающая душа торжественность при разводе караулов; щемящая печаль сигнала “Вечерняя зоря”; величие академической библиотеки, где собраны истории всех войн и подвигов, густота и обширность парка, в котором легко уединиться, чтобы помечтать о подвигах, которые совершишь ты сам. Случаев для героических дел предвидится немало: войны были во все эпохи человечества и, безусловно, будут и дальше. Тем более, что у возрождающей свою мощь Империи врагов предостаточно...

Конечно, ежедневная жизнь укладывалась в рамки уставов не всегда. Случались и шалости. Командиры взводов и рот и сам генерал — начальник школы — смотрели на них с известной долей снисходительности. Видимо, понимали: мальчишки есть мальчишки. Лишь бы их проказы не нарушали — это самое главное! — принципов гвардейской чести и не выходили за известные границы. Ну, а если порой и выходили, тогда...

— Курсант Бельский. Весьма сожалею, но вам придется снять пояс и доложить дежурному командиру, что вы отправляетесь под арест на сутки...

Даже в этом был свой интерес, своя романтика. ...Но сейчас не было никакой романтики, никакого интереса. Только застывший в груди ком — сгусток стыда и горечи.

Лён стоял перед строем уже без формы — в той жалкой интернатской одежке, в которой привезли его сюда год назад.

Теперь было заметно, как он вытянулся за этот год. Бахрома узких обтрепанных штанов раньше достигала середины икр, а теперь она едва прикрывала колени. Кисти рук беззащитно высывались из обшлагов тесной вельветовой курточки. Прошлогодние сандалии оказались совсем малы, поэтому штрафнику оставили казенные черные ботинки. По-уставному начищенные до блеска, они казались нелепыми на тощих голых ногах...

Офицеры, стоявшие отдельной шеренгой слева от группы знаменосцев, были неподвижны. Только седой подполковник (бывший майор, приехавший за Лёном в интернат) надел очки и поднес к ним очень белый твердый лист.

Подполковник читал слегка монотонно, однако внятно и громко...

— ...впервые за все время существования нашей славной школы. Находясь в составе парного караула на одном из самых ответственных постов, проявил преступное небрежение к своим обязанностям и, по собственному признанию, не наблюдал за подходами к складу, а пытался разглядеть в бинокль спутники планеты Юпитер...

“Господи, неужели все верят, что я в с а м о м д е л е мог такое?..”

— ... Что и дало возможность преступным агентам незаконной повстанческой армии йосских сепаратистов совершить хищение нескольких десятков единиц стрелкового оружия. Случай небывалый сам по себе, а в военное время обретающий особую тяжесть, ибо это хищение ощутимо усиливает противника и может послужить причиной гибели многих доблестных защитников Империи...

“Скорей бы уж все кончилось...”

— Учитывая тяжесть преступления, военный трибунал приговорил старшего в ночном карауле — капитала Кроха — к расстрелу...

Чуть заметное шевеление прошло по строю.

— Прошу порядка, господа... — в голосе подполковника слегка поубавилась официальность. — Что касается воспитанника Бельского, то... тринадцатилетних мальчиков, даже если они носят гвардейскую форму, под трибунал не отдают и не расстреливают. Но его преступление от этого не становится меньше. Командирский совет школы постановил...

Подполковник впервые поднял очки от листа и обвел ими строй. А на Лёна так и не взглянул.

— ...постановил: изгнать бывшего воспитанника Леонтия Альберта Бельского из наших рядов. Оповестить все военные школы Империи, что вышеупомянутый Леонтий Альберт Бельский лишен права быть зачисленным в эти учебные заведения. Он также не имеет права быть принятым ни в какие военные части и учреждения в качестве юного волонтера или сына полка... Кроме того, учитывая тяжесть содеянного, совет командиров решил прибегнуть к дополнительной возмездии и вернуться для этого к традициям кадетских корпусов прежнего времени...

Опять шевеление...

— После процедуры лишения воинской чести бывший воспитанник Бельский проведет ночь в подземной камере гауптвахты, а утром будет подвергнут пяти ударам шомполом от старинной винтовки образца тысяча восемьсот девяносто шестого года. После этого Бельского выведут за территорию школы и предадут его собственной судьбе... Публичные наказания запрещены законом, но экзекуция будет снята видеокамерой, и вам придется посмотреть этот эпизод в вечернем выпуске школьных известий... А теперь — приступайте.

Два унтера не грубо, но сильно взяли Лёна за локти и за плечи, надавили, поставили на колени. Тощий молоденький лейтенант с бесстрастным лицом сильно согнул над его головой тонкий клинок. Лён этого не видел, но услышал пружинный звон, когда шпага сломалась.

Тут же его опять крепко взяли за локти и повели из зала (Лён еле успевал переставлять ноги).

КОРТИК ГЕНЕРАЛА

Его заставили спуститься по винтовой чугунной лестнице (закружилась голова). Затем был низкий кирпичный коридор. В середине коридора унтеров и Лёна встретил капитан Харц, адъютант начальника школы.

Приказал унтерам:

— Ступайте обратно. Дальше я сам...

Унтера загрохали по ступеням, а Харц взял бывшего воспитанника за плечо.

— Вот сюда, Бельский...

За железной глухой дверью оказалась не камера. Была комната с шелковистыми обоями и портретом Его величества. Без окон, с теплым светом торшера и с покрытой чехлами мебелью.

Генерал сидел за украшенным львиными мордами письменным столом. Он встал.

Он не просто встал, а почти что по стойке смирно. И сказал тихо:

— Садитесь, друг мой...

Лён быстро сел на край кресла. Лбом лег на край стола и зарыдал.

Генерал остановился за его трясущейся спиной. И терпеливо ждал, когда рыдания станут потише. Нагнулся.

— Мальчик мой... Вы не должны стыдиться этих слез. Ничуть. Бывают обстоятельства, когда плачут даже ветераны, много раз смотревшие без страха в лицо смерти. Я понимаю, как вам тяжело... Выпейте это...

Лён стукнул зубами о край стакана. Глотнул. Было что-то холодное, горьковатое, с запахом мяты. Полегчало. Лён всхлипнул, глотнул еще раз, хотел встать.

— Сидите, сидите, — генерал ласково надавил на его плечо. Лён повернул к нему мокрое лицо. Близко увидел седоватый ежик, шрам на худой щеке, квадратную бородку. Добрые, вовсе не командирские глаза. Лён впервые был так близко от генерала.

— Я понимаю, как вам тяжело... — В голосе генерала были виноватые нотки. — Каким несправедливым оказалось все это... представление. Но ведь вы понимаете: оно необходимо, чтобы никто-никто не догадался о вашей особой миссии. Невозможно заподозрить курьера государственной важности в мальчишке, которого с позором изгнали из юных гвардейцев...

Лён всхлипнул опять. Генерал сказал негромко, но теперь потверже:

— Гвардеец Белский...

Лён встал. Рукавом мазнул по глазам и уже не опустил лица.

— Курсант Бельский. Прежде всего — от имени имперского генералитета я приношу вам извинения за такое... такую вынужденную меру. Это будет особо подчеркнуто перед строем, когда вы вернетесь. И тут же — возвращение гвардейской формы и достоинства; звание сублейтенанта, которое недавним указом императора приравнено к младшему офицерскому чину. Вам будет вручен офицерский кортик с правом постоянного ношения... Знаете что?! Не просто кортик. Я вручу вам вот этот, свой... Честное слово, вы заслужили его. То есть заслужите, когда справитесь с заданием. А я уверен, что справитесь.

Оружие, похожее на маленький меч висело на цепочках, спускавшихся из-под генеральского мундира — у бедра с лампасом. В темно-зеленых кожаных ножнах с оковками, с золотистой витой рукояткой.

Слезы на веснушчатых щеках стремительно высыхали. Лён сдвинул каблучки гвардейских ботинок.

— Господин генерал! Могу я задать вопрос?

— Конечно, мой мальчик!

— Господин генерал... То, что мне поручено, не требует особой смелости и риска. Добраться, найти, встретить, передать... За что же такая награда?

— Ты прав, на первый взгляд поручение не слишком сложное. Но от его выполнения во многом зависят успехи наших вооруженных сил. И нынче, и в будущем. Ты несешь в себе сведения небывалой важности... И дело в том, что донести их можешь только ты... Мы недаром так долго искали именно такого человека. Ваши математические способности, ваше умение воспринимать изображение плоского кинескопа как реальное трехмерное пространство — все это обратило внимание на вас. Такая уж судьба, что человеком, способным нести информацию, зашифрованную в объеме четырехмерного энергетического биополя, оказался мальчик... Ты, Лён... Ничего, что я обращаюсь так по-дружески? То “вы”, то “ты”...

— Спасибо, господин генерал.

— Вы уже почти офицер, Лён, значит, мы люди одного круга. В неслужебной обстановке вы можете тоже обращаться ко мне попросту: Людвиг Валентин... Да-да, я не шушу.

— Спасибо, господин генерал.

— Ну вот!.. Ладно, привыкнете.

— Господин генерал, а можно еще вопрос?

— Конечно! Только не о сути доверенной вам информации. По правде говоря, подробностей я не знаю сам. А вам они тем более ни к чему.. Я верю, что в случае провала вы проявите должную твердость, но есть способы развязывать языки кому угодно. Без всяких пыток. Один укол — и дело сделано... А незнание — гарантия тайны...

— Я понимаю, господин генерал...

— Прекрасно... А тайна эта очень важна. Недаром ее нельзя доверить ни радиосвязи, ни секретной фельдъегерской почте, ничему другому. Слишком изощренными стали способы перехвата и расшифровки...

— Да, господин генерал.

— Скажите, Лён, вы четко помните то, что в вас заложено?

Лён прикрыл глаза. Святящаяся пирамидка из разноцветных переплетенных линий и нанизанных на них желтых мохнатых шариков повисла перед ним в темноте. Темнота бала разбавлена зелеными следами от абажура, но пирамидки это не касалось.

— Господин генерал, я помню все! Я не смогу забыть, если даже захочу. Пока не передам запись машине...

— Отлично, Лён... Да, а о чем ты хотел спросить?

— Господин генерал... Капрала Кроха, надеюсь, не расстреляют по правде?

— Ни в коем случае! Сегодня же ему объявят о помиловании. Месяц он проведет под арестом, но арест не будет суровым. Лишь бы капрал не гулял и не болтал лишнего, пока вы не вернетесь...

— А... шомпола? Это... надо обязательно, да?

— Да что ты, друг мой! Ты-то здесь при чем? На эту роль уговорили сына школьного садовника. Ему заплатят...

— Он же совсем на меня не похож!

— Голова на экране будет заштрихована. К тому же, в таких случаях объективы направлены... на другое место.

— Но его... не изю всех сил?

— Нет, конечно... Хотя и не совсем в шутку. Надо все-таки, чтобы он поверещал натурально. Ему обещана сумма, которую отец получает за полгода. За такие деньги можно и пострадать слегка. Тем более, что этот отрок — не гвардеец, понятия о достоинстве у него попроще...

— А он потом не поболтается?

— За молчание заплатят еще столько же. И к тому же, на месяц отправят к дальним родственникам... Не заботьтесь о мелочах, Лён. Думайте о главном: добраться и передать...

— Так точно, господин генерал!

— Лён... ответьте проще: я постараюсь, Людвиг Валентин.

— Да... я постараюсь...

— Вот и чудесно... Вам приготовят здесь постель и ужин. А утром... Да хранит тебя Бог, мой мальчик.

ТЕАТР НА ПЛОЩАДИ

Школа располагалась на краю Ато-Карна, в обширном парке. Парк на севере сливался с лесом.

В этом месте рано утром Лёна встретил молчаливый человек в камуфляже без погон. Дал холщовую сумку с продуктами, проводил неприметной тропинкой на пригородную станцию, что-то сказал проводнику вагона, когда у платформы на полминуты затормозил поезд дальнего следования. Проводник кивнул.

Сутки Лён ехал на верхней полке тесного и душного вагона. Ни с кем не говорил. Жевал сухие крендельки, какие обычно пекут своим внукам на дороге заботливые бабушки. Запивал холодным чаем из бутылки с газетной пробкой.

Потом, следуя заученной инструкции, сошел на степном полустанке. Почему нельзя ехать дальше, а надо идти пешком, он не знал. Надо — значит, надо. Может, для того, чтобы длинный веснушчатый мальчик больше стал похож на пацана-беженца, который из пострадавшего от атаки неопознанных вертолетов поселка пробирается на юг, к дядюшке-рыбаку...

Целый день Лён шагал через обожженную зноем степь.

Это была уже Куршкая территория — независимая, но без строгой границы с Империей.

Солнце казалось косматым рыжим шаром. Трава пересохла и потрескивала, когда Лён ложился отдохнуть. В колеях скопилась теплая пыль, от которой щекотало в горле. Когда становилось вовсе уж нестерпимо, Лён вспоминал генеральский кортик.

Лён пил у редких колодцев. Загорелая худая бабка на придорожном хуторе дала ему полкраюхи и горсть абрикосов...

К ночи Лён добрался до поселка Черные Вязы. Сел на автобус южного направления (деньги на билет были). Всю ночь подремал на удобном сиденье, а перед рассветом сошел на крохотной станции в километре от границы: дальше мальчишку без документов не пустили бы.

Границу Лычевской свободной области он пересек в густых виноградниках и не заметил ее. Остановился, когда увидел с холма туманное море и розовый от рассветных лучей город.

На краю Лычевска Лён выспался в беседке заброшенного сада. Доел остатки хлеба, напился из ржавой водопроводной трубы. И окунулся в пестроту приморского города.

Море, корабли и южную жизнь он видел впервые.

Но прежде всего Лён, помня четкие указания, отыскал разрушенную каменную лестницу за арками старинного водопровода. Нашел вывернутую из крепкого грунта ступень, сунул под нее руку. Нащупал похожий на согнутый гвоздь крючок.

На крючке ничего не было.

Ну, нет так нет. Ему говорили, что информация может появиться не сразу. Ладно...

Лён до одури накупался на бесплатном городском

пляже. Пообедал в фанерном, пропахшем копченой рыбой буфетике на Лодочной пристани — здесь совсем дешево продавали горячие пирожки с камбалой и хрустящий картофель.

На шумном привокзальном рынке Лён обменял вельветовую курточку на рваную вязаную безрукавку, чтобы больше походить на мальчишку из рыбацкой семьи.

Вспоминались рассказы “тертых” пацанов, которые он слышал еще до гвардейской школы, в интернатах. Безусловно, гвардейская школа — это самое лучшее место на свете, но... В жизни приморского беспризорника была своя прелесть. Кто же не любит свободу и приключения?

Напялив безрукавку, Лён ощутил себя настоящим жителем Льчевска. И, полный любопытства, направился к центру. Белые причудливые дома с балконами и галереями беспорядочно громоздились среди зелени. Подымались в небо башни старинных церквей. На холмах грелись под солнцем желтые полуразрушенные крепости. Над крышами виднелись корабельные мачты и трубы — узкие синие бухты глубоко входили в город и перепутывались с улицами...

Пестро одетые люди казались беззаботными. На веснушчатого оборванца никто не обращал внимания.

В центре — на Кольцевом бульваре и на площади с серым гороподобным собором — кипел праздник. Какая-то смесь карнавала, веселой торговли и концертов, которыми развлекали публику бродячие музыканты и клоуны.

Носилась в толпе ребятя в пестрых колпаках и звериных масках. Дымно палили игрушечные пистолеты. Улетали в небо отпущенные воздушные шары — иногда целыми гроздьями. Призывно голосили продавцы жевательной резинки и жареных каштанов. Звенели гитары и гремели электронные усилители.

Коротко стриженная очкастая девчонка сунула Лёну за ворот остатки мороженого. Он взвизгнул с недостойным военного человека испугом. Впрочем, он не был уже юным гвардейцем с приличными манерами. И, как истинный беспризорник, вознамерился дать нахалке крепкого леща. Но та искренне изумилась:

— Ты что! Это же карнавальная шутка!

Тьфу ты!.. Ну ладно. Может, и правда здесь так полагается.

Неподалеку, на некрашенных подмостках шло кукольное представление. Перед маленькой шаткой сценой толпились взрослые и ребятишки. Было много пацанят с пестрыми сумками и в парусиновых костюмчиках с матросскими воротниками. Воротники — всяких цветов и с разным количеством полосок. Лён сообразил, что это здешние школьники, у которых кончились уроки.

Он протолкался поближе к сцене.

На фоне размалеванного задника приплясывали и кривлялись пять кукол — два солдата и три генерала в форме, похожей на имперскую. Генералы в блестящих касках с тремя перьями — лиловым, золотым и серебряным. Солдаты делали строевые приемы, вертели головами с лупоглазыми бессмысленными лицами и горланили песню (вернее, она неслась из динамика):

Император наш, братцы, герой!
За него все мы, братцы, — горой!
До ближайшей веселой поры,
Когда все полетим мы с горы!..

А генералы — низенький толстячок, тощий дохляк и длинноногий горбун — в ответ голосили свое:

Любуйся, доблестная рать:
Мы все — превосходительства!
Приятно, братцы, умирать
Под нашим предводительством!

На наших касках три пера
И гидры многоглавые -
За нас не страшно умирать
С героизмом и со славою!

Не верьте, что ведем мы вас
Во тьму дорогой зыбкою.
Вперед! Надеть противогаз
И умереть с улыбкою!

Втроем они учили маршировать армию из двух человек.

Было смешно, ничего не скажешь. Но... это было и надругательством над имперскими вооруженными силами. И если юный гвардеец Бельский не мог сейчас вскочить на сцену и крикнуть наглым актеришкам-кукловодам, что они подлецы, то беспризорник Лён вполне мог швырнуть в них гнилым бананом. Тем, что под ногами! Лён стремительно нагнулся, боднул чью-то спину с матросским воротником... И грянула автоматная очередь!

Опытное ухо военного человека сразу узнало голос десантного короткоствольного Б-1.

Ребятишки и взрослые метнулись кто куда. Некоторые ничком упали на брусчатку. Лён сидел на корточках и видел, как с машины, декорированной под старый фаэтон, лупит по кукольному театру дядька в клетчатом костюме арлекина. Длинными очередями, от живота. Профессионально! “Бэодин” бился в его крепких пальцах и злорадно ревел!

Ага, значит есть и здесь люди, которые не дадут в обиду военную славу Империи...

С машины дали по сцене еще одну очередь и кинули взрывпакет. Холщовый задник пылал, сыпались доски. С помоста прыгали. Один кукольный генерал висел, зацепившись нитками за перекладину...

Люди кричали и бежали. Их почему-то делалось все больше. Несколько раз на Лёна с размаху налетали и наконец повалили. Он вскочил и тоже побежал. Пуля провыла над головой. Вот сволочи, по людям-то зачем?!

Лёна закрутило в людском месиве. Он растопырил локти, рванулся, оказался у бугристого каменного возвышения. Его толкали, наваливали грудью на гранитную кладку.

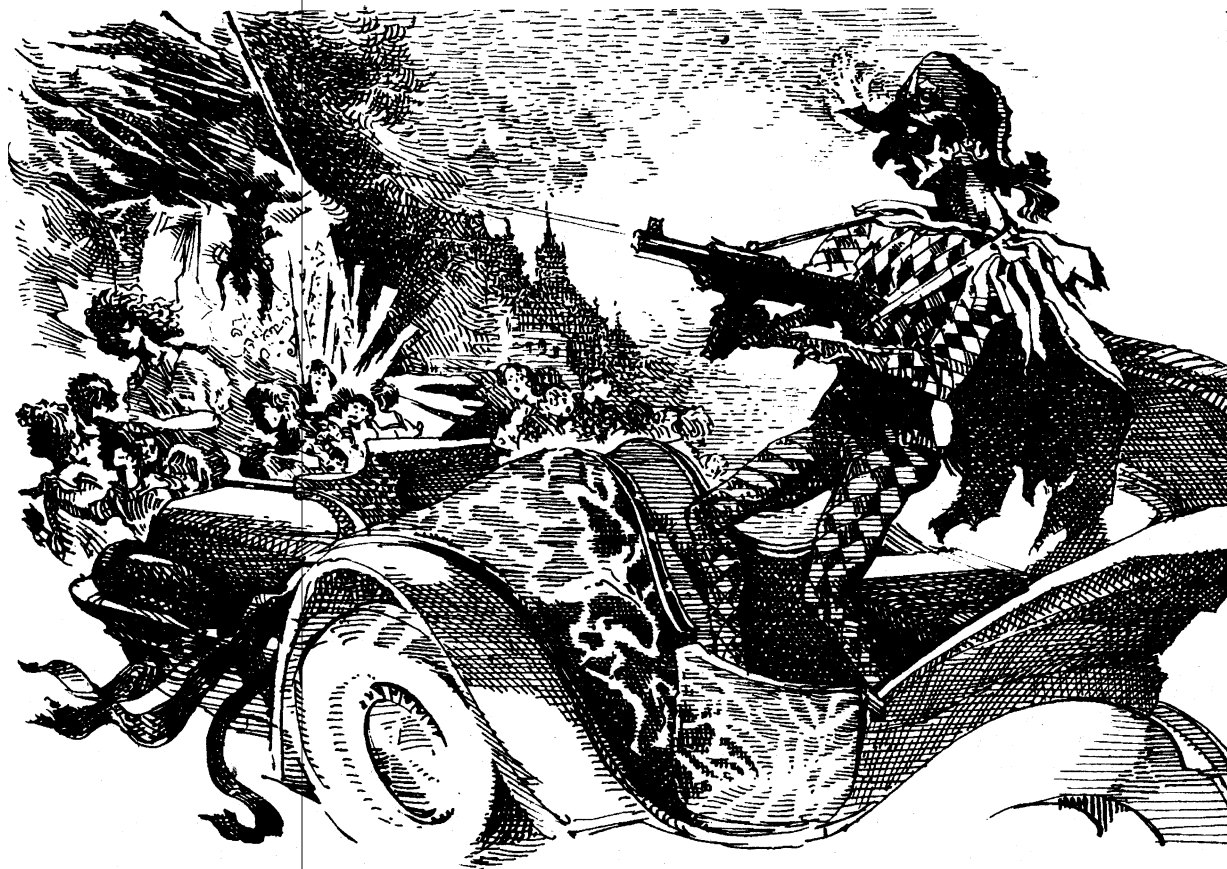
Эта кладка круто уходила вверх. Лён уцепился за выступ, заскреб по камням ботинками (давно не чистыми, разбитыми в дороге). Вверх, вверх! И наконец схватился за могучее бронзовое копыто.

Лён понял, что это памятник. Гранитный постамент в виде неровного холма и конная статуя какого-то полководца. Конь прочно стоял на четырех ногах. Лён ухватился за левую заднюю ногу. А рядом — за правую ногу — ухватился растрепанный школьник.

ПОД БРОНЗОВЫМ КОНЕМ

Ярко-зеленый воротник мальчика висел на одном плече. Локти парусиновой голландки были продраны, на коленях — свежие кровавые плямбы. На щеке — царапины, будто прошелся лапой рассерженный кот.

В синих глазах — испуг и азарт. Мальчишка часто дышал округленным, как бублик, ртом...

Ну, в точности, как один из маленьких гвардейских барабанчиков, которым разрешали в выходной день переодеться в "домашнее" и поиграть среди парковых зарослей в индейцев — набегаются, накричатся, навоюются, а потом смотрят на подошедшего унтера: не слишком ли мы выпрыгнули за рамки дисциплины?

— Крепко тебя потрепали, — снисходительно заметил Лён. Чтобы спрятать собственный испуг.

Пацаненок не стал притворяться героем.

— Ага... Я так перепугался, когда застреляли. А на меня какой-то дядька с разбега — бряк!.. Я думал, задавят... Ай! — О лошадиный круп чиркнула пуля и с воем ушла в небо. Лён и мальчик мигом распластались под бронзовым конским брюхом — носом в гранит.

Лён поднял ушибленный нос.

— Это случайная. Здесь все же лучше, чем там...

— Внизу кричали, визжали, давили друг друга. Теперь это были взрослые, ребятишек не видать. Неужели всех затоптали?... Кое-кто пытался тоже забраться на постамент, но большим не хватало ребячьей ловкости — цеплялись и съезжали... И вдруг Лён увидел зеленый воротник! Такой же как на соседе! И услышал:

— Эй вы! Помогите же!

В гвардейской школе учат гимнастике не зря! Лён башмаками зацепился за бронзовое копыто, распластался животом на граните — головой вниз. Ухватил тощие запястья в полосато-зеленых манжетах. Сосед-мальчишка кинулся на помощь.

150

И в четыре руки они выволокли несчастного. Несчастную!..

Но нет, она не казалась несчастной. Темно-серые глаза сверкали за большими очками сердито и без всякого испуга.

— Психи бестолковые!

— Кто?! — возмутился Лён.

— Кто?! — звонко удивился рядом его помощник.

— Да не вы, не вы! Те, кто внизу. Несутся, как стадо... А те, кто стрельбу поднял — совсем идиоты! Кругом мирные люди, а они...

— А тот, кто мирным людям сует за шиворот мороженое, он кто? — не удержался Лён. Девчонка мигнула — узнала. Но не растерялась.

— Мороженое — не граната. Оно для здоровья полезное.

— А если к позвоночнику? Тебе бы так...

Конечно, юные гвардейцы должны обходиться с особами женского пола по-рыцарски. Но это была теория. А практики не было: военная школа — чисто мужское заведение, девочек там видели только на телеэкране. И сейчас Лён опирался на более давний опыт, на свою интернатскую жизнь. В интернатах с девочками обходились как с пацанами. А сейчас это было тем более уместно: очкастая незнакомка вовсе не напоминала примерную девочку из женского лица.

— Боишься простудиться? Сейчас сделаю компресс...

Она сдвинула очки на лоб. Села, раскинув ноги циркулем — длинные, коричневые, в мелких порезах и прилипших травинках. Решительно придвинула ви-

севшую на ремне через плечо школьную торбу, поставила между колен. Вынула моток бинта.

— Я же пошутил! — испугался Лён.

— Думаешь, это для тебя? Для него... — Девочка кивнула на мальчика в голландке. — Ну-ка, двигайся ближе!

Мальчик послушно подъехал, протирая на задую тонкую парусину.

— Сиди смирно... — Девочка тампоном промокнула его колени и щеку. Бросила покрасневший марлевый комок вниз (толпа вокруг памятника стремительно редела). Достала коричневый пузырек.

— Не вздумай дергаться... Молодец... У тебя воротник нашей школы и полоски четвертого класса. Почему я тебя не видела? Я всех четвероклассников знаю.

Мальчик отвернулся и треугольным подбородком уткнулся в плечо.

— Ну, что молчишь? Отвечай давай!

Он не стал противиться такой решительности. Пробормотал:

— Это не мой воротник... Вообще все не мое...

— А чье же?

— Не знаю.

— Как не знаешь? Ну-ка, говори!

“Какое ее дело?” — сердито удивился Лён. И хотел уже вступить за младшего. Но тот мигнул и спросил шепотом:

— А ты никому не проболтаешься?

— Про что?.. Ну, ладно, никому ничего не скажу.

Тогда он нехотя признался:

— Я стащил эту одежду на пляже... У того мальчишки наверняка что-то еще есть, а у меня было тряпье...

— Ты кто? Беженец?

Он посопел и сказал:

— Да.

Девочка умело присвистнула.

— Дела-а... А не похож. Ты с кем сюда приехал?

— Ни с кем, один. Я думал бабушку найти. Но люди в том доме сказали, что она умерла... Я ее плохо помню, она к нам в Орлиное приезжала, когда я был совсем маленьким...

“Орлиное — это на границе Йосской области”, — вспомнил Лён. Девочка насупилась и спросила довольно безжалостно:

— Ты, значит, сирота?

— Значит... — насупилась и мальчик. — Мама и папа были в автобусе, который обстреляли с поста. И сожгли...

— Кто обстрелял? — спросил Лён. Довольно глупо.

— Да уж ясно, что не йоссы! Они по женщинам и детям огонь не открывают...

— Ага! И заложников не берут! И вообще у них белые крылышки за спинами, — не сдержался Лён.

В синих глазах мальчишки — металлический блеск:

— А ты там был?

“Что же я за болван! — ахнул Лён. — Ведь он же потерял отца и мать!”

Основы этикета и рыцарства воспитывали в юных гвардейцах старательно. За необдуманные слова принято извиняться.

— Прости, я не хотел тебя обидеть.

Мальчик опять округлил рот. Изумленно. Такие слова — от оборванного уличного пацана!

А девочка не удивилась. Сказала слегка ворчливо:

— Давно бы так... — Кивком бросила очки о лба на

нос. Повернула их к Лёну: — Ты сможешь о нем позаботиться?

— Как? Я же сам бездомный!.. — И чтобы не было лишних расспросов, сказал сразу: — Меня поперли из военной школы в Ато-Карне. За то, что на посту разглядывал в бинокль планеты... Ну и наплевать, надела казарма. А сюда приехал, потому что хотел увидеть море...

Украдкой он сцепил пальцы: чтобы судьба не ото-мстила за обидную ложь в адрес школы. А девочка придвинула в подбородку колени, попыталась натянуть на них подол юбочки и опять — к Лёну:

— А что собираешься делать?

— Понятия не имею... Может, попрошусь в рыбаки.

— Тебя-то у них и не хватало!

— Тебя-то здесь и не спросили!

Она не стала огрызаться в ответ. Почесала над очками бровь. Вздохнула, как уставшая тетенька:

— Что же с вами делать? Свалились на мою голову...

— Мы?! Свалились?! — вознегодовал Лён. — Ты сама на нас свалилась!

— Вернее, взлетела, — уточнил беженец в краденной голландке. — С земли — сюда.

— С нашей помощью! — поставил увесистую точку Лён.

Она покивала:

— Вы мня спасли. Ладно... Вам нужна крыша над головой?

— Да, — быстро сказал маленький беженец.

Лён пожал плечами. Он был уверен, что обойдется без помощи девчонки. Но... почему-то не хотелось так сразу расставаться с ней. И с этим вот растрепанным и решительным пацаненком. Худо все-таки совсем одному. А мальчик, что ни говори, похож на маленького гвардейца-барабанщика. Даже не пикнул, когда она его прижигала... Лён сказал:

— Крыша — это хорошо. Если только не в полицейском приемнике для беспризорников...

— Вы за кого меня принимаете!

— Пока ни за кого, — улыбнулся Лён. — Мы же тебя не знаем. Скажите хотя бы ваше имя, сударыня.

Девочке видимо пришлось по душе светский тон. В ней — нескладной “очкарке” — шевельнулось кокетство:

— Меня зовут Динка. Или Дож-Динка. Знаете, почему? Из-за этих капель... — и она тронула мочку уха. Там блеснул крошечный шарик-сережка.

— Правда похоже! — обрадовался мальчик. — А меня зовут Зорко... Или Зорито. Иногда...

— А меня Леонтий... Или попросту Лён.

— А меня не только Дож-Динка. Иногда еще — Ль-Динка.

— Потому что капли иногда превращаются в лед, да? — весело догадался Зорко.

— Не в том дело. Просто Динка из Льчевска. Дедушка так зовет иногда. Я сшила ему льчевский флаг...

— Твой дедушка владелец судна? — проявил догадку Лён.

— Он владелец крепости и смотритель маяка. Вы можете у него жить. Сколько хотите.

— Он нас не прогонит? — опасливо спросил Зорко.

— Не бойся. Ему будет веселее.

— Крепость и маяк — это весьма романтично, — Лён опять подпустил в разговор светскую тональность.

— А ты думал! — И она, прихватив юбочку, поеха-

АЭЛИТА

ла с постамента, будто с ледяной горки. Ребята — за ней.

И пошли через площадь, на которой было теперь пусто. О случившемся напоминали потерянные туфли, растоптанные сигарные коробки и раздавленные на брусчатке очки.

СТАРИК И ДЕТИ

В старике Августе как бы сочетались два человека. Один — этакий отставной матрос береговой службы, привыкший к неторопливой одинокой жизни и нехитрой работе. Другой — старый интеллигент-книжник с манерами джентльмена и склонностью к философским умозаключениям.

Ходил он в холщовых штанах и в обвисшей вязаной фуфайке, но под фуфайкой всегда была чистая сорочка. И брился старик тщательно, каждое утро, а редкие пепельно-седые волосы гладко зачесывал на прямой, как натянутая нитка, пробор.

Большие квадратные очки старика всегда были хрустально чисты, он то и дело протирал стекла подолом. Но смотрел старик Август на собеседников обычно поверх очков — разными своими глазами — один серый, другой серо-зеленый. В левом (серо-зеленом) глазу зрачок был не круглый, а с короткой отходящей вниз щелкой и напоминал замочную скважину. Иногда казалось — многомудрый Август смотрит через эту скважину в свое нутро. Впрочем, так было лишь поначалу. Скоро мальчишки привыкли. Тем более, что старик ни о чем не спрашивал: пришли, ну и живите, на Земле всем должно хватать места...

В городе Льчевске никому не было дела до того, кто такой старик Август. Вернее, кем он был раньше.

А был он профессором университета, доктором астрономии и философии и директором столичной обсерватории. Его научные труды пользовались известностью во многих странах.

Но все это было во времена, когда страна, хотя и называлась Империей, жила без императора. И ничего жила, не хуже соседних государств. Однако случились выборы в Государственный совет, и на них победили люди, считавшие, что без императора никак нельзя. И тогда императора тоже выбрали. И стали бороться за укрепление его власти.

Боролись везде. В академических кругах — тоже. И вот на какой-то научной конференции бойкий молодой член-корреспондент внес предложение: надо, мол, господа ученые, активно выступить в поддержку императорской династии. И попросил высказаться на эту тему авторитетного философа Августа Кристиана Горна.

Профессор высказался. В том смысле, что он занят проблемами многомерного космоса, и что по сравнению с этим космосом император с его династией и всеми его заботами такая несоизмеримая малость, что недостойна даже микроскопа. А он, доктор Горн, привык иметь дело с телескопами повышенной кратности.

После этого он очень быстро перестал быть профессором и директором. И чуть-чуть не перестал быть вообще. Потому что трижды на него напали "пьяные хулиганы", один раз чуть не сбила машина, и два раза под фундамент его дома подкладывали солидные порции взрывчатки. Первый раз такой заряд не сработал. Второй раз, к счастью, хозяина не оказалось дома. Но и самого дома после этого не оказалось.

Доктор Горн был вдовцом, жил один. Он упаковал в чемодан уцелевшие вещи и рукописи, познакомил-

ся через друзей с опытным проводником-контрабандистом, и тот провел его через границу на территорию вольного города Льчевска.

Здесь жила его дочь с мужем и девочкой Динкой. А сам доктор Горн сделался стариком Августом и стал жить у друга в полуразрушенной приморской крепости.

Друга звали дядюшка Гафель. Они с Августом дружили еще в ту пору, когда были тощими коричневыми пацанами и обдирали колени на здешних береговых скалах. Потом они после окончания двухгодичной мореходки ходили штурманами на многопалубном лайнере "Каролина". Затем их дороги разошлись. Август ушел в науку, а его друг покалечил во время шторма ногу и стал смотрителем маяка (тогда-то он и получил прозвище Гафель).

Островок и крепость Гафелю так понравились, что он даже приобрел их в свою собственность — так же, как покупают старые дома и дачи. В те годы сделать это было нетрудно: среди властей царил неразбериха, земельные участки продавались за бесценок, а крепость считалась никому не нужными развалинами, почва на островке была совершенно бесплодной.

Сложность возникла только с маяком — он-то был нужен городу и порту, продать его власти не имели права. Наконец договорились, что маяк останется городской собственностью, а те квадратные сажени, на которых он стоит, дядюшка Гафель будет сдавать городу в аренду. За маленькую, чисто символическую плату.

Два старика дружно зажили вдвоем. Занимались нехитрыми своими делами и предавались воспоминаниям о прошлом. Но через год дядюшка Гафель умер, оставив крепость и все хозяйство в наследство другу.

Старик Август оказался в одиночестве.

Вообще-то астрономы — привыкшие к одиночеству люди, но все же старик иногда скучал. Дел у него было немного. На закате он включал, а на рассвете выключал маячный огонь. В полдень, сверивши время по корабельному хронометру, стрелял из старинной пушки — такая была в городе Льчевске традиция.

Продолжал старик заниматься и звездными наблюдениями, но это — ночью. А днем что?

В крепости было немало подземелий, где старик то и дело находил всякие интересные вещи — старинные корабельные фонари, ржавые абордажные кортики, чугунные ядра, мятые панцири и медные шлемы, какие в прежние времена носили морские солдаты. Ну, и многое другое.

Все эти находки старик Август поместил в нескольких каменных помещениях — устроил небольшой музей. Стали навещать туристы.

Но туристы — народ мимолетный, а постоянного соседа и собеседника не было. Забегала иногда внучка Динка, но она такая стрекоза! Поболтает минут пять и умчится... Ну, по правде говоря, иногда она помогала по хозяйству. И даже бывало, что оставалась ночевать и уютно сидела у деда под боком, когда он осторожно дышал у телескопа. Но это случалось не очень-то часто.

Поэтому старик обрадовался, когда Динка привела двух мальчишек. Они помогут и порядок наводить, и в подземельях покопаются, чтобы, добыть еще какие-какие музейные вещи — для них это одна радость и приключение. И будет с кем перекинуться словом за вечерним чаем.

А насчет кормежки бывший профессор не беспокоился. Жалование маячного смотрителя было, конечно, невелико, но на хлеб хватит. Да и музейчик давал кое-какой доход. К тому же, в каменной кладовой хранился запас муки, макарон и несколько ящиков с морскими консервами...

В первое же утро мальчишки с понятным интересом обследовали все три бастиона. Потом зажгли керосиновый фонарь с парусной шхуны "Аскольд" и полезли в подземные бункеры. И раскопали там два деревянных блока-юферса от какого-то парусника позапрошлого века, ржавый шлюпочный якорь, обломок шпаги с витой рукояткой и... вот удача-то! — два кремневых пистолета.

Когда пистолеты отчистили, оказалось, что они исправны — ржавчина не повредила пружины. Зарядкой и пали!

Старик сказал, что можно будет попробовать. Но не сейчас, потому что пришло время для более могучего выстрела — скоро двенадцать часов.

Старик принес из глубокого, со стальной дверью, бункера заряд в холщовом мешочке. Заложил его в жерло широкой бронзовой карронады. Перед этим он в каменной "штурманской рубке" сверил с хронометром свои карманные часы. Теперь старик Август держал часы в левой руке, а в правой — длинные щипцы с раскаленным в жаровне угольком. И помахивал щипцами, чтобы уголек не погас.

Мальчишки наблюдали за этой процедурой с тихим восторгом. Младший, правда, на всякий случай зажал уши. Ну ничего, со временем привыкнет. Все привыкают. Вон даже лохматый Румпель не вздрогнул, когда карронада гулко ухнула, выбросила синий круглый дым и откатилась вверх по наклонной площадке. И водяной петушок Тиви не обратил внимания — топтался на развалившемся Румпеле и выклевывал из шерсти букашек.

Младший поморгал, пригладил взъерошенные волосы, переступил побитыми о подземные камни ногами.

— Вот это грохнуло!

А старший деловито спросил:

— Выстрел не нарушит автоматику маяка и ход хронометра?

— Нет, механизмы в глубине... Через полчаса наверняка примчится Динка, в полдень в гимназии кончатся уроки...

Динка и правда скоро появилась в крепости. Длинноногая, решительная, в таких же, как у деда очках, с такими же разными глазами и зрачком скважиной. Глянула внимательно:

— Как устроились, господа артиллеристы?

Лён от смущения повел себя нахально: прижал к бедрам ладони, сдвинул каблук и гаркнул:

— Осмелюсь доложить, ваше благородие, все благополучно!

Динканисходительнофыркнула.

— Дед, ты следи, чтобы умывались, а то одичают хуже Ермилки...

— Хуже кого? — с веселым любопытством подскочил Зорко.

— Секрет... Ну-ка, дай я пришью твой воротник, пока совсем не отлетел...

Потом Динка приходила каждый день. Дурашливо переругивалась с Лёном, с ворчанием расчесывала деревянным гребнем Зоркины спутанные волосы, которые "и не волосы вовсе, а пакля кудлатая" (Зорко

тихо повизгивал — похоже, с удовольствием); помогала деду готовить обед... Иногда купалась с мальчишками на узком каменистом пляже под скалами...

Так бежали день за днем. Беззаботные, похожие друг на друга. С утра Лён уходил в город — купить что-нибудь на рынке. Случалось, что Зорко тоже убегал. Вместе они по городу не гуляли, словно молчаливо условились: не будем слишком надоедать друг другу, достаточно и того, что мы в крепости все время вместе.

А может быть, Зорко чуял, что у Лёна есть в городе какие-то свои дела. Чуть-то чуял, но деликатно скрывал любопытство.

А дело у Лёна было одно: наведаться к разрушенной лестнице и проверить — нет ли сообщения?

Нашел он, что искал, через неделю. На крючке висела оплетенная изоляцией пластмассовая коробочка. Такая, в каких бывают упакованы игрушки-сюрпризы, спрятанные внутри шоколадных яиц.

Лён занервничал, оглянулся, сорвал ногтями изолянту с проволоочной петлей. разомкнул скорлупки. Вытряхнул на ладонь бумажный клочок...

Ничего особенного. Обыкновенная бумажка, обыкновенным синим фломастером написанные буквы: "16-го сентября в 22.30 на Старой Катерной пристани у левой причальной пушки. Вас позовут".

Вот и все. Никакого пароля и отзыва, никакой шпионской напряженности. Позовут — и все будет хорошо.

И стало легко на душе. Легко вдвойне, потому что до шестнадцатого было еще четыре дня. И можно в оставшееся время совсем уже без тревоги жариться на солнце, бултыхаться в море, смотреть по ночам на звезды и болтать с Зорко... С Зорко-Зорито, которого знаешь будто всю жизнь...

Жаль только, что всего четыре дня.

Жизнь в крепости была такая, что хотелось: пусть она тянется как можно дольше.

Стыдно признаться, но юного гвардейца Бельского тянуло в родную школу уже не так сильно, как раньше. По правде... если совсем по правде, то в глубине шевелились мысли и вовсе постыдные. Преступные. Такие, за которые справедливой была бы даже порция шомполов. Потому что проскакивало в голове иногда: "Жить бы вот так всегда и не надо больше ничего. Только бы Динка приходила каждый день..."

За это мысленное дезертирство Лён однажды дал себе по уху. Крепко. И вроде бы очухался... Но четыре ближайших дня были законными каникулами. Этой радости можно не стыдиться!

Лён оглянулся опять. Изорвал в мельчайшие клочки бумажку, пустил их по ветерку. Потом бросил в заросли дрока пустые пластмассовые половинки, зашвырнул и направился "домой".

ДВОЕ

Безоблачный горячий день медленно тек над бастионами. Словно разогретый солнцем воздух. Несколько туристов размеренно бродили по крепости. Море чуть плескалось у бастионных подножий.

Лён отыскал Зорко у воды, под скалами.

Спешить было совершенно некуда. Зорко и Лён искупались, попрыгали в воду с горячих камней, погнались за маленькими резвыми крабами (это были, конечно, крабы-пацанята, они любили играть). Полезали рядышком на песке, перемешанном с мелкой галькой. Потом Зорко искал раковины, а Лён помогал ему.

Раковины были не большие; но красивые, разных форм и расцветок. Зорко и раньше их собирал. Чистил, промывал, сушил на бастионном парапете. Некоторым он придумывал имена — самые неожиданные: Штопоренок, Тетя Клава, Микки-Маус и даже почему-то Лихорадка...

А на этот раз он отыскал круглую, с широкой щелью раковину-великаншу. Она была серая, бугристая снаружи, а в щели светилась желто-оранжевая глубина.

— Ух, какая! — Зорко поднес раковину к уху. — Поет... Лён, послушай.

Лён послушал.

— Да, гудит... Как ты ее назовешь?

— Улыбка клоуна! Смотри, какой большущий рот... Или нет... я потом придумаю.

Зорко оставил раковину в руках у Лёна и ускакал вперед — резвый, как Тиви.

Давно уже ухнула над бастионом карронада (напугала ленивых туристов).

Лён догнал Зорко.

— Что-то Динки нет. Обычно она прибегает вскоре после выстрела.

— Ах, что-то Диночки долго нет! Ах, кажется, кто-то страдает! — пропел Зорко.

— Ах, кто-то зарабатывает подзатыльник!

Зорко засмеялся и упрыгал в тень горбатой скалы.

Там он лег на плоский камень, хитро глянул на Лёна и что-то начал выводить на песке пальцем. Потом увлекся и больше не оглядывался.

Лён крадучись подошел. На песке было нацарапано:

L-Динка + Лён = Лю...

Зорко с тихим сопением выводил букву "б".

— Та-ак... — зловеще сказал Лён.

— Ой... — Зорко дернулся, но понял, что ему не удрать. Зажмурился, лег щекой на камень и жалобно выговорил:

— Это шутка. Такая ма-аленькая забавная шуточка... Я больше не буду.

— Конечно, не будешь, злорадно пообещал Лён.

— Утопленники не шутят...

Он сгреб Зорко с камня и потащил на скалистый двухметровый выступ.

— Ай!.. Ой... — Зорко дурашливо махал руками и ногами. — Спасите! Меня хотят скормить акулам!

— Хотят, хотят... — Лён принес его на каменную кромку. — Есть у тебя последнее желание?

— Нет... Ой, есть! Пусть одна длинная очкастая девица каждый год в этот день приносит на берег цветочки. В память о невинно погибшем... Ай!..

Лён кинул его в зеленую прозрачную воду — под выступом было глубоко. В этой воде Зорко сразу превратился из облупленно-коричневого в бледно желтого. Забарахтался, пустил пузыри. И стал опускаться на дно.

Конечно же, он дурачился, Но Лён обмер от мгновенного страха. И сиганул с камня. В зеленой прозрачности он разглядел Зорко — руки и ноги у того двигались беспомощно, как водоросли. Лён ухватил Зорко под мышку левой рукой, а правой сделал несколько сильных гребков.

На поверхности Зорко забарахтался, засмеялся и вырвался. Вразмышку добрался до пляжа. Заплясал на песке:

— Испугался, что я правда потону, да?!

Лён сделал вид, что хочет догнать его. Зорко отбежал и бросил в Лёна пригоршней мелкой гальки. Потом растянулся на песке.

— Лежачего не бьют.

— Хитрый, — вздохнул Лён и упал рядом.

— Ага, я хитрый, — согласился Зорко. С непонятной грустинкой. — Думаешь, почему меня иногда звали Зорито?

— Ну почему... Уменьшительно от Зорко.

— Не-а! Не от Зорко, а от "Зорро". Есть такое кино — про благородного разбойника. Его прозвали Зорро. А по-испански это значит "Лиса".

— Я знаю, мы учили испанский в интернате. И кино я видел...

— Ну вот! Значит, должен понимать. "Зорро" — "Лиса", а "Зорито" — "Лисенок"...

Лён смотрел с сомнением.

— Не похож ты на лисенка.

Зорко уткнулся в песок острым подбородком.левой пяткой почесал правую щиколотку.

— Это я снаружи не похож. А внутри я хитрый. Изворотливый...

— Кто? Ты?!

— Ага... Я лучше всех прятался в кустах, когда играли в горное восстание... И умел притворяться...

— Как притворяться? — насупленно спросил Лён.

— Ну... умел смеяться, когда хотелось плакать...

— Зорко поглубже зарылся подбородком в песок. По нижнюю губу. Отдул песчинки.

"И часто так бывало?" — хотел спросить Лён, однако не решился. Зато возразил уверенно:

— И все-таки "зорито" — не "лисенок".

— Это почему? — капризно сказал Зорко.

— Во-первых, тогда надо было бы говорить раскатиство, с двумя "р" — "Зоррито"...

— Это писать надо с двумя, а говорить можно и так...

"Просто у тебя, у голубка, проскакивает йосский акцент, — усмехнулся про себя Лён. — Йоссы звук "р" всегда глотают..." И хотел спорить дальше:

— А во-вторых...

Но тут их позвал с бастиона старик Август...

НЕВИДИМКА И ЗВЕЗДЫ

Динка появилась только вечером — когда Зорко и Лён сидели на парапете и смотрели на заходящее солнце. Сегодня оно уходило в сизую дымку, и ярких красок не было.

Зорко и Лён раздвинулись, Динка села между ними. Оправила школьную юбочку, закачала ногами. Ноги снова были в мелких порезах и травинках — как в день знакомства.

— Ты что, по болотам гуляешь? — неловко спросил Лён. Потому что Динка заметила, как он разглядывает ее ноги.

— Конечно! Каждую пятницу, а то и чаще. Только там не совсем болота, а заросшие пуды с островками и кочками. На одном островке живет Ермилка.

— Кто?! — звонко удивился Зорко.

— Мальчик такой. Чуть поменьше тебя...

— А... как он там живет? Зачем?

— Живет и все...

— Беженец? — спросил Лён.

— Ну... можно сказать и так... У него мама и папа плыли на теплоходе "Константин", когда его захватили йосские десантники. Всех взяли в заложники. А когда морская пехота брала "Константин" на бордаж, многих заложников там постреляли...

— Йоссы не стреляют заложников, — сумрачно сказал Зорко.

— Там не разберешь, кто стрелял. Палили с двух

сторон, а про пассажиров и не думали... Вот Ермилка и остался один. И ушел туда... Он никого не хочет видеть. Вернее, не хочет, чтобы его видели. Говорит, что одному жить лучше. С бабочками, стрекозами и лягушатами...

— А зимой? — поехал Лён.

— У него хижина, а в ней солома и сухие камыши.

Он в них зарывается и спит до весны...

— Сочиняешь, — догадался Зорко.

— Ничуть не сочиняю!

— Но он же не медвежонок!

— Нет... Но и не обыкновенный мальчик. Он...

— А чем он питается, когда не спит? — недоверчиво перебил Лён.

— Иногда я ношу ему хлеб и молоко... Но он может совсем не есть. И неделю, и месяц, и хоть сколько. Просто ему нравится, что я прихожу и приношу гостинцы. И книжки... Мы познакомились в прошлом году, когда я там охотилась за тритонами для школьного террариума. Знаете, что такое террариум?

— Знаем! — Зорко стукнул босой пяткой о камень.

— Ты скажи: он так и живет там целых два года? Ведь "Константин"-то штурмовали в позапрошлом году!

— Так и живет. Как Маугли. Только без волков...

— Но он же тогда был совсем маленький! Не мог он один, — опять не поверил Лён.

— Восемь лет ему было...

— Значит, сейчас он не младше меня, — придиричливо заметил Зорко.

— Ему и сейчас восемь лет.

— Лён, давай спихнем Враль-Динку вниз! Чтобы не пудрила нам извилины!

— Да правду я говорю! До чего бестолковые! Вы дослушайте до конца! Он не простой мальчик, а невидимка!

— Лён, ты ее с того бока, а я с этого...

— Ай! Дурни!.. Ну, честное же слово! Он стал таким, потому что... ну, это, наверно, как болезнь... Я же говорю, он не хотел, чтобы его кто-нибудь видел. Он перестал верить всем-всем людям, вот!.. И от всех скрылся, вот!.. А у невидимок время почти не движется, поэтому Ермилка не растет. Вернее, он растет, когда превращается в нормального, в видимого, но это бывает очень редко, на несколько минут. Он не хочет, чтобы про него знали. Только со мной подружился...

— Почему? — слегка ревниво спросил Лён.

— Ну... надо же с кем-то... Он же почти малыш, тоскливо совсем одному... Он все про себя рассказал. Признался, что по ночам иногда плачет. Это когда совсем темно, нет луны... Но вообще-то он веселый. Проказник...

Лён вдруг поверил. Почти. Зорко, видимо, тоже. Он спросил:

— А какие книжки этот Ермилка любит?

— Сказки про зверей... Он там организовал хор из дрессированных лягушат. Он рассказывает, что среди них есть говорящие...

— Врет, — уверенно сказал Зорко.

— Ну, может быть фантазирует... Вообще-то он иногда бывает вредный. Упрямый. Особенно когда приходится лечить его ссадины-царапины. Он ведь там то и дело обдирается о колючки, потому что бегаёт голышом. Думаете, я почему таскаю в сумке всякие медикаменты? Из-за этого обормота...

— Как же ты мажешь йодом его, невидимого? — усмехнулся Лён.

— Велю сделаться видимым. Ну, не полностью, этого он стесняется, а ту часть, которую надо лечить...

Хуже, когда он болеет весь. У него то и дело кашель или мокрый нос. А недавно схватил простуду с температурой. Я принесла ему аспирин и колдрекс, а он за два дня не проглотил ни порошка, ни таблетки. Да еще кукарекает и дразнится...

— Значит, не очень большой, — рассудил Лён.

— Он меня вывел из себя! Так, что я ему даже всыпала!

— Как? — удивился Зорко.

— Очень просто. Сказала "иди сюда", взяла за локоть и дала такого шлепка, что его дрессированные лягушата расквакались на всю округу.

— Бедняга, — вздохнул Лён. — А почему он от тебя не спрятался?

— Посмел бы только! Он меня слушается...

— Слушается, а лекарства не пьет, — поддел Зорко.

— Потому что глупый...

— А как же ты не промахнулась при шлепке-то? — хихикнул Зорко. — Или ты велела ему сделать то с а-м о е м е с т о видимым?

Динка сказала, что это лишнее. Она и так знает, где у вредных мальчишек находится место, по которому учат уму-разуму. И кое-кто в этом сейчас убедится, если не перестанет ехидничать.

Зорко хихикнул опять:

— Я-то не невидимка.

— Тем более, — сурово отозвалась Динка. И опять запечалилась из-за Ермилки. — Ну его... бестолковый такой. Я реву от досады, а он меня дразнит: "Ты не Динка, ты Зинка. Не "Дож", а "Сле..."

— Невоспитанный ребенок, — голосом старинной классной дамы заявил Лён. — Ты должна быть с ним более строгой. А то неизвестно, кто из него вырастет... Ох, да он же не растёт!

— Пока не растёт. Не хочет... Он знает что мне сказал, когда помирились? Уткнулся невидимым носом мне в колени и шепчет... нет, не скажу...

— Ну, Ди-инка! — взвыли Зорко и Лён. Зорко добавил: — Интересно же!

— Вам интересно, а я... Я потом скажу...

— Эй, дамы-кавалеры! — окликнул из сумерек старик Август. — Ужинать будете? Или мы с Румпелем и Тиви все поделим на троих!

Динка вскочила.

— Дедушка; мы идем!

Динка осталась ночевать.

Все долго не ложились. Маяк опять не горел. Это была пустая предосторожность: все равно за скалистым островком с крепостью переливался огнями и рекламами бессонный и шумный Лъчевск — с моря его было видно за много миль. Но приказ есть приказ. Старику это было только на руку. Он снял с объектива на пушке парусиновый колапак.

— Дедушка, ты дашь нам посмотреть?

Старик Август дал. Смотрели подолгу. Ярусы звезд висели в черноте. Прямо захохотаться можно, какая она громадная, эта чернота и такое бесконечное в ней количество звездных миров. Среди звезд светились похожие на фосфорических медуз туманности. А разноцветные шарики планет похожи были на потерявшиеся елочные игрушки. Рядом с ними мерцали бусины спутников...

— Ну, молодые люди, пора и честь знать, — время от времени напоминал старик Август. — Мне надо работать.

“Молодые люди” говорили “ага” и опять с сопением оттирали от окуляра друг друга.

Наконец пустили к телескопу и деда. Он склонился над окулярной трубкой и спросил не отрываясь:

— Убедились, как грандиозно мироздание?

— Ага, — выдохнул Зорко.

— То-то, что “ага”... Надеюсь, поняли, какая мелкая капля в этой бесконечности наша Земля? И как мелко то, чем люди на ней занимаются. Все их беды и заботы...

Лён подумал и возразил:

— Мелочны, если смотреть оттуда, из космоса. Тогда Земля — шарик и все заботы — пустяки. А если вплотную...

Зорко тоже возразил из темноты:

— Когда убивают отца и мать — это не мелочь, хоть откуда смотри...

— Милые мои... — Старик Август, видимо, смутился. — Я не о том... Вернее, как раз о том, как глупо и преступно убивать друг друга, когда все мы живем на одном крошечном шарике...

Лён приказал себе молчать. Зорко тоже молчал. Скорее всего без приказа. Может, боялся заплакать.

Динка сказала:

— А что сделать, чтобы не убивали? Дед, ты знаешь?

— Не знаю... Все зависит от людей. От того, чего они хотят и во что верят. Одни строят в своем сердце храм, другие военный штаб...

— А если обсерваторию? — поддела старика Динка.

— Обсерватория — тот же храм. Ближе к звездам — ближе к Богу. Сказано, что Бог есть любовь. Если в каждом будет Бог, штабы станут не нужны...

— Как любить того, кто убил отца? — тихо спросил Лён.

— Не знаю, — вздохнул старик Август. — Честно скажу, не знаю... Но кто-то же должен остановиться первый.

— А второй тогда остановится? — опять спросил Лён.

И старик Август снова сказал, что не знает.

А цикады трещали в старой крепости без умолку. Словно от самих звезд шел сухой стеклянный звон. А еще было слышно, как скребется в конуре косматый Румпель. Рядом с конурой, сунув голову под крыло, спал Тиви. Но он-то спал совсем бесшумно.

СКАЗКА О МЕСЯЦЕ

Наутро они втроем искупались под скалами. Потом Динка сказала, что пора в школу. Лён решил проводить ее.

— Ничего, что с тобой пойдет такой оборванец?

— Кому какое дело!.. И, между прочим, выглядеть оборванцем сейчас даже модно.

Зорко сказал, что пойдет с ними. Но потом в секунду передумал — словно что-то вспомнил.

— Нет, я останусь... Раковины поищу...

А когда они ушли, тоже побегал через дамбу. Сам по себе...

Лён побродил по пестрым улицам, по шумному рынку. Проиграл две серебряные монетки жуликоватому парню, который дурил голову обступившим его людям — с помощью пластмассовых стаканчиков и шариков.

Лён отлично видел хитрости этого мошенника и мог бы легко обставить его. Но это вызвало бы подозрение. К тому же, у парня наверняка вертелись рядом дружки...

А монеток было не жаль. Денежный запас, который Лён получил в школе и держал в потайном кармане у пояса, не был израсходован и на треть.

И все же Лён поторговался с теткой, которая продавала арбузы, — так, чтобы не выходить из роли. И торговка эта, спешившая домой, уступила самый большой арбузище буквально за гроши.

— Кушай на здоровье да не лопни. Люблю таких, у меня племянник конопатый, вроде тебя...

Что она сказала бы, увидев “конопатого” в парадной форме, при аксельбантах и тканом золотом поясе?

Лён притащил арбуз на бастаон и увидел Зорко, который жарился на парапете и раскладывал раковины...

Вечером, когда опять сидели на каменном ограждении — лицом к морю, — Зорко сказал:

— Я придумал имя для той большой раковины...

— Какое, Зорито?

— “Камин”... Знаешь, почему? Потому что она снаружи серая, как камень, а внутри оранжевая, будто там огонек...

— Похоже, — согласился Лен. — Зорко, а ты знаешь, что такое “камино”? Не “камин”, а “камино”...

— Наверно, круглая печка — хихикнул Зорко и поежился. Он был без голландки, а с моря потянуло ночной свежестью.

— Сам ты печка... “Эль камино” по-испански значит “дорога”... В том интернате, где я жил до военной школы, была одна воспитательница, не похожая на других. Добрая. За это ее потом прогнали... Звали ее Камилла. Похоже на “камино”, верно? Она рассказывала нам про Дорогу...

— Про какую? — шепотом спросил Зорко. И придвинулся вплотную к теплому Лёну. Тот ладонью прикрыл его колючее плечо.

— Про Дорогу, которая среди звезд. На нее люди уходят после жизни на Земле...

— Бабушка говорила, что они уходят в рай или в ад. Кто что заслужил...

— Может быть... Но есть еще Звездный тракт. Иногда он тянется прямо через космос, и звезды рядом с ним — совсем маленькие. Ну, как Динкины сережки... Не хихикай, балда... Их можно потрогать руками... А иногда он похож на простую земную дорогу. Это где как. Он же бесконечен, там бывает всякое...

— А зачем этот тракт?

— Вообще-то он называется не тракт, а именно Дорога... Зачем? Там встречаются все, кто потерял друг друга в этой жизни. Те, конечно, кто хотят. И кого ищут...

— И можно встретить родителей?

— Запросто... Неизвестно только, долго ли надо идти. Но это не так уж важно, времени там у каждого сколько хочешь. Вернее, его там просто нет...

— Как у невидимого Ермилки?

— Что?.. Да, правильно! И вот ты идешь, идешь и когда-нибудь встречаешь тех, кого ищешь... Может, даже тех, кого на свете не было...

— Как это?

— Ну... вот у меня должен был родиться брат. Мама умерла, когда ждала ребенка. И сделалось, что ни ее, ни брата... А теперь он был бы такой, как ты...

Зорко перестал дышать и придвинулся еще чуть-чуть. Лён продолжал полушепотом:

— А там, на Дороге... там может получиться, что мой брат есть. Там исправляются всякие несправедливости судьбы.

- Хорошо бы... А это правда?
- Так говорила Камилла...
- А ты веришь?
- Пожалуй, да...

Облака совсем догорели, растворились во тьме. Это была узкая гряда, она не закрывала ни зенита, ни горизонта. В зените опять белыми гроздьями вырзевали звезды. У горизонта доцветала бледно-зеленая полоска. А над ней висел запрокинувшийся месяц.

Скоро месяц совсем съехал к горизонту, порозовел и должен был вот-вот коснуться воды. Наверно, всей природе казалось, что это очень важный момент. Даже цикады притихли.

Зорко повоzilся под ладонью Лёна и шепнул:

— Месяц похож на малыша, который собрался купаться. Вода в ванне горячая, вот он и присаживается остороженько... Я помню, как меня мама купала...

— Тебе хорошо...

— Почему?

— Всегда хорошо, когда помнишь что-то такое...

А я помню только казенные бани, там осторожничать некогда: скорее, скорее... Зорко, а когда он коснется воды, она зашипит.

— Почему?

— Потому что на самом деле не вода, а он горячий...

— Ага! И ему приятно охладиться, верно?

— Конечно! Он перегрелся на своей вахте в небе...

Вот он все глубже, глубже и повизгивает от удовольствия...

— А кругом пар...

— А рыбы и медузы расплываются в панике...

— Сперва расплываются. А потом опять все ближе, ближе, ближе... Они же любопытные, морские жители... А месяц — он как светящаяся подводная лодка. И всякая морская живность может на него забраться, в его лунные кратеры. Они на нем — как оспины...

— Точно! И вся эта подводная братия путешествует на месяце, пока он плывет через океан! Ему ведь надо успеть к другому краю, чтобы взойти через полсуток...

— Да! Лён!.. А когда он опять начинает выползать в небо, они перепуганно плюхаются с него в воду. Медузы, морские коньки, камбалы...

— И русалки...

— Похожие на Динку, некоторые в очках... Ничего, что в очках, все равно симпатичные...

— Ой, кого-то сейчас за вихры и в воду...

— Не-а... А с нижнего конца месяца, с его подборodka — дельфин. Бултых!..

— И всякие водяные змеи и крысы...

— Нет! Крыс не надо...

— Боишься?

— Ага... Лён, я их правда боюсь...

— Ничего. С возрастом пройдет.

— Это с возрастом. А мне надо сейчас...

— Что тебе надо? — Лён с удивлением убрал руку с Зоркиного плеча. Тот поставил пятки на парапет, съезился.

— Лён... Я хотел попросить...

— О чем?

— Вообще-то я не должен про это говорить... Но, Лён, они там и правда живут, в подвале. А мне надо туда...

— В каком подвале? Что тебе там нужно? Вот скажу Динке, чтобы она тебя, как Ермилку...

— Да нет, Лён, я не шучу... Мне обязательно надо туда. Это в том районе, где вокзал, а развалинах за

старыми банями... Я не могу тебе больше ничего сказать. Может, потом скажу... Ты ничего не спрашивай, а просто сходи со мной завтра, ладно? Лён...

— Ладно, — сумрачно согласился Лён. С ощущением чего-то надвинувшегося, недружелюбного.

— Понимаешь, там вода и они в ней плавают... — Зорко трянуло дрожью. — Противные такие. Одна чуть не цапнула...

ДОГАДКА

Утром Зорко сказал, что идти в подвал надо под вечер. И потом весь день виновато отводил глаза. А Лён, хотя м скребло на душе, делал вид, что все обычно.

Искупались, вдвоем сходили на рынок, поболтали с Динкой, которая забежала всего на полчаса:

— Завтра в школе такой ответственный диктант! Надо готовиться... Кстати, вам не пора подумать о школе? Или всю жизнь будете неучами?

— Куда мы без документов-то, — буркнул Лён.

— Можно что-то придумать...

Но на сей раз думать ей было некогда, убежала. Зорко и Лён перевели дух.

В пять часов Зорко сказал, что пора. И потупился.

— Лён... Ты только не расспрашивай...

— Да ладно, ладно! Не переживай.

Развалин, похожих на обгорелый замок, достигли через полчаса. Они темнели за путями и составами товарной станции. Зорко и Лён пробрались под вагонами, перешли рельсовые стрелки. Перелезли через рухнувшие известняковые блоки. На развалинах желтела сурепка и проглядывали синие звездочки цикория. Трещали кузнечики. Не цикады, а обыкновенные маленькие кузнечики. Прыгали из под ног.

Зорко виновато оглядываясь, лез через камни впереди Лёна. И наконец привел его к щели в разрушенной стене. Щель была скрыта наклонной плитой и кустарником с узкими твердыми листьями. Зорко первым пролез в щель. Вытащил откуда-то фонарик. В электрическом свете заблестела черная вода.

— Надо идти туда...

— Что ж, идем, — натянуто согласился Лён. Голова шелестяще расплзлась по подвалу. Лён первым ступил в воду — он был босиком. Вода оказалась неожиданно теплой и маслянистой. По ней разбежались слепящие зигзаги. Зорко сбросил сандали и тоже сошел с каменного уступа. Ему было до колен.

— Лён, надо вон в ту сторону... — Зорко лучом показал в глубь подвала. Вдали высветилась изогнутая толстая труба с вентиляем. Вентиль был с бородачковой ржавчины.

— Надо так надо... — Лён пошел вперед со смутным сознанием, будто делает что-то ненужное, даже вредное. Но не бросать же Зорко!.. В правой руке Лён держал подобранную заранее палку. И несколько раз бил ей по воде, когда черную поверхность рассекали узкие блестящие тела.

Жуть какая! Бедняга Зорко, неужели он ходил тут один?

И зачем ходил?

Впрочем, Лён обещал не расспрашивать. Слово есть слово... Дошли до трубы. Зорко покачулся, вцепился в вентиль. Сунул за трубу пальцы, что-то взял там (наверно, на обойме вентиля был крючок).

Потом Зорко совсем отвернулся от Лёна. Загордил спиной руки. Зоркины заштопанные локти суетливо двигались.

Скоро к Зоркиным ногам посыпались бумажные

клички — мелкие, как рыба чешуя. Упали половинки крошечного пластмассового футляра. В точности такого же, как тот, взятый под лестницей. Закачались среди электрических зигзагов, будто яичные скорлупки.

Лён смотрел на них горько и отупело.

Зорко дернул его за безрукавку.

— Лён, все ... пошли ...

И они пошли.

Молча выбрались на солнце. Оно, это несчастливое солнце, было уже невысоким, желтым.

Без слов они пробрались через пути, вышли на Привокзальный бульвар — тихий, малолюдный.

Лён молчал с холодным камнем в душе.

— Лён... Ты обещал ни о чем не спрашивать.

— Я и не спрашиваю.

— Но ты молчишь, будто обиделся...

— Я не обиделся. Я... Зорко, ты иди один. Мне надо тоже... одному. По своему делу. Скажи старику, я вернусь к ужину. — И пошел.

И чувствовал, что Зорко смотрит вслед с испуганным вопросом. Но не оглянулся.

Никакого дела у Лёна в городе не было. До заката он просто слонялся по улицам. А мысли толклись, толклись... И в каждой мысли было одно — догадка.

В сумерках Лён вернулся в крепость. И постарался вести себя как обычно. Получалось плохо, он содрал, что болит голова.

— У меня тоже, — шепотом сказал Зорко. Правда или нет — не поймешь.

Спать легли раньше обычного.

ПОЛКОВНИК ЗНАЕТ...

Они ночевали в низком каменном помещении с полукруглой амбразурой — бывшем орудийном капонири. На железных матросских койках, на тюфяках, набитых высохшей морской травой. Вместо простыней — старые сигнальные флаги...

Зорко повозился и задышал тихо и ровно.

Лён смотрел в темноту. В голове больно стучало: "А я-то думал... А я-то думал..."

Он думал, что вернется в школу и скажет:

"Господин генерал... Людвиг Валентин... не надо мне офицерского чина и кортика, я прошу о другом. В Льчевске есть мальчик, который стал мне как брат. Позвольте мне вернуться за ним и доставить его в школу. Клянусь: из него получится настоящий гвардеец..."

Разве генерал смог бы отказать?

Да, конечно, Зорко не раз давал понять что он на стороне йоссов. Но Лёну казалось: это просто по детскому непониманию. Потому что он, Зорко, из тех краев. И потому, что уверен: автобус, где ехали отец и мать, уничтожили имперские солдаты. Но ведь можно же будет доказать ему, что это наверняка была шайка мародеров, одетая в солдатскую форму. Таких бандитов немало бродит в пограничных лесах, они не подчиняются ни имперским властям, ни йосским правителям и выдают себя то за солдат его величества, то за повстанцев. Ведь так оно наверняка и было...

Оказавшись в школе, Зорко обязательно поймет, где настоящая правота. Он же умный. И честный. Если увидит, что ошибался, упрямитесь не станет...

Конечно, там у них не будет такой дружбы, как здесь, это в школе не принято. Но все равно они часто будут рядом. Ниточка не порвется. А главное — Лён до конца выполнит свой долг: сделает Зоркину судьбу счастливой. Поступит, как хотела Динка, когда спрашивала: "Ты сможешь о нем позаботиться?"

Так думал Лён до сегодняшнего вечера.

А сейчас...

Сейчас было понятно, что все прежние мысли — пустые и наивные. Зорко — солдат. Он такой же солдат, как Лён, только из другой армии. И бесполезно его в чем-то убеждать. Он знает свою правоту. И она — не та, что у Лёна...

Да, Зорко убитых отвратительных подземных крыс. Но умереть за свое дело, наверно, не побоится. Труса не послали бы с т а к и м заданием.

“Господи, помоги мне! Подскажи мне, что делать!”

“Зачем судьба свела нас там на площади?”

“А затем и свела, чтобы все было именно т а к”, — пришло к Лёну безжалостное понимание.

Затем, что судьба на стороне империи. Она специально поставила юного гвардейца Бельского на пути мальчика Зорко... Ну и что же, что он — шуплый мальчик в матроске? Дело не в этом. Дело в том, что он — враг. Он несет империи зло. И, наверно, г р о м а д н о е зло. Не меньше того, что несет своим врагам Лён.

“И я обязан остановить его!”

А как остановить? Уговаривать? Смешно... Проследить Зоркин путь до конца? А что дальше? И, к тому же, у него, у Лёна, свое задание...

“И я не шпион!”

А может, связать Зорко и спрятать в подземелье?.. Но до какой поры? Все равно, его когда-нибудь найдут и освободят. Или сам вырвется... Если раньше не умрет...

“Если не умрет...”

...Полковник Дан, обоженный в десятках боев десантник, негромко, даже грустно как-то говорил на лекциях затихшим пацанам в погонах и аксельбантах:

— Кто, по вашему, настоящий воин? Тот, кто храбр и умеет ловко одолеть врага? Если бы все было так просто!.. Перечисленных качеств, друзья мои, достаточно для бандита, боевика, террориста. А для воина Империи мало храбрости, силы и боевой выучки. Бывает, что врага нельзя победить, если прежде не победишь себя. Победа над собой — вот высшая доблесть солдата... — Голос полковника креп и повышался. — Случается, что душа твоя горит, внутри тебя отчаянный крик и рука отказывается нажимать спусковой крючок. А ты должен, должен, ДОЛЖЕН!.. Разве легко было нашим парням превращать в уголь село Крутые Холмы, когда эти йосские звери огородили себя кольцом заложников? Разве не мучительно понимать, что от вашего залпа станут мертвыми и обгорелыми дети?.. Но эти воины знали: тех, за кого они воюют, у них за спиной гораздо больше...

Стояла такая тишина, что за стеклами слышен был в листве шорох воробьев. А полковник успокаивал голос и опять говорил негромко:

— Я вижу, у кого-то намокли ресницы. Не надо стыдиться этого. Не надо выжигать в себе жалость, совесть и сочувствие к людям. — настоящему солдату присущи все человеческие чувства. Но солдат должен скручивать эти чувства в себе ради высшей цели. Солдат, в кого бы он ни стрелял, будет оправдан и свят, если он делал это во имя Империи...

Ноги у полковника были слегка кривые, голова вжата в плечи и словно приплюснута. Казалось, на него сверху упало что-то тяжелое. Так оно, говорят, и было: полковника Дана придавило однажды плитой в разрушенном бункере. Но все равно он, маленький, худой, суетливо бегающий перед первым рядом аудитории, казался красавцем и титаном духа... Полковник всегда з н а л, как поступать...

“Я тоже знаю...”

Цикады за амбразурой сходили с ума — от них в уши ввинчивались стеклянные сверла. Это мучительное сверление было вместо тишины — даже в том горьком сне, в который наконец провалился Лён...

Он проснулся поздно. Измученный, будто не спал, а всю ночь ворочал камни. Знающий, что никогда больше не сможет смеяться. Но уже почти спокойный. Уверенный в себе.

Однако, тут же его обожгло испугом. Зорко не было!

А если он ушел крадучись, и уже на пути к своим?

Радостное облегчение, почти спасение, на миг согрело Лёна: “Вот и хорошо! Это случайно, я не виноват! И пусть он идет...”

“Нет, ты виноват! Ты упустил! А он не просто идет! В нем то, что нанесет удар твоей стране!”

“Но может, там какой-то пустяк!”

“У тебя не пустяк, а у него... Не ври самому себе!”

Лён подержал себя за голову и выскочил на верхнюю площадку бастиона.

Старик возился у карронады, которая стреляла в полдень.

— Дедушка Август! Где Зорко?!

— Ты чего всполошился? Он сказал: “Пойду под обрыв, искупаюсь, пока Лён спит. Он, — говорит, — сегодня что-то разоспался...”

Лён бросился к морю — через теплые камни развалин и колючки, на скалистую кромку, потом вниз по крутым изгибам тропинки.

Заваленный пористыми камнями и клочьями водорослей пляж был пуст. Лишь ходили две курочки тиви — родственники того петушка, Зоркиного любимца.

И опять юный гвардеец Бельский испытал преступное облегчение. Несмотря ни на что. Но для очистки совести еще раз метнулся по пляжу глазами.

И увидел Зорко.

Зорко, видать, накупался властью и потом уснул в тени нависшей скалы. Этакий маленький туземец-островитянин. Он улегся на кучу бурых водорослей, ничуть не боясь прозрачных водяных блох, которые густо прыгали по нему. А голову положил на выбеленную морем и зноем корягу, которую принесло сюда штормом.

Зоркины волосы были почти того же цвета, что коряга — с алюминиевым отливом. Они стали такими уже здесь, на Бастионе — видимо, тоже от соли и солнца.

Лежал Зорко на боку, калачиком, носом к скале, к Лёну спиной. Над ухом вздрагивал от струек воздуха завиток.

Лён смотрел на этот завиток. На висок.

Потом глянул под ноги. Прямо у пальцев его — просто как чья-то зловещая услуга — лежал кусок ракушечника, похожий на каменный топор.

Лён будто под гипнозом, нагнулся и взял камень.

Опять посмотрел на Зоркин заросший висок.

“Если острым концом, то сразу...”

Он глянул вверх. Нависшая скала высотой была метров семь. Все решат, что мальчик сорвался и ударился головой... Но ждать, когда его найдут, не надо. Лучше уйти сразу. В тот же миг... Нет, не получится, одежда-то в крепости. Придется забежать за ней. А по пути сказать старику, что Зорко нигде нет — наверно, ушел в город.

Получится ли вот так спокойно соврать на ходу — после того, что с д е л а л?

Не все ли равно! Если и заподозрят, никто его не найдет, не поймает. В Льчевске много мест, где можно укрыться до вечера. А потом — к тем, кто ждет. К нам и м...

— Лён... Месяц похож на малыша, который собрался купаться... Я помню, как меня мама купала..."

— Не смей вспоминать! Нельзя!!

Он стиснул камень до онемения в суставах.

Это же один взмах. Поднять и...

Камень казался стопудовым. А завиток на виске замер, словно почувал что-то...

Ну...

Зорко шевельнулся. Повернулся на спину. Сел. Глянул синими веселыми глазами, заулыбался.

— Ой Лён! А ты мне только что приснился!.. Лён, ты чего...

ЖРЕБИЙ

Зоркина улыбка пропала. Он что-то понял. Посмотрел на камень. И — Лёну в глаза. И повторил:

— Лён, ты чего...

Лён выпустил обломок. Тот, падая, ссадил ему кожу на косточке. Лён не шевельнулся. Тяжело сказал:

— Я знаю, кто ты...

Зорко сел прямее. Глаз не отвел и бросил отчужденно:

— Ну и что? Я и не скрывал, что я за йоссов.

— Ты не просто за йоссов, ты сам йосс.

— Ну и что?

— Ты не просто йосс, ты их гонец. С делом особой важности.

— Ну и что?

С каждым "ну и что" Зорко оцетинивался все больше. Глаза выбрасывали синие иглы. Коленки и локти торчали как шипы. Каждая жилка напрягилась.

А Лён, наоборот, обмяк. И сказал с бессильной сумрачностью:

— Ты не должен был мне доверять. Потому что я тоже... Только с другой стороны...

— "Господи, что я говорю! Это же нельзя!.."

Зорко тоже обмяк. Приподнялся и опять сел. На корягу. Она качнулась, Зорко чуть не упал. Махнул руками, словно схватиться хотел за пустоту. И была в этом движении такая беспомощность... Но страха в глазах не было. Он опять глянул прямо и спросил шепотом:

— Почему же не убил?

Лён постарался разозлиться. Чтобы за счет злости вернуть твердость.

— Я, по-твоему, кто?! Наемный бандит? Солдаты не могут убивать спящих!

— Ох уж... не могут...

— Да!

— А ты, значит, солдат?

— А ты разве нет?

— Я... не знаю...

— Разве ты не давал клятву?

— Я? Да... да, я обещал. Конечно... Но я не хотел быть военным.

— Не важно, кем ты хотел. Важно, кто ты есть! — Лён снова попытался разозлить себя.

А Зорко смотрел вроде бы спокойно. И сказал без выражения:

— Ты же хотел ударить.

— Не важно, что я хотел. Важно, что не ударил...

— Это действительно важно, — согласился Зорко.

Грустно и с капелькой насмешки. Да, страха в нем не было. И злости тоже. Стало ясно: Зорко просто не

верит, что Лён может сделать ему плохое.

Лён скрежетнул зубами.

— Ты дурак, да? Не понимаешь, что это всерьез?

— Нет, я понимаю... — Зорко опустил голову. Большим пальцем ноги шевелил на песке полосатый каменный окатыш.

— Тогда слушай. Мы же не сможем переубедить друг друга! Перетянуть на свою сторону...

— Не-а... — Зорко еще ниже опустил голову.

— Тогда остается что...

— Что? — Зорко быстро глянул исподлобья.

— Когда встречаются солдаты двух армий, они воюют. Честно. Лицом к лицу.

— Лён, я не могу с тобой воевать. Ты сильнее... Я даже убежать не могу, я вчера пятку наколол, ступать больно... — Зорко виновато улыбнулся, словно речь шла об игре.

— Ты ничего не понимаешь! — с отчаянием сказал Лён.

— Нет, я понимаю... — Зорко сел прямо. И посмотрел прямо. — Лён, выхода нет, да? Один должен умереть?

— "Как он просто об этом!"

— Да... Зорко...

Это прежнее "Зорко" вырвалось неожиданно. Лён даже испугался. А Зорко вдруг заплакал. Не морщась, не опуская лица.

— А вот реветь — это уже зря, — грубо сказал Лён. — Ничего от слез не изменится... Мне, между прочим, так же страшно, как тебе.

Зорко голой рукой вытер под носом.

— Я не потому, что страшно... Обидно. Все было так хорошо...

— Да. А теперь плохо, — согласился Лён с горьким злорадством. Не хватало еще разреветься и ему.

Зорко встал. Худой, обгорелый на солнце, решительный. К его ребрам прилипли сухие прядки водорослей.

— Что же нам делать, Лён?

— Я возьму в музей кремневые пистолеты. Стащу у старика пригоршню пороха. Вместо пуль загоним в стволы круглые гальки. Разметим дистанцию, как на дуэли...

Зорко грустно помотал головой.

— Лён, я не умею стрелять из настоящих... Ну, я сумею нажать, но все равно не попаду. И ты не попадешь... в меня...

— Это почему?!

— А почему не смог ударить камнем? — дерзко напомнил Зорко.

— Это... совсем другое дело. А сейчас будет по-честному.

— Ничего не будет. Я промахнусь, и ты промахнешься, — уверенно сказал Зорко. Теперь он прищуренно смотрел мимо Лёна. Куда-то в море. — У тебя дрогнет рука... Да и порох у старика крепко заперт.

— Это правда...

Правда, что порох не добыть и... что дрогнет рука...

— Что же нам делать? — угрюмо сказал Лён.

— Я не знаю...

— "А может, ничего не делать? Взять Зорко за руку и уйти в дальние края? По лесным дорогам. Туда, где нет никакой войны... А где ее нет?..."

Лён толчком отодвинул прочь эту мысль — предательскую и трусливую. За которую его наградили бы презрением все, в том числе и этот умытый слезами Зорко...

Лён вспомнил знамена гвардейской школы, вспо-

нил кортик генерала. Вспомнил торжественный марш, который барабанщики играют в честь героев...

— Я знаю. Мы бросим жребий. Кто вытянет короткий стебелек, прыгнет со скалы на камни. Понял?

Зорко вздрогнул в ответ. Взглянул вверх.

— Не с этой, — сказал Лён. — Здесь не очень высоко. Вон оттуда. — Он затылком показал назад, где изгибался в сторону моря желтый каменный рог высотой с пятиэтажный дом. Под ним было нагромождение ракушечных глыб. — Там уж наверняка... Я даю слово, что исполню жребий. А ты?

— Хорошо...

Зоркино "хорошо" прозвучало очень уж обыкновенно. Может быть, Зорко просто устал от всего этого. Лён, по крайней мере, устал. Даже спать хотелось.

Зорко обошел Лёна и, прихрамывая, двинулся к тропинке.

Они поднялись на каменные зубцы. Слева была крепость, справа дамба через пролив и белый праздничный город. Слышен был многоголосый шум рынка, звон колоколов, музыка.

А впереди было очень синее море.

Скала острым треугольником вдавалась в эту синеву. Туда, на самую оконечность, тоже вела тропинка.

Зорко глянул вопросительно.

Лён нагнулся, сорвал два сухих стебелька.

Грело солнце, трещали кузнечики и горьковато пахло травой "Конская грива".

— Вот смотри: длинный и покороче. Кто будет держать?

— Держи ты, — еле слышно решил Зорко.

— Ты мне доверяешь?

— Конечно, — слегка удивленно сказал Зорко.

— Тогда... вот. Тяни...

Зорко прислонил к плечу голову. Согнутым мизинцем почесал подбородок. Вдохнул и потянул...

— Короткий...

У Лёна колотилось сердце. Он съежил плечи и отошел на несколько шагов. Оглянулся через плечо. Зорко тоже смотрел через плечо. На него, на Лёна.

— Лён...

— Что?

— Там под правой пушкой, под лафетом... площадка с сухими кузнечиками. Я собрал для Тиви... Ты отдай ему...

— Ладно...

— Лён...

— Что?

— Ничего! — Зорко поддернул трусики и побежал к обрыву по тропинке, сильно работая локтями. Там, у края, он вдруг остановился. Почесался ухом о поднятое плечо и прыгнул вниз.

ЧТО СКАЗАЛА СУДЬБА

Это словно не он прыгнул, а сам Лён. Все в Лёне оборвалось, как при жутком падении во сне. И со всех сторон хлынул штормовой гул. Со свистом и режущим звоном. Лён сел на корточки, обхватил голову. А шум сменился пронзительной тишиной. И летел сквозь эту тишину откуда-то из дальней дали тонкий умоляющий крик:

— Лён!.. Помоги!.. Лён!..

Лён метнулся к обрыву.

Зорко висел в метре от кромки, цепляясь за выступающий камень (как бедняга успел развернуться в первый миг падения?).

Беспомощно болтал ногами, извивался. Лицо было запрокинуто.

— Лён...

Лён упал на кромку грудью. Отчаянно потянулся. Вцепился в тонкие Зоркины запястья (и вдруг вспомнил, как они с Зорко вытягивали на памятник Динку).

— Держись... Цепляйся коленом...

Он вытянул Зорко.

Оба лежали, уткнувшись лицами в жесткую траву. Дышали со всхлипами. Наконец Зорко выговорил, не поднимая головы:

— Думаешь, я испугался?

Лён молчал. Потому что так и думал.

— Я... просто я не успел сказать... Я не хотел так сразу... Лён, я знаешь что хотел?

— Что?

— Помнишь, мы придумывали сказку про месяц? Я сочинил конец. Обидно, если никто не узнает. Я тебе сперва расскажу, а потом уж...

— Иди ты со своим месяцем...

— Лён... Я зажмурюсь, а ты меня толкни. Ладно?

— Дурак.

— И зачем мы только встретились? — Это Зорко спросил с такой тоской, что Лён дернулся, как от ожога. И сел.

— Затем, чтобы помешать друг другу! Мы воюем! Ты и я! И наши страны! Мы дали клятву!

— Я понимаю... — Зорко тоже сел. — Но ведь мы же могли и не встретиться. Ну, подумай! Меня могли там оттолкнуть, и я не забрался бы на памятник. Это же вот такой случайный случай! — Он поднял к лицу два сжатых пальца, словно держал букашку.

— Это судьба, — тяжело сказал Лён.

— А если она ошиблась, эта судьба? Тоже споткнулась, как я на площади. Я же просто споткнулся, и тогда меня прижали к памятнику...

"А если и правда?..."

Это было послабление себе. Своей совести. И, наверно, даже отход от гвардейской клятвы. Но... вдруг судьба и правда споткнулась?

— Ты понимаешь, что говоришь? Если мы разойдемся, то каждый принесет противнику громадный вред! Я твоей стороне, ты моей!

— Понимаю... Но, может быть, твой вред безвредит мой... И наоборот... Ведь так бы и было, если бы я там не запнулся!

— А как мы узнаем? — беспомощно спросил Лён.

— Что?

— Ну... что судьба споткнулась случайно?

— Пусть она и подскажет.

— Снова жребий, что ли?

— Конечно!.. Ну, а если она скажет, что нет, тогда уж я прыгну... Правда.

— Никуда ты не прыгнешь! Ты... просто дашь слово, что не пойдешь к своим. И про меня не скажешь никому... Уйдешь куда-нибудь подальше, где не найдут...

— Ага! И всю жизнь быть дезертиром! И эта штука будет сидеть в голове и напоминать! — Он хлопнул себя по лбу.

"Наверно, у него в памяти такая же схема, как у меня. Похожая. Тот же способ зашифровки..."

Лён встал.

— Пошли!

— Куда?

— Жребий должен быть самый точный, не травинки. Чтобы судьба не ошиблась снова.

Старик встретил их на площадке.

— Где это вы, господа, гуляете? В голом виде и

(162) без завтрака... И где вы так исцарапались?

Лён торопливо сказал:

— Дедушка Август, у вас есть бумага и карандаш?

— Что за вопрос! Я все же доктор наук... — Старик вытащил из брючного кармана блокнот для записи поправок хронометра. В блокнот был вложен плоский фломастер.

— Можно листик? — Лён схватил вырванный лист, разорвал на два, на четыре, на восемь квадратов.

— Дедушка Август, напишите на одном "нет", а на другом "да"!

— Зачем это?

— Мы играем, — сказал Зорко. — У нас получился спор, и судьба должна решить: да или нет? А про что — пока тайна...

Он говорил так живо, будто и правда игра.

— Ну играйте, играйте... Только не забудьте к обеду начистить картошки... А теперь отойдите, не подглядывайте.

— Ладно! — почему-то обрадовался Зорко. — А вы скатайте бумажки в шарики. Лён, идем...

Они отошли на пять шагов, встали к старику спиной. А тот сказал через полминуты:

— Готово.

Два бумажных шарика лежали на стариковой ладони.

— Вот. Кто будет тянуть?

— Нет! Не мы... — Лён схватил шарики. — Тиви-тиви-тиви!..

Хохлатый Тиви тут же оказался рядом. Лен сел на корточки.

— Тиви, смотри, две бумажки! Какую клюнешь? Ну?

Тиви, кажется, ощутил важность момента. Постоял с головкой на бок, подумал. Потом нерешительно взял в клюв катышок. И... побегал.

— Эй, стой! — Зорко бросился следом. — Отдай!

Тиви прыгнул на паркет. Дальше случилось непонятное: петушок взлетел, затрепыхался в воздухе, закричал, будто его подстрелили. Снова прыгнул на площадку и побегал к дремлющему Румпелю, словно искал у него защиты. Но тот не увидел никакого врага. Добродушно замахал хвостом.

— Что это с птицей? — удивился старик.

— Бумажку уронил! Теперь не найти! — чуть не заплакал Зорко.

— Разве это беда? Разверни другую. Если на ней "да", значит, на той было "нет". Или наоборот...

— Ой, правда! Лён... разверни...

— Стойте! Вы меня не дослушали! — Старик Август сжал бумажку в кулаке. — Имейте в виду! Выигравшим считается тот билетик, который вы развернете. А тот, что потерял Тиви — проиграл. Что упало, то пропало. Такое у этого жребия правило, я его помню с детства.

Лён посмотрел на Зорко: "Согласен?" Тот зажмурился и кивнул.

Лён непослушными пальцами сжал бумажный комочек.

Твердыми синими буквами судьба признала свою ошибку: "Да".

СУБМАРИНА

День прошел как обычно. Только молчаливее. Зорко сортировал раковины (зачем они ему?). Потом вдруг бросил с обрыва большую раковину "Камин". Лён рассеянно играл с Тиви. Петушок подбирался и норовил клюнуть большую веснушку на запыстье. Лён притворялся дремлющим, а потом подскакивал:

— Вот я тебя!

Тиви взъерошенно подлетал и удирал. Но все это было без веселья, механически. Забегала ненадолго Динка. Поглядела на Зорко, на Лёна.

— Вы поссорились, что-ли?

— Просто на солнце перегрелись, — буркнул Лён.

— А я Ермилку потеряла. Вторые сутки его нет на прудах. Неизвестно, где свищет, обормот такой...

Неужели она думает, что Лён и Зорко вправду верят в мальчишку-невидимку? А может, так заигралась, что сама верит в свою выдумку?

— Чтобы, когда приду снова, оба были веселые! Понятно?

— Так точно, ваше превосходительство, — вздохнул Лён. Завтра не будет здесь ни его, ни Зорко. Оба должны уйти вечером.

Лён ушел первым. Рано еще было, но не хватало уже сил тянуть время. Старик Лён ничего не сказал. А Зорко...

Тот сидел на парапете и смотрел в море. Лён говорил ему в спину:

— Зорко, прощай.

У Зорко под зеленым широким воротником шевельнулись лопатки. Он спросил не оборачиваясь:

— Мы ведь больше не увидимся в жизни, да?

— Да...

— Ну, прощай, — полусшепотом сказал Зорко. Так и не оглянувшись.

Лён до темноты болтался по улицам, по Приморскому бульвару, где играл оркестр и трещали фейерверки. Ближе к назначенному сроку пришел в район Старых причалов. Старая Катерная пристань была в их ряду, к ней сквозь чащу тамариска вела кривая лестница. Над ней желтый фонарь.

Когда-то здесь швартовались каботажные парусные шхуны. С той поры остались на берегу врытые вверх жерлами старинные пушки — вместо причальных тумб. Лён в сумраке отыскал глазами ту, которая нужна. И стал ждать. Было пусто. По берегам бухты громоздились ярусы огней, в воде плескались их отражения, но здесь был кусочек иного мира. Пахло гнилыми сваями и просоленными старыми бочками.

Городские часы разнесли над водой и берегами двойной полчасовой сигнал. Он был слышен во всем Льчевске. И сразу у пушки возникла закутанная сгорбленная фигура. Или пристанской сторож, или...

Лён, посвистывая, пошел мимо этой фигуры — от лестницы к настилу пристани.

И человек негромко окликнул его:

— Сублейтенант Бельский?

Лён замер. Спросил не оглянувшись:

— Разве я уже сублейтенант?

— Да, если вы Бельский Леонтий Альберт...

— По-моему, я еще не сделал того, за что обещаю звание.

— Уверен, что теперь уже ничто не мешает вам сделать это. Вы почти у цели. Прошу следовать за мной.

Закутанный человек нарочито сутулился, но голос был молодым. Лён послушно двинулся за проводником. Прогнившие доски настила хлопнули по воде. Проводник выпрямился, откинул капюшон. Лица все равно не было видно, однако блик от дальнего фонаря блеснул на лаковом козырьке и золотом шнуре фуражки. Офицер.

— Виноват... Честь имею представиться: импер-

ского флота лейтенант гвардейского экипажа Кронин. Лён в ответ сдвинул сбитые каблуки и наклонил голову.

У причала подрагивала на мелкой зыби почти неразличимая надувная лодка.

— Прошу садиться...

— Благодарю, лейтенант... — Раз оба офицеры, можно не добавлять "господин".

Лодка закачалась. Лён взмахнул руками, быстро сел. Спросил, чтобы загладить неуклюжесть:

— Долго будем идти? — Он помнил, что моряки не говорят "плыть".

— Сорок минут, сублейтенант. Возьмите плащ, на воде прохладно.

— Благодарю.

Что ни говорите, а приятная вещь — офицерский этикет. "Честь имею представиться... Прошу следовать..." Да, офицеры — соль земли, аристократы духа. Это всегда внушали юным гвардейцам школьные наставники. И были, конечно, правы. Жаль, что в этом благородном обществе Лёну оставалось быть недолго.

Или уже не жаль?

Жалей, не жалей — выхода нет.

Если не станут задерживать, уйдет сразу, как передаст записку. Если сразу не получится — тогда при первой возможности. Возвращаться в школу нет смысла. Репорт он отправит по почте.

"Настоящим доношу, что..." Нет, не так, надо офицерски: "Честь имею доложить, господин генерал, что больше не считаю возможным находиться в составе вверенной Вам гвардейской школы. Вынужден отказаться от звания сублейтенанта и чести носить обещанный Вами кортик. Смею обратиться с единственной просьбой: сообщите воспитанникам школы, что мое исключение было лишь инсценировкой, вызванной условиями особого задания... Честь имею, господин генерал..."

"А имеешь ли ты честь? Ты отпустил врага, который оказался у тебя на дороге..."

"Потому что я не убийца! Мы оба поступили честно, предоставили жребий судьбе..."

"Это потом. А сперва был другой жребий! Вот тогда-то в самом деле все было честно, по-солдатски... Если бы короткий стebelек выпал тебе, ты прыгнул бы со скалы?"

"Я... наверно, да. Куда деваться-то..."

"А тот струсил".

"Он маленький..."

"Он солдат".

"Он... не так уж и струсил. Он потом прыгнул бы, если бы мы не решили спросить судьбу".

"Чушь это! Такая судьба — индейка... Вернее, глупая водяная курочка. Первый раз — там была настоящая судьба. Ты не должен был спасать Зорко".

"Сидеть и слушать, как он зовет?.. Значит, я убил бы его".

"А клятва? А воинский долг?"

"А Зорко... Я полюбил его, как брата. А старик говорил, что Бог — это любовь. И в древних книгах написано так же..."

"Ну и что?"

"Разве можно убивать Бога? Пускай даже из-за воинского долга..."

"А империя? К н е й у тебя нет любви?"

Лён прислушался к себе. Есть любовь к Империи?.. Что такое вообще И м п е р и я? Бронзовые драконы на знаменах? Высокий, в полный рост, портрет Его величества в парадном зале? Книги о подвигах сла-

ных полководцев? Щемящий душу марш офицерского полка "Черные кавалергарды"?.. Да, это он любил. По правде...

"Но я не знаю, что важнее? Любовь к империи или любовь к брату?"

"Тогда... ты не гвардеец".

"Вот поэтому я и уйду из школы. Сделаю, что должен — и уйду. Так мне и надо..."

Лодка подпрыгивала на маленьких гребешках, тихо урчал мотор. Береговые огни бежали назад и становились все реже. По берегам громоздились темные склады и цистерны, мерцали на рельсовых стрелках синие фонарики. Лейтенант вел суденышко в какую-то глухую бухту. Лён кутался в его плащ и думал, думал...

И вздрогнул — резиновый нос уткнулся в плавучий бак. Похоже, что из воды торчала железная бочка с откинутой крышкой.

— Прошу, сублейтенант...

Оказалось — не бочка, а люк полупогруженной маленькой субмарины...

Внутри было уютно, только непривычно пахло чем-то вроде нитроклея.

Лейтенант и пожилой старшина в берете усадили Лёна в узкое кресло, в закутке между изогнутыми разноцветными трубами. Дали термос с горячим какао. Хлопнула крышка, мелко задрожала переборка.

"Кажется, погружаемся", — подумал Лён. И вдруг вспомнил сказку про месяц. Как он, этот месяц, погружается в океан и плывет под водой к другому берегу, чтобы там опять выбраться в небо.

Плывет, как эта маленькая субмарина...

Интересно, какого она цвета? Может быть, желтая, как месяц? Есть модная песенка про желтую субмарину. У Лёна завертелась в голове мелодия.

В школе такие песенки не одобрялись, начальство считало, что воспитанникам полезнее марши и торжественные увертюры. Но все же нынешняя музыка в школу просачивалась. Ведь не отберешь у всех подряд транзисторы и плееры...

Если вспомнить по правде, вовсе не было в гвардейской школе стопроцентной уставной чинности. А было всякое: и анекдоты, от которых с непривычки полыхали уши; и самовольные отлучки старших курсантов к девицам; и тайное приставание больших воспитанников к маленьким; и ночные пиршества в спальнях, когда крепко спит подвыпивший дежурный унтер... Просто все это забывалось, когда под торжественный бой барабанов выплывали на правый фланг знамена. Все в тот миг казалось неважным, кроме одного: готовности к героизму...

Лёна качнуло — субмарина замедлила ход. Замерла. Затем — урчание воды в шлюзе, мигание плафона, толчок воздуха из открывшегося люка...

— Прошу, сублейтенант... Оставьте плащ в кресле...

Бетонная камера, ведущий вверх коридор. Еще коридоры. Все светлее и шире. Ковровая дорожка... Овальная дверь...

ТУННЕЛИ

Зорко ушел крадучись. Когда солнце было у горизонта.

До товарной станции он добрался на автобусе. На стрелках уже горели огни.

Знакомый путь — рельсы, вагонные колеса, камни, колючки...

Когда ему еще там, в интернатском городке, объ-

ясняли эти сложности — как добраться, отыскать подвал, дожидаться, когда появится капсула с запиской — Зорко спросил с удивлением:

— А зачем все так... будто в шпионском кино? Прямо игра какая-то...

Лысый добродушный инструктор, который заведовал креслом и шлемом ЭГШ, с удовольствием согласился:

— Именно как в фильме. Именно как игра, ты отлично это подметил. Лишь такой способ не придет в голову противнику. Если кто-то что-то заметит, решит: мальчик просто играет. Все другие каналы связи — под угрозой перехвата...

— А когда вернусь, меня точно поселят в Гарвиче?

— Мальчик, мы же договорились! Если не хочешь в лицей или военную школу, выберем тебе семью с приемными родителями. Они будут любить тебя как родного...

— И пусть будет брат или сестра. Лучше брат, старший...

— Как скажешь.

Хорошо, когда есть старший брат. Заступник. Был бы он здесь, в интернатском городке, никто бы не дразнился, не приставал...

Но брата не было. И жизнь была несладкая. Он часто плакал, вспоминая родителей, а плакс в интернате не любили... Потом, правда, научился он притворяться...

Только на школьных занятиях он отводил душу: на уроках прикладной стереометрии и в компьютерном классе. Изображения фантастических пространств (Зорко называл их "многоглубинные") послушно изменялись и перестраивались даже не от нажатия клавиш, а просто по мысленному приказу.

Конечно, это заметили. Директорша ахала: "Какой своеобразный ребенок!" А однажды...

Сперва сказали: надо съездить в поликлинику, проверить внутричерепное давление. "Ты ведь жаловался, что плохо спишь..." А там этот лысый, веселый. Звали его просто и односложно: Майкл...

Зорко все понял очень быстро. Да он готов помочь славной повстанческой армии йоссов. Да он понимает, что борьба за свободу — великое дело. Борьба с теми гадами, из-за которых погибли мама и папа...

— Не думайте, что я такой уж плакса! Если надо, я выдержу! Я могу пять секунд продержаться ладонь над свечкой, на спор...

— Ты храбрый мальчик, Зорито. Недаром ты сын поэта Зора Данко Коржича, подарившего йоссам такую славную песню:

Мы веками решаем с врагами наш спор,
Ничего не дороже свободы и гор...

Зорко проглотил гордую слезинку.

— Но ты должен запомнить, Радослав Зор Коржич: теперь ты не просто мальчик. Ты повстанец. Ты выполняешь важнейшее задание... Ты готов дать клятву?

— Да, господин Майкл! — Зорко показалось на миг, что на нем не казенные интернатские брюки и курточка, а шитая серебром форма легендарных горских волонтеров.

— Тогда подпиши эту бумагу...

В этот раз Зорко не боялся крыс. Вернее, просто не думал о них. Он думал о городке Гарвиче, где однажды он был с мамой и папой. Городок был старинный. Крутые арки каменных мостов над ущельями,

древние церкви, тяжелые башни и зубцы желтой крепости, черепичные острые крыши... Ленивые кошки, спящие прямо на брусчатых мостовых. Сказка и покой...

Гарвич лежал высоко в горах. Имперская пехота и танки никогда не доберутся туда. На горных дорогах — заслоны йосских отрядов. Йоссы — прирожденные лыжники и стрелки. Об этом есть тысячелетние легенды. Еще никто не мог завоевать йоссов...

А бомбить Гарвич имперские самолеты не посмеют — в городке мирные жители, будет международный скандал. Хотя... даже интернатский городок один раз обстреляли ракетами. Потом говорили — по ошибке. Приняли, мол, за йосскую военную базу. Зорко тогда держался молодцом, а его обидчики верещали и отпихивали друг друга от тесной двери в убежище.

"Да не ври, не был ты молодцом. Тоже чуть не напугил в штаны..."

"Но все же не пищал и не лез вперед..."

А Гарвич, может, и не тронут. По крайней мере хотелось так думать. И казалось Зорко, что там притихнет его тоска. Особенно, если найдутся добрые люди и возьмут в свой дом... Особенно, если будет брат... Особенно, если такой, как Лён...

Не надо про Лёна. Сразу слезы к горлу...

Но вес же хорошо, что они расстались не врагами.

Но и не друзьями.

И главное — расстались. Навсегда...

Зорко всхлипнул и полоснул во воде снятыми сандалиями — скользкая гадина коснулась ноги. В свете фонарика блестящее крысиное тело метнулось зигзагом. Все равно не страшно...

Вот и труба с вентилем. Было написано, что здесь надо ждать...

— А вы слегка задержались, Радослав Зор Коржич. Мы уже стали тревожиться. Ну, ничего...

При первом слове Зорко вскрикнул от неожиданности. Человек — в сером камуфляже и почему-то в такой же пятнистой маске — выступил из темноты.

— Не бойтесь. Маска — это дань инструкции. Пошли...

Зорко вышел из воды на гранитные ступени. Дальше была узкая дверь, полутемный коридор. Он ушел во мрак. На полу — узкие рельсы. На рельсах — круглый вагончик со светящимися окошками. Откинута изогнутая дверца.

— Садитесь, Зор...

И помчались. По каким-то туннелям. Возможно, по катакомбам, вырытым в толще Полуострова еще в древности.

Затем — остановка. Вышли из вагончика и снова двинулись по коридорам. И наконец — серая комната, офицеры, кресло, шлем...

Очень хотелось спать.

КОНЕЦ ПУТИ

В низкой комнате был очень свежий воздух. Пахло даже луговой травой. Но окон не было — стены затянуты серой замшей от пола до потолка. На одной стене — громадная карта Империи и пограничных областей.

На фоне карты стоял обширный письменный стол. За столом сидел человек в пятнистом комбинезоне, с полевыми генеральскими погонами без звезд.

Когда Лён и лейтенант вошли, генерал стал подниматься из-за стола. Он был очень высок и поднимался медленно, словно распрямлялась громадная складная линейка.

Прическа у генерала была гладкая, с пробором, как у старика Августа. Но лицо — непохожее. Длинное, с мясистым носом и чуть оттопыренной губой.

Лейтенант тихо вышел.

Генерал выбрался из-за стола и по-журавлиному прошел к Лёну. Заговорил неожиданно высоким голосом:

— Сублейтенант Бельский? Душевно рад... — Он протянул длинную, очень узкую ладонь.

Лён встал навтыжку, наклонил голову и протянул свою руку. Генеральская ладонь была теплая и мягкая, как... наверно, как коровий язык. И такая же влажная.

Кажется, этикет требовал что-то сказать.

— Господин генерал, прошу простить, что представляюсь в таком виде.

— Пустяки, друг мой. Вы были вынуждены... Первое, что требовалось бы вам, это ванна, форма и ужин. Однако, обстоятельства... Сначала мы вынуждены были оттягивать это дело, а теперь время не терпит. Вы в силах предоставить информацию немедленно?

— Да, господин генерал.

— Чудесно... Штабс-капитан!

Угол комнаты был отгорожен ширмой, похожей на медицинскую. Из-за нее вышел невысокий пухлый офицер — с носом пуговкой, круглыми щечками, в мундире со складками на животе. Мундир был неизвестной принадлежности, с пуговицами, обтянутыми тканью.

— Слушаю, господин генерал...

— Ну, чего там слушать. Видите, сублейтенант тов...

— Я тоже... — Штабс-капитан одним движением собрал ширму в гармошку. За ней оказалось кресло со шлемом. В точности такое, как т а м. И тумба с телемонитором. Экран был чуть ли не метровый.

— Прошу... — В жесте штабс-капитана было что-то парикмахерское. Лён внутренне поморщился. Но подошел и сел без возражений.

Шлем охватил голову мягкой прохладой (тоже знакомо). Голова сразу как бы разрослась в громадный пустой шар. В этой пустоте зажужжали невидимые щекочущие мухи. И... стали видимыми. Не глазами, а внутренним зрением. Превратились в желтые шарики, между которыми выросли разноцветные линии, эти линии выстроились в знакомую пирамиду, похожую на конструкцию очень сложной молекулы... Шарики один за другим срывались и гасли в пространстве. Так запись уходила в память приемного устройства. Лён бездумно сидел с открытыми глазами. И краем глаза видел экран, где разрастался сложный рисунок, похожий на гребень с зубцами разной длины — напротив другого гребня, который был неподвижен.

Потом гребни соединились — зубцы одного между зубцами другого. Хитрая мозаика заняла весь экран и засветилась какими-то особыми, торжествующими красками. А в голове у Лёна погас последний шарик. Исчезли все линии.

Лён чувствовал великое облегчение. И такую бодность, будто надыхался свежим воздухом после грозы. Пропала всякая усталость — до капли.

— Ну-с? — нетерпеливо сказал генерал штабс-капитану.

Штабс-капитан снял с Лёна шлем и отозвался неторопливо:

— Вы же сами видите, господин генерал. Полное совпадение. То, чего мы ждали, можно сказать, с замиранием души...

— Вы уверены?

— Так точно, господин генерал. Сто процентов. Ну, или, может быть, девяносто девять и девять... Вот тут, на нижнем зубце, крошечный зазор. Скорее всего, просто дефект лучевой трубки, на практике это не играет ни малейшей роли. Я думаю...

В мягком тоне генерала проступило ребристое железо:

— Привилегию думать я на сей раз оставлю себе, штабс-капитан. Вам же следует немедленно доставить сюда... того, второго. Для перепроверки.

— Слушаю, господин генерал. Только он, наверно, уже спит...

— Что?!

— Виноват, господин генерал!

Штабс-капитан мягким прыжком достиг стены-карты. В карте, расчерченной на квадраты, открылась дверь. Штабс-капитан улизнул в нее с проворством, похвальным для его полноты.

Генерал сказал слегка ворчливо:

— Пересядьте в другое кресло, голубчик. Минутная задержка. Хочется, чтобы без малейшей задержки...

— Слушаю, господин генерал.

Лён пересел в кресло у входной двери. Оно было глубокое, податливое. Лён откинулся и глазами отыскал на карте Полуостров. Даже издали был виден неправильный многоугольник Льчевска, расчлененный глубокими бухтами. Где-то там, у кромки открытого моря — островок и крепость. Может быть, сейчас в крепости Динка...

Дверь в карте открылась опять, штабс-капитан шагнул из нее и оглянулся приглашающе:

— Заходи, мое сокровище, не стесняйся...

И в комнате возник... Зорко!

ТАЙНЫ ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА

Зорко округлил рот.

Лёна выбросило из кресла, будто катапульты.

— Зорко!

— Лён!

И оба — во все глаза на генерала. С изумленным вопросом.

— О черт! — генерал вцепился в длинный подбородок. — Штабс-капитан! Какой осел догадался свести их вместе?

— Вы, господин генерал, — учтиво напомнил штабс-капитан. Видимо, он знал себе цену.

— Черт, черт и черт!..

— А собственно, что произошло? — осведомился штабс-капитан.

— Теперь придется давать объяснения...

— Им? Ну и дайте, — усмехнулся штабс-капитан. — Не все ли равно?

— А... да, вы правы... Вот что, друзья мои! — Генерал стоял посреди комнаты. По очереди смотрел на обалдевших Зорко и Лёна. — Значит так, господа... Я понимаю ваше недоумение. Вы полагали, что идете в два разных штаба. Выполняете задание в пользу разных воюющих сторон...

— Конечно! — звонко сказал Зорко.

— Это естественно. И даже в какой-то степени правильно... Однако шли вы в один Генеральный штаб... Подождите с вопросами, я объясню! — Голос генерала окреп. Возможно, ему не впервые приходилось давать такие объяснения.

Штабс-капитан неопределенно улыбался и смотрел на кресло со шлемом.

Генерал продолжал:

— С тех пор, как существует человечество, господа, существуют войны. Можно сказать, что они — такое же проявление стихийных сил, как наводнения, землетрясения, тайфуны. Они были и будут всегда. Но, в отличие от природных явлений, войнами можно управлять. Можно их регулировать и... даже заставить работать на пользу человечеству...

Речь генерала звучала уже с привычной лекционной интонацией. Лён вдруг вспомнил полковника Дана с его приплюснутой головой. И показалось, что они похожи: что голова генерала так же приплюснута, хотя на самом деле она была как огурец.

— ...Именно эту функцию выполняет наш ОГШ — Объединенный Генеральный штаб. Он регулирует взаимодействие противостоящих армий с целью их адекватного... ну, выражаясь проще, чтобы все было в нужных рамках.

— В каких это рамках? — тихо спросил Лён. Он смотрел на Зорко. А Зорко на него.

— В рамках... в таких. Войны — это процесс, необходимый для планеты. Как кровообращение для живого существа. С их помощью можно развивать промышленность, повышать благосостояние тех или других стран, сокращать излишнее население...

Штабс-капитан кашлянул.

Стало тихо.

У Лёна в ушах нарастал комариный писк.

Зорко вдруг опустил глаза. Он стоял, неловко сдвинув колени. И сандалии — носками внутрь. Одной рукой мял кромку коротеньких штанов, другой дергал зеленый матросский галстучек. Этакий наспуленный четвероклассник в кабинете у директора школы.

Лён сказал сквозь звон:

— Господин генерал, разрешите вопрос...

— Разумеется, сублиейтенант.

“Господин генерал, — хотел сказать он, — значит, когда имперские войска, положив тысячи солдат, берут йосский город и вдруг оставляют его... или когда окруженные повстанцы получают по воздуху неизвестно откуда новейшее оружие, или когда они уходят из окружения невредимыми... Или когда начинаются переговоры, а там бомба... это все ваших рук дело?”

Он сказал короче, по-военному:

— Господин генерал. Следовательно, затяжной и перемennyй характер боевых действий — результат планов ОГШ?

— В основном и целом это так. Бывают просчеты, но...

— Господин генерал, можно я тоже спрошу? — вдруг звонко перебил генеральскую речь Зорко, не знавший военного этикета.

— Да, мой мальчик...

— А вот если едет автобус, а по нему стреляют из кустов... гранатами... Это, значит, все равно, да?

— Что все равно?

— Неважно, кто стрелял, да? Все равно по вашему приказу?

— Ну, друг мой... мелкие боевые эпизоды не входят в сферу наших задач. Мы занимаемся стратегией. А там уж — на войне как на войне.

— Но война-то — она ваша? Вы ее главные командиры? — Зорко спрашивал непонятым тоном. Будто даже восхищался.

— В общем и целом... — согласился генерал

Зорко опустил руки. Мельком глянул на Лёна. Вытянул губы дудочкой.

— У-у...

Генерал с терпеливым непониманием смотрел на растрепанного мальчика в парусиновой школьной одежке.

— Что значит твое “у-у”?

— Я думаю, господин генерал.

— О чем же, дитя мое?

Мальчик сказал громко, чисто и честно:

— Я думаю: у-у, какие же вы сволочи.

У генерала дернулся кадык. Но он сдержал себя. Помолчал и кивнул:

— Что же, каждый имеет право на свое мнение. И на такое в том числе. Беда твоя только, что оно несовместимо с... Ну, ладно. Штабс-капитан, мы обойдемся без дополнительной проверки. А этого молодого человека — в камеру.

Штабс-капитан шагнул, мягко взял Зорко за плечо. Тот рванулся, отчаянно глянул на Лёна. Лён качнулся к нему. Но штабс-капитан своим телом, как поршнем, двинул мальчишку в дверь. И сам исчез. Дверь закрылась быстро и бесшумно. Будто и не было двери. Карта — вот и все...

— Жаль, — сказал генерал. — Это был хороший мальчик. Но вы-то, сублиейтенант...

— Что?

— Надеюсь, вы не разделяете детского негодования этого... юного экстремиста?

Сказать, что разделяет, было бы слишком просто.

А комариный писк в ушах опять нарастал.

— Господин генерал, что с ним сделают?

— Ну-у... вы же не ребенок. Вы офицер. И должны понимать, что мы не можем допустить утечки информации.

“Понимаю”, — сказал себе Лён.

— Бывают обстоятельства, когда не обойтись без жертв... Взять, например, ваше путешествие сюда. Эта акция стоила жизни капралу Кроху, расстрелянному по сфабрикованному обвинению, и мальчишке-садовнику, который повесился после шомполов...

Качнуло слегка. “Лён, держись...”

— Господин генерал. А можно узнать, в чем суть информации, которую я доставил в Генеральный штаб?

— Что?.. А! В общем и целом можно. Она связана с наблюдением над озоновыми дырами. Нарушения озонового слоя в атмосфере имеют, оказывается, свои закономерности... Наблюдения проводились с двух точек секретными полевыми обсерваториями с помощью новейших приборов. Результаты наблюдений вы и доставили. Выводы сформулированы и сверены. Они позволяют возникать эти дыры искусственно — над любым городом, над любым скоплением войск. А без озонового слоя — солнце бесшумное и беспощадное оружие...

“Позволят возникать эти дыры...” — не мог не хихикнуть про себя Лён. — Генерал! Небось, академику кончал...”

— Я понял, господин генерал. И про эти дыры, и про остальное.

— Весьма рад. Я так откровенен с вами, потому что вас рекомендовали именно сюда, в штат ОГШ. Как подающего блестящие надежды молодого гвардейца...

— Благодарю, господин генерал.

— Но, по правде говоря, меня смущает одно обстоятельство. Откуда вы знаете... второго гонца?

— Совершенная случайность, господин генерал.

Просто однажды споткнулась судьба...

— Вот как?

— Да, господин генерал.

А теперь помолчать бы хоть четверть минуты. Со-
брать силы. Напрячь каждую клетку... Пирамиду без
помощи шлема уже не восстановить в памяти, но поле,
где она жила столько времени, еще не угасло. То на-
пряженное поле, в котором жужжали электрические
мухи, — у него ведь с памятью компьютера резонанс...
Вот дрогнула, шевельнулась на экране зубчатая мо-
заика. Много ли надо такой тончайшей схеме... Пред-
ставь, Лен, что пространство затвердело, сжалось, как
сошедшиеся айсберги, крушит каркас пирамиды... там,
в невидимых микросхемах приемника... Ну, еще...

Стала мокрой спина, затошнило... Это ничего... Лён
вдавил ногти в ладони, задержал дыхание... Мозаика
на экране дрогнула сильнее.

Нет, она не исчезла. Она только сдвинулась, меж-
ду разноцветными зубцами возникли черные щели.
Краски потускнели. Теперь это была мертвая
картина. Выключи монитор, а потом включи опять —
и экран окажется пуст...

... — А-а-а! — Это из открывшейся двери кинулся
к монитору штабс-капитан. — Господин генерал, он
же стер запись!

— Что?! Как?! — Генерал начал сутулиться и блед-
неть. — Штабс-капитан... Немедленно... встряхни из
этого щенка все снова!

Штабс-капитан стремительно успокоился. В голо-
се его Лёну почудилось даже тайное злорадство:

— Невозможно, господин генерал. В нем те-
перь этого тоже нет.

— Мерзавцы!.. Спустить шкуру!

Штабс-капитан сказал слегка развязно:

— Какой смысл, господин генерал? Лишняя воз-
ня... Вы не должны были откровенничать с мальчиш-
кой.

— Ма-алчать!

— Виноват, господин генерал... Прикажете связать-
ся с полевыми станциями?

— Они разбомблены, идиот! Это был единствен-
ный шанс, болван!

— Виноват, господин генерал...

Лён за всем этим наблюдал с усталой безмятеж-
ностью. С пониманием, что последнее в жизни дело
он сделал как надо. Голова все еще кружилась. Но
Лён все же доставил себе удовольствие:

— Ведите себя, как подобает высшему офицеру,
мой генерал. Надо уметь достойно принимать пора-
жение.

— Убью, — тихо сказал генерал.

Лён пожал плечами.

— Это само собой. Только без зверства, ладно? Я
все же офицер...

— Сволочь ты, а не офицер, — горестно сообщил
генерал.

— Каждый имеет право на свое мнение, — обра-
дованно вспомнил Лён. — В том числе и на такое. Но
Зорко успел раньше... — И вдруг отчаянно затоско-
вал про маленькому Зорито. Хоть бы секунду по-
смотреть еще на него! Последний раз.

— Убрать, — с чувством зубной боли велел ге-
нерал.

Штабс-капитан кивком указал Лёну на дверь.

Лён пошел. На генерала не взглянул. Ничего уже
не хотелось. Скорее бы...

Они оказались в узком сером коридоре. Штабс-ка-
питан пропустил Лёна вперед и официально произ-
нес:

— Руки назад.

— Идите в задницу, штабс-капитан, — устало ска-

зал Лён. И на ходу сунул руки в карманы. Дальше шли
молча. Коридор петлял и был бесконечным. Слева
светились лампочки. Справа, на бетонной стене, Лён
видел свою нескладную длинноногую тень. У тени
была взъерошенная голова и тонкая шея...

— А ты мне нравишься, — вдруг признался штабс-
капитан.

— Неужели?

— Нет, правда. Жаль, что ничего не могу для тебя
сделать.

Надежда тряхнула Лёна как озноб.

— Можете!

— Отпустить, что ли? Увы... У меня невеста, за-
чем ей жених, продырявленный как терка.

— Я не про то! Я... Можно мне к Зорко? Ну, к тому
мальчику! Чтобы мы вместе! Штабс-капитан! Ну, вы
же все-таки человек!..

— Да это пожалуйста! Туда и шагаем... У нас для
такого дела одно помещение на всех.

КАМЕРА

Дверь бесшумно откатилась на роликах. Лён шаг-
нул через высокий порог. Зорко на корточках сидел в
углу. Поднял голову. Округлил рот. Бросился, прижал-
ся лицом к плечу. Лён ладонью накрыл спутанную пак-
лю Зоркиных волос.

— Ну ладно... не реви.

— Я... не реву...

Лён поверх Зоркиной головы оглядел камеру. Она
была железная. Клепаный пол. Стены и потолок — из
плит, похожих на дольки шоколада, только громад-
ные. Ярко светил плафон, похожий на иллюминатор
с матовым стеклом. Было пусто, лишь в углу — голая
двухъярусная койка.

Зорко всхлипывал.

— Я сказал — не реви.

Зорко потерся лицом о безрукавку Лёна — вытер
глаза и нос. Отодвинулся. Еще раз вытер лицо — ру-
кавом с полосатым манжетом. Улыбнулся:

— Лён, вдвоем все-таки лучше, верно?

— Да...

— Лён, а этот длинный... он не сказал, про что было
наше задание?

— Насчет искусственных озоновых дыр. Чтобы
сжигать людей в намеченных районах...

— Вот гадство-то, — тихо выговорил Зорко. —
Выходит, мы виноваты...

— Зорито, я стер запись. Успел... Начисто.

— Правда?! Ура! — Зорко возликовал, будто не в
стальной камере, а на детской площадке. Но тут же
осунулся. Отошел, опустил руки. Грязная белая гол-
ландка была выпущена поверх штанов — казалось,
Зорко в платице. Или в куцей ночной рубашонке. На
ногах черные разводы — наверно, в подвальной воде
была нефть.

— Теперь-то нас точно в живых не оставят, — впол-
голоса сказал Зорко.

Лён не нашел, что возразить.

Зорко медленно пошел к койке. Сел там, прива-
лившись к спинке — одна нога спущена, другая ко-
ленкой подтянута к подбородку. Он был похож теперь
на мальчишка с флага города Льчевска. Только не было
трубы, чтобы звонким сигналом позвать на помощь.

Да и труби — не труби, никто не придет.

Никто не спасет.

Лён сел у другой спинки. Задребезжала голая кро-
ватная сетка. Он снова обвел глазами камеру. Кругом
только плоское железо. Непонятно, чего боялся

штабс-капитан, когда перед дверью спросил, есть ли у Лёна спички, и охлопал его карманы.

— Бойтесь поджога? — хмыкнул Лён.

— Просто выполняю инструкцию. Рядом склады боеприпасов. Мины и детонаторы...

Сейчас Лён сказал Зорко:

— Дураки они тут все.

— Почему? — Зорко живо придвинулся.

— Так...

— А по-моему, не дураки! — строптиво отозвался Зорко. — Они хитро все это придумали.

— Что?

— Ну, штаб этот...

— Только непонятно — зачем?

— Непонятно? — удивился Зорко. — Наоборот!

Теперь все ясно! Они же — генералы! Все! И эти, и тот, который Майкл! Только он притворялся!

Лён не понял, кто такой Майкл. Не все ли равно!

— Ну и что? — сказал он.

— А то, что им так удобнее! Войны по плану, по заказу! Чтобы каждому хватило побед и наград... Генералы же не могут без войны! А их вон сколько развелось! Прямо как в театре!

— В каком?

— Ну, помнишь, на площади, где мы повстречались? Три генерала на двух солдат...

— А-а... — Лён вспомнил. Только казалось, что было это давным-давно.

А Зорко, увлекшись, развил свою догадку:

— Лён, ты подумай: что за генерал, если он не воевал ни разу? На него же будут смотреть, как... ну, как на водолаза, который нырял только в ванне...

— Или как на пожарного, который тушил только окурки, — согласился Лён.

— Или как на летчика, который летал только с кровати на пол, — хихикнул Зорко.

— Или как на музыканта, который играл только на глейере...

Так они минуты две упражнялись в остроумии, оживляясь все больше.

— Или... — пошел Зорко в очередной заход. И мигнул. И сказал уже другим голосом: — Как ты думаешь, скоро нас убьют?

“Не говори глупости!” — хотел прикрикнуть Лён. И подавился мгновенным страхом. Впервые за все время стало так страшно.

Но если Зорко страшно т а к ж е, тогда... как он это терпит, малыш?

И Лён сжал в себе подкатившую к горлу жуть. Закашлялся.

А Зорко прошептал сокрушенно:

— Глупый я... Нельзя было выдавать себя. Если бы не обругал генерала, может, нас сюда и не посадили бы...

Чего теперь было каяться: если бы да бы... Лён усмехнулся:

— Потому что ты не умеешь хитрить... Ты и Динке тогда так неуклюже соврал. Будто украл свою одежду на пляже... Ты на такое не способен. Не крал ведь?

— Не-а... Мне ее дали, когда послали в Льчевск.

— Никакой ты не лисенок, не проныра... И правильно, что твое “Зорито” с одним “р”...

— Какая разница...

— Разница. Это слово означает не “лисий детеныш”, и “дикий голубь”.

— Правда?

— Правда. Я читал по-испански сказку про голубей...

(169)

— Ну и ладно... — вздохнул Зорко.

— Я тоже думаю, что “ну и ладно”. Это не хуже, чем лисенок. Может, даже лучше...

Зорко обнял себя за плечи и прошептал:

— Теперь-то не все ли равно? Теперь уж... наверно, не долго...

— Перестань. Может, еще выкрутимся... Давай лучше вспоминать что-нибудь хорошее.

— Что?

— Ну, крепость, старика Августа... Динку... Ведь славные были дни, верно?

— Славные, — через силу улыбнулся Зорко.

— Если вырвемся, обязательно вернемся туда. И будем жить там всегда... И пойдём учиться в ту школу, где Динка...

— И она будет проверять наши уроки. И ругать за двойки...

— А в случае чего — как Ермилку... — напомнил Лён. И тоже заставил себя улыбнуться.

— Ага... — Зорко опять стремительно потускнел.

— Лён, только мы не вырвемся...

— Ну, Зорко... может, повезет.

— Не-а... Лён, они все равно убили бы нас обоих. Даже если бы мы себя не выдали. Им не нужны свидетели. Теперь-то я понимаю... А ты?

А он... он тоже понимал. Но признать это так сразу... Задавить в себе последнюю надежду?

Возразить Лён не успел. Сладковатый, странно знакомый запах тонко просочился в дыхание. Лён испуганно вытолкнул воздух из легких. Зорко, наоборот, задышал сильнее. Испуганно.

— Лён, что это?

— Газ, — угрюмо сказал Лён.

О ПОЛЬЗЕ СОБИРАНИЯ РАКОВИН

Запах пока был не очень сильный. Но неумолимый. Сочился газ из маленьких круглых дыр у самого пола.

“Гады. Лучше бы застрелили”, — подумал Лён. И еще подумал, что жить осталось несколько минут. И эта жизнь сузилась до размеров железного куба. Весь мир сжался в этом кубе. И в мире остался только Зорко.

Лён придвинул Зорко к себе. Шепнул:

— Может, они передумают. Попугают и отключат газ...

— Не надо, Лён, — шепотом сказал Зорко. И обмяк. Щекой лег Лёну на плечо. Его волосы защекотали Лёну ухо. Но он не пошевелился.

Тем же шепотом Зорко спросил:

— А Дорога, на которой все встречаются... Может, она есть по правде?

“Скоро узнаем”, — чуть не брякнул Лён. И обмер от прихлынувшего жуткого понимания: ведь и в самом деле — скоро узнаем! Почти сейчас... Ужас опять бесшумно взорвался в нем. И Лён вновь скрутил его — с последней отчаянной силой.

— Конечно, она есть, Зорито...

— Нет, ты меня не утешай. Скажи честно: ты правда так думаешь?

Лён не стал хитрить второй раз:

— Никто не знает точно... Но я думаю, что правда.

Это ведь от нас зависит...

— Почему?

— Если очень сильно верить, то, наверно, так и будет...

— Хорошо бы... Интересно, какая она?

— Может быть, у каждого своя. Кто какую пред- ставляет.

— Я... знаешь, какую представляю? Всю в траве. У нас недалеко от дома, за оврагом была такая. Раньше там ездили машины, а потом она заросла. По ней идешь, идешь, а в колеях колокольчики. Высокие такие... Только там кое-где крапива. Но можно ведь обойти...

— А обходить-то нельзя. Не полагается, — строго сказал Лён. — С дороги не сходят...

— Ладно, можно потерпеть, это не главное... И все же там будет обидно. Идешь, идешь, а все равно обидно...

— Почему?

— Ну, никто же не знает, как а к о й здесь штаб, — с тихой горечью выговорил Зорко. — Мы... уйдем, а они будут все это продолжать. Вот если бы мы могли кому-нибудь сказать! Хоть словечко... А то ведь никто не понимает... Думают, что сражаются за справедливость, а на самом деле, как пешки...

“Так уж никто и не понимает!” — мелькнуло у Лёна. Зорко словно услышал его:

— А те, кто догадываются, считают, что так и надо... — И всхлипнул. То ли от обиды, то ли от страха. Лён придвинул его к себе покрепче. Зорко благодарно притих. И вдруг закашлялся. Наверно, невидимый газ взметнулся языком и попал ему в горло.

— Зорко, давай наверх! Там газа еще нет, он тяжелый!

Они забрались на верхний этаж койки. Зорко сел там на корточки, но опять закашлялся и быстро встал. Головой ударился о железный потолок. Взялся за темя, присел снова. Кашлял и глотал слезы.

Лён опустился на корточки рядом с Зорко.

— Сильно ударился?

Зорко вдруг улыбнулся, блестя слезинками:

— Искры из глаз...

— Если бы хоть одна искра! — рванулась из Лёна безнадёжная мысль.

— Зачем?

— Мы сейчас были бы уже на дороге! А от штаба — один дым!

— Почему?! — Зорко убрал руки с темени.

— Это же какой газ! Тот самый, что в кухонных плитках! Слышал, как летят на воздух дома, когда кто-нибудь забудет закрыть на плите кран, а потом чиркнет?.. А как разнесло два поезда в Тальской долине, когда там скопился газ из лопнувшей магистрали!

Зорко дышал часто, но уже без слез.

— Лён... Если эта камера взлетит, разве штаб пострадает? Мы же глубоко...

— Тут везде склады боеприпасов. Ты знаешь, что такое детонация? Ты думаешь, они зря обыскивали, нет ли спичек?.. Тебя обыскали?

— Да... и отобрали. У меня был коробок. С той поры, когда мы под крепостью лазали с фонарем...

Зорко вдруг затвердел, отодвинулся. И Лён испугался, хотя, казалось бы, чего пугаться т е п е р ь ? А! Он испугался, что Зорко в эти последние минуты вдруг обиделся на него. Почему?

— Зорко!

— Лён...

— Что?

— Лён... — Зорко завозился, извернулся, сунул руку в тесный кармашек на бедре, выдернул из него вместе с подкладкой сжатый кулак. — Лён, они не все отобрали... Вот!

На распахнувшейся Зоркиной ладони лежала надломленная спичка.

— Я ей выковыривал остатки моллюска из ракуш-

ки. Потом сунул в карман. Она запряталась в шов... Видишь, все-таки полезное дело — собирать ракуш-

— Зорко... но коробка-то нет.

— Смотри, какая головка! Зеленая! Такие можно чиркать хоть обо что! О подошву!.. — И вдруг Зорко толчком снова прижался к Лёну.

Потому что теперь э т о приблизилось вплотную. Смерть уже не подкрадывалась сладковато-едким запахом, а обещала стать пламенной и гремящей.

— Зато сразу, — сказал Лён. — Не надо кашлять и задыхаться.

— Ага... И главное, что не зря. До сих пор было все зря, а теперь... не будет этого гадючьего гнезда, не будет и войны. Да?

— Да, — сказал Лён. — Ты не бойся. Ты теперь ничего не бойся.

— Ладно... А ты, значит, думаешь, что дорога есть?

— Да. Я правда так думаю.

— И мы ведь пойдем вместе?

— Конечно.

— Лён, ты возьми спичку. Чиркни сам...

Лён взял. А запах газа в этот миг стал сильнее. Гораздо сильнее. Словно напоминал, что пора. Лён зажал дыхание. Зорко же закашлялся снова. И встал, насколько позволял потолок. Чтобы голова опять оказалась выше ядовитого уровня.

Лён тоже встал. Уперся макушкой в гладкое железо.

Зорко торопливо попросил:

— Давай, поживем еще две минуты. Пока совсем не ступитесь. Чтобы уж наверняка.

— Давай...

Они стояли полусогнувшись, и Зорко вновь прижимался к Лёну — плечом к локтю. Лён левой рукой обнял его, а в пальцах правой зажал спичку. Только согнуть ногу — и головкой о стертый каблук...

— Лён, подожди! Еще не сейчас! Не совсем сейчас... — Зорко задышал со всхлипами. — Я не очень боюсь, только... только я хочу рассказать. Успеть... Помнишь, я говорил про конец сказки о месяце? Я расскажу, ладно? А то вдруг там... вдруг будет не до того...

“Или совсем ничего не будет”.

— Рассказывай, Зорито. Несколько минут еще есть...

Не было этих минут. Щипало глаза, газ все гуще входил в легкие, кружилась голова.

Зорко что-то говорил — торопливо и сбивчиво, словно его сказка могла принести спасение.

— Да, Зорко, я слышу...

“Пусть говорит. Спичкой о подошву — и он не успеет испугаться...”

Лён головой покрепче уперся в потолок. Согнул ногу... И чуть не упал. Опора сверху исчезла. Лён шатнулся, выпрямился. Голова ушла в пустоту — в люк, возникший на месте железного квадрата.

Спасительный, такой свежий воздух сам ворвался в легкие. Рядом у плеча торопливо и счастливо дышал Зорко.

— Лён, что это?

— Не знаю... — Лён сунул спичку в карман. Край люка был на уровне груди (а невысокому Зорко — до подбородка). Лён ухватился за кромку, бросил себя вверх, упал на колени. За руки дернул легонького Зорко, тот брякнулся рядом.

Они были в полумраке. Свет из люка падал на мохнатые от ржавчины рельсовые балки. Неподале-

ку искрился фонарик-звездочка. Он шевельнулся, и тонкий голос потребовал:

— Захлопните крышку! А то газ придет и сюда! Скорее!

ТОТ, В КОГО НЕ ВЕРИЛИ

Слова эти прозвучали, как приказ. К тому же, разумный. Лен разглядел откинутую крышку люка с шарнирами, Зорко тоже. Они вцепились в железную кромку, и она поднялась неожиданно легко — наверно, работали скрытые пружины. А потом крышка упала на люк, но не грохнула; чавкнула резиновыми прокладками.

А фонарик сделался ярче. Он приблизился. И стало видно, что он висит в пустоте. В полуметре от пола.

— Ты кто? — обалдело сказал Лен.

— Ты где?! — очень звонко спросил Зорко.

— Я здесь. Я Ермилка. Динка вам про меня говорила!

— Разве... ты есть по правде? — совсем по-младенчески изумился Зорко. Слово увидел фокус в цирке, а не спасся только что от гибели. Да и спасся ли?

— Как видишь! Ой, то есть как не видишь. Но это не важно. Главное, что я вас отыскал.

“Может, сон?” — подумал Лён. И спросил, глядя выше фонарика:

— А зачем ты нас искал, Ермилка?

— Потому что Динка боится: куда вы пропали! Вечером пришла на бастион и деда тербит: “Где Лён, где Зорко?” А он ничего не знает. Она в слезы: “Сперва Ермилка пропал, потом они”. То есть вы... А я не пропал, просто прятался, ради игры. Я подкрался и говорю: “Не Динка ты, а Зинка. Потому что не “Дож...”, а “Сле...” И побегал. Я догадался, где вы...”

— Как догадался? — воскликнул Зорко с прежним изумлением. Смерть отступила, и он уже не верил в нее:

— Ну... подумал и сообразил. Я давно знаю эти места, я не раз тут бывал. Невидимки, они же везде спуют. И очень быстро... Я тут знаю такие проходы, про которые даже здешние люди не знают. Не догонят, не бойтесь... А почему они хотели вас отравить?

Лён зажмурился и протянул руку. И нащупал голое мальчишье плечо, потом щеку, ухо, кудлатые волосы. Задержал на волосах ладонь.

— Ермилка, спасибо тебе...

— Да чего там “спасибо”, я вас легко отыскал!.. Но почему они хотели вас убить? — В голосе Ермилки зазвенело нетерпение.

— А они правда нас не догонят? — запоздало испугался Зорко.

— Нет же! А почему...

— Хочешь знать, почему они такие? — сказал Лён. И вдруг понял, что сейчас заплачет. — Мы узнали про них столько всего... сразу и не расскажешь... Они — это все равно, что фабрика смерти. Чтобы люди всегда убивали друг друга... Понимаешь?

— Не-а... — сказал невидимка. — А зачем?

— Потому что они не могут без войны! И все, кто убиты на этой войне — из-за них! С обеих сторон!

Лён вдруг понял, что кричит. И что все еще держит ладонь на голове Ермилки и машинально сжал его волосы в горсть. Голова невидимки дернулась и освободилась. И стало тихо (только в дыхании Зорко были всхлипы, так легкие освобождались от остатков газа).

А воздух уже не казался свежим, как недавно. В нем стоял запах ржавчины и сырых камней.

Ермилка выключил фонарик и шепотом сказал в темноте:

— А если ни с какой стороны? То есть непонятно с какой... Тоже виноваты они?

— Ты про что? — так же тихо спросил Лён.

— Про теплоход “Константин”...

— Конечно, — сказал Лён.

— Мы хотели их взорвать, — выдохнул во мраке Зорко. — Мы уже совсем... потому что было все равно... А теперь мы должны выбраться и всем рассказать. Ты покажешь выход?

Маленький невидимка молчал.

— Ты покажешь выход? — повторил Зоркин вопрос Лён. И стало очень-очень тревожно.

— А как вы хотели их взорвать? — спросил Ермилка. Изменившимся голосом. И будто издалека.

— Спичкой! — Зорко уже совсем оттаял от страха. — Она у меня оказалась в кармане. О подошву чирк — и...

— Какой спичкой? — И вспыхнул фонарик. — Покажите.

— Вот... — Лён достал спичку из кармана.

— Дай мне! — спичка вырвалась из его пальцев и повисла рядом с фонариком.

— Вы уйдете, а я прыгну-туда! И чиркну...

Лён среагировал моментально. Зажмурился и наощупь ухватил Ермилку за локоть и за плечо.

— Рехнулся?! Дурак!..

Ермилка не стал вырываться. Засмеялся. Каким-то механическим смехом.

— Не бойтесь. Невидимки не умирают.

— Я тебе покажу “не умирают”! Сумасшедший!

— Да правда же! Я уже несколько раз пробовал! И в стогу горел и прыгал с подъемного крана в порту...

— Зачем? — шепотом спросил Зорко.

— Ну... так получалось. Это даже почти не больно. Это... — он хихикнул, — не больнее Динкиных шлепков.

— Тебя разнесет на атомы, — уверенно сказал Лён.

— Ну да, — снисходительно согласился мальчик-невидимка. — И тех кто здесь, тоже разнесет. Но их — навсегда, а мои атомы потом опять склеятся. Так уже бывало... Вы не бойтесь.

Зорко неуверенно спросил:

— А долго они будут склеиваться? Твои атомы...

— Не очень... А если бы и долго! У меня знаете сколько времени!

— Сколько? — машинально спросил Лён. И открыл глаза. И был уверен, что сейчас увидит перед собой взъерошенного рыжего пацаненка — Ермилку. Но не было никого — только фонарик. И спичка рядом с ним. Лён опустил руки.

А невидимый Ермилка повторил:

— Сколько у меня времени? У-у... Пока Динка не сделается большая. А когда сделается...

— Тогда что? — нетерпеливо перебил Зорко.

— Тогда я перестану быть невидимкой. И попрошу, чтобы... чтобы она стала моей мамой. — Фонарик помигал, словно вместе с Ермилкой застенялся своего признания.

— Ой! — вдруг весело спохватился Ермилка. — А чиркать-то об чего? Я же босой. Зорко, оставь мне сандали!

Зорко, словно замороженный, снял сандалию. Она прыгала по полу — Ермилка надел ее.

— Великовата. Ну, не беда, затяну ремешок... Теперь идите.

— Куда? — спросил Лён. Он опять был как во сне.

— Прямо по коридору. Это долго... Но в конце будет щель, вы в нее пролезете. А дальше будет доро-

га. Вы по ней идите, а я вас догоню... А если не догону, идите пять километров, до поворота на Приморский тракт, а там уж — куда хотите. А раньше никуда не сворачивайте, иначе будет беда... Возьмите фонарик...

— А ты как без него? — растерянно сказал Лён.

— Ха! Невидимки видят в темноте, как на солнце... Не надо прощаться, это плохая примета. Идите...

Зорко и Лён пошли. В какой-то сумрачной завороченности. Желтый круг света выхватывал перед ними из тьмы бетонные плиты.

Так они двигались минут пять. А может, десять. Или час...

Зорко вдруг остановился, снял вторую сандалию, аккуратно поставил на бетон. Молча шагнул дальше. В этот миг потянуло свежим воздухом. Наверно, из близкого выхода. Лён стал на месте как от толчка. Зорко тоже. Лён посветил назад. Луч выхватил на бетоне одинокую сандалию. Зорко и Лён очнулись. Разом!

— Он же взорвется по правде! Навсегда! — Зорко бросился назад. Лён догнал его. Но пробежали они лишь чуть-чуть. Окружавший их бетон дрогнул, все качнулось. С гулом.

Гул был не сильный. Но такой тугой, словно с орбиты сошел весь земной шар.

Потом плиты сдвинулись, просели, сверху посыпалось. Бетонный потолок приблизился, заставил встать на четвереньки. Фонарик погас и потерялся. Впереди почему-то оказались скрестившиеся балки. Они... они были видны! Потому что из-за них сочился отраженный от бетона свет.

— Зорко, ты живой?

— Наверно...

— Лезем...

КОНЕЦ СКАЗКИ

Через балки, арматуру и обломки плит, сквозь цементную пыль и потоки песка, что обрушивались на головы и плечи, они долго выбирались к свету.

Выбрались. В царапинах, со звоном в ушах, перемазанные. Но живые. Даже не покалеченные.

Было утро... Странно. Лёну казалось, что по времени еще середина ночи. Но подумал он об этом мельком. Главная забота — о Зорко:

— Ты правда целый?

— Ага... А ты?

Лён встал с четверенек. Зорко тоже.

Они были на пологом склоне, в зарослях дубняка. Сквозь листья били лучи, на траве горели капли. И пахло лесной свежестью.

Но еще пахло развороченной землей — словно бедой.

Лён оглянулся. Зорко тоже оглянулся. Позади них дубняк был вырван и раскидан. Громоздились песчаные груды, из них торчали балки. Одна балка — толстенная, как шкаф — валялась на песке. А поперек нее лежал навзничь голый мальчишка. С откинутой головой и отброшенными назад руками. С тонкими, проступившими под кожей ребрами. Совсем незагорелый...

— Лён... Он, что ли, неживой? А?..

Мальчик был совсем неживой. По его впадому животу по-хозяйски шел рыжий муравей.

Зорко всхлипнул, но сдержался. Нервно сказал:

— Надо его одеть и похоронить.

Лён вздрогнул:

— Господи, кто это? Откуда он тут?

— Ты что, не видишь? Ермилка...

— Нет...

Мальчик был совсем не такой, каким представлялся Лёну Ермилка. Тот — наверняка рыжий, круглощекий, коренастый такой малыш. А этот... этот был шуплый, как петушок Тиви, остролицый, темноволосый...

— Он... Смотри, мой сандаля...

На левой ноге мальчика была растоптанная сандаля. Зоркина.

“Господи, что мы скажем Динке... Да нет же!” — Лён упал на колени, ухом прижался к мальчишкиной груди...

“Тук... — милостиво толкнулось в тонкой, как у птицы, грудной клетке. — Тук... Тук...”

— Ермилка! — Лён затряс его за плечи.

Ресницы мальчика зашевелились. Зорко упал рядом, приподнял его голову...

Ермилка приходил в себя стремительно. Через минуту он уже сидел на балке, поматывал головой и улыбался. И улыбка была — точно Ермилкина, как у хитрого проказника.

— Быстро склеились мои атомы, да?

— А почему ты видимый? — робко спросил Зорко. В нем все еще сидела виноватость: от того, что недавно хотел хоронить Ермилку.

— Ой... правда... Наверно, это от взрыва. Ну, ничего, я скоро обратно...

— А пока оденься, — ворчливо предложил Лён. — Возьми вот это, — он стал снимать вязаную безрукавку.

— Ну-у! Она же колючая, без рубашки-то!

— Подожди... — Зорко лихо оторвал от своей голландки широкий воротник. Оказалось, что воротник с холщовой подкладкой. Зорко сцепился зубами, отодрал подкладку у нижнего края и у шейного выреза. Получилось вроде юбочки — наполовину белой, наполовину зеленой с полосками. — Надевай пока хоть это. Будешь как туземец...

Ермилка, хихикая и пританцовывая, обрядился в “юбочку”. Лён выдернул и отдал ему шнурки — чтобы подпоясался. А потом заметил:

— Ты же совсем незагорелый. Солнце встанет повыше — сразу обжаришься.

Тогда Зорко отдал Ермилке и голландку.

— Я-то все равно обугленный.

Голландка была Ермилке слишком длинна и широка. Лён сказал:

— Привидение. Кто попадетса навстречу, в кусты шарахнется.

— Тут не бывает встречных, — отозвался Ермилка. — Это особая дорога. Здесь же Безлюдное Пространство...

Они спустились со склона. Дорога повела по широкому полянам, на которых темнели островки кустов. Ноги стали мокрыми от росы. Небо было чистое, только прямо в зените висело розовое перистое облако. Звенели в кустах птицы.

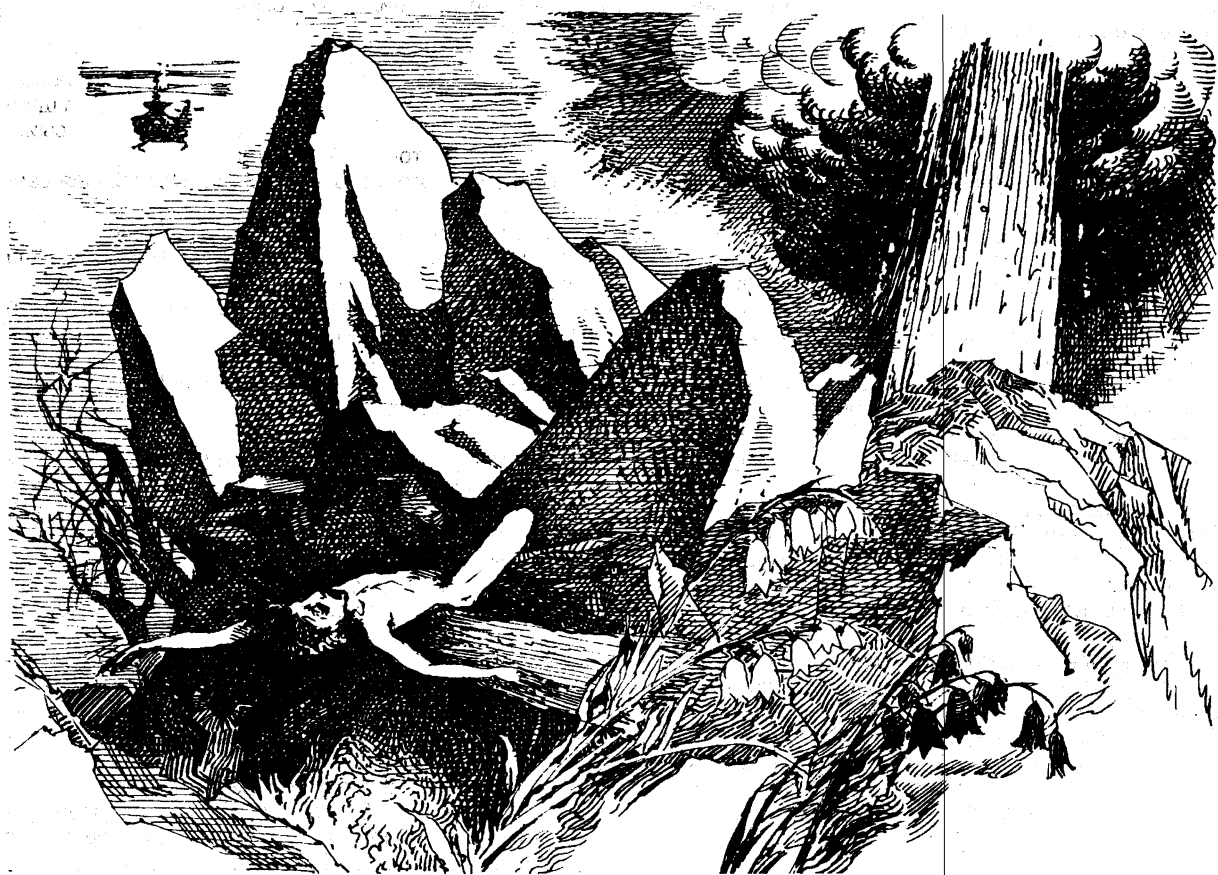
Ермилка оглянулся.

— Смотрите!

За горбатым холмом, за его темной, укутанной в дубняк верхушкой стоял высоченный дымный гриб. Черно-серый.

— Здорово мы ахнули этот гадюшник, — слегка самодовольно сказал Ермилка.

Лён вспомнил про невесту штабс-капитана. “Не дождетса... И еще, наверно, немало народу там было...”

АЗПИТА

— Они ведь хотели убить, Лён, — уже другим голосом напомнил Ермилка. — Тебя и Зорко... И скольких убили до этого...

Лён молчал. Что ни говори, а дело сделано.

"Судьба" — подумал Лён.

Нет, не подумал, а кажется, вслух сказал. Потому что Ермилка тут же подскочил к нему:

— А я помню, как вы играли в судьбу! Бумажные шарики давали клевать Тиви!

— Ну и что? — насупленно сказал Лён.

— А знаешь почему Тиви тогда перепугался? Он на меня наткнулся! Я за вами там наблюдал!

— Зачем? — удивился Зорко.

— Я же любопытный! Уж-жасно! Ну и... скучно одному иногда...

— Счастье, что так получилось! — запоздало обрадовался Зорко. — Ведь если бы мы развернули Тивину бумажку, там оказалось бы "нет"!

— Ничего подобного! На той и на другой было "да"! Тиви чуть все не испортил! Хорошо, что дедушка Август догадался, как тут исхитриться!

— Почему на той и на другой было "да" — недоверчиво сказал Лён.

— Потому что дедушка Август так написал! Он мне потом объяснил: если спрашивают судьбу, надо, чтобы обязательно было "да"! Так ему всегда говорят звезды... — Ермилка вдруг залиvisto рассмеялся и прошелся колесом по росистой траве. Широкая матроска взметнулась, сандалия слетела с ноги.

— С виду воспитанный ребенок, а внутри хулиган, — сказал Лён голосом Динки.

— Правильно! — Ермилка подобрал сандалию и

подбросил над собой.

— Выкинь ты ее, — посоветовал Зорко. — Зачем она одна-то...

— Нет! Я оставлю ее на память. Для удачи!.. Как называется какая-нибудь штука, которая приносит счастье?

— Амулет, — сказал Лён.

— Талисман, — сказал Зорко.

— Да! Она будет мой та-лис-ман! — И Ермилка запрыгал впереди всех.

Дорога была с заросшими колеями. В колеях росли высокие лиловые колокольчики. Один раз колея подвела к остаткам кирпичного дома. Это были груды мусора и заросший крапивой фундамент. И в тот же миг в воздухе проступил и начал быстро набирать силу визгливый голос моторов.

— Ложись! — крикнул Зорко.

Они упали у заросших кирпичей. Невысоко над дорогой шли боевые вертолеты. Похожие на зеленые вагоны с двумя винтами. И не было на них никаких эмблем и номеров.

— Непонятно, чьи, — прошептал Зорко, когда визг и вой сделались тише. — Лён... значит, ничего не случилось?

— А ты думал, так сразу?

Они пошли дальше.

Лён размышлял:

"Старик Август наверняка сказал бы: думаете, взорвали Генеральный штаб — и дело с концом? Надо, чтобы люди перестали строить такие штабы в себе..."

— Но все-таки дело сделано, — повторил он.

Стало жарко, трава высохла. В воздухе появились

то ли шмели, то ли гудящие тяжелые жуки. несколько раз они ударили Лёна в лицо. А Зорко — в голую грудь и живот.

Зорко пошел рядом.

— Лён, а почему они так летят, будто хотят сквозить нас?

— Потому что глупые...

Зорко посмотрел вслед беззаботно ускакавшему Ермилке.

— Лён... а может, он, как раньше, невидимка? А мы его видим, потому что тоже... Может, мы стали такими после взрыва. Невидимки друг друга-то, наверно, видят...

— Ну, Зорито! Тебя, кажется, хорошо там потряхнуло! Особенно мозги...

— Нет, ты послушай! Жуки летят так, будто мы совсем прозрачные...

— Они слепы! Наверно, это те, кого называют "слепни"! — Это Лён объяснил весело, а внутри... этаким холодок тревоги.

— Лён, а еще... невидимки ведь не чувствуют боли. Я там пузом прямо в крапиву, и даже ни капельки никакого кусания...

— Потому что ты загорелый. Загорелая кожа крапивы не боится.

— Хорошо, если так... А то я думаю: может, мы уже не живые? Может, это та самая Дорога?

— Ох, кто-то сейчас получит по загривку. И сразу поймет: живой он или нет! — Это Лён уже с испугом.

Зорко надул губы. Беспокойно дышал на ходу.

— Зорито... Дойдем до Приморского тракта, Безлюдное Пространство кончится, там все станет ясно.

— Я вот этого и боюсь.

— А ты... ты не бойся! Если даже мы невидимки, Динка нас все равно не прогонит!

— Да. Это правда... — Зорко повеселел.

В этот миг колесом подкатился Ермилка.

— Смотрите, как интересно! В небе солнце и месяц!

И правда, высоко в утреннем небе висела чуть различимая пухлая половинка луны. Ермилка пошел рядом, поглаживая себя по животу сандалией. Глянул лукаво.

— А я слышал, как вы вечером сказку про месяц придумывали. Будто он плавает под водой!

— Ой! — подскочил Зорко. — Лён! Я ведь так и не рассказал, что придумалось дальше!.. Помнишь, мы говорили: месяц поднимается, а морские жители с перепугом плюхаются с него в воду...

— Ну и что дальше?

— Дальше вот что!.. Там был один маленький краб. Крабий детеныш. Он опоздал прыгнуть, а потом испугался высоты... А может, он решил попутешествовать по небу, не знаю... Когда месяц поднялся, крабеныш засел в маленьком кратере — там осталось немного воды. Без воды-то крабам трудно... И вот он вместе с месяцем поднялся высоко-высоко, где никогда не бывал ни один краб. И увидел землю и море далеко-далеко, а звезды близко. Несколько звездочек даже прилипли к его панцирю... Сперва маленькому крабу было страшно, а потом сделалось уж-жасно интересно...

— Но он вернулся домой? — вмешался Ермилка, который уловил в Зоркином голосе свои интонации.

— Да! Месяц сделал весь небесный путь и опять погрузился в океан. И подплыл к тому месту, где началось путешествие маленького краба. И там крабеныш увидел своих родителей. Они сходили с ума от беспокойства. Папа замахал клешнями и схватился за грудь: от радости у него чуть не разорвалось сердце...

— Но не разорвалось?

— Нет... А мама... она перевела дух и дала сыну шлепка. И это было чувствительно: ведь у крабих детенышей панцири еще не совсем затверделие... А потом мама заплакала. Но этого никто не заметил. Дело было под водой, и соленые слезы тут же растворились в соленом море...

* * *

Владислав ГОНЧАРОВ
(Uldor the Cursed)

КОНАН НА ПЕРЕЛОМЕ ЭПОХ

РУССКАЯ ФЭНТЕЗИ - ТРАДИЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Обычно считается, что жанр фэнтези в отечественной фантастике — явление исключительно новое, порожденное перестройкой и появлением массы не издававшейся ранее англо-американской литературы такого рода. То есть русская фэнтези — вторична в принципе, поскольку отечественных корней абсолютно не имеет. Вряд ли с этим можно согласиться, ибо даже не тревожа прах классиков века минувшего, профессора Чаянова и совсем никаким определениям не поддающегося Евгения Шварца, — и в классической советской фантастике можно найти немало произведений, с полным основанием попадающих в разряд фэнтези. Начиная хотя бы с «Мастера и Маргариты», где присутствует почти полный набор классических атрибутов жанра: шпаги, демоны, рыцари, мертвецы, смутные намеки на свойства пятого измерения и, наконец, Князь Тьмы собственной персоной.

Можно долго спорить, относится ли к фэнтези «Понедельник начинается в субботу», но набор классических фэнтезийных персонажей там тоже более чем достаточен. Традиционен для средневековой фэнтези и антураж «Трудно быть богом». Прекрасным образцом фэнтези является повесть Льва Успенского «Шальмугровое

яблоко» — с ее ароматом дальних путешествий и экзотических стран, забытыми богами, прекрасными принцессами и чудесным превращением скромного советского бухгалтера в предводителя борющегося за свободу народа. Что же касается творчества Владислава Крапивина и его последователей самого разного качества («Круги Магистра» И.Тяглова, «Пристань Желтых кораблей» С.Лукьяненко и т.д.), то тут можно уже говорить о появлении целого направления в фэнтези, обозванного кем-то «пионерско-готическим романом». И это все — не считая множества детских сказок на манер «Королевства Кривых Зеркал» В.Губарева и некоторого количества рассказов, время от времени мелькавших в сборниках или периодике.

Кстати, об определениях. Несмотря на массу критиков и фантастиковедов, занимавшихся этим вопросом, краткого и всеобъемлющего определения, что же такое есть фэнтези, никому еще дать не удалось. Ясно только, что это жанр фантастики, где действие происходит в мирах со средневековым антуражем и нетехнологической психологией, а роль науки выполняет магия, которая, при прочих равных, оказывается сильнее всяких технологических приспособлений. При этом декларируется по-

вышенная роль личности в истории: любой, в принципе, герой способен не только изменить ход событий вокруг себя, но и повлиять на судьбы мира. Для научной же фантастики более характерна пришедшая, кстати, от реализма убежденность в том, что отдельно взятая личность, в полном соответствии с природными и социальными законами, не в состоянии заметно изменить что-либо в окружающем мире. С этой точки зрения и «Трудно быть богом», и марк-твенковский «Янки из Коннектикута...» являются, кстати говоря, типичной НФ, направленной на полемику с основными принципами фэнтези.

Можно перечислить еще множество характерных для фэнтези особенностей и приемов, однако интересно, что для отнесения произведения к фэнтези присутствие полного набора этих характеристик вовсе даже не обязательно. Стоит еще отметить, что несоответствие ряда особенностей фэнтезийного мира миру окружающему, реальному, приводит к переносу действия фэнтези в некие параллельные миры, либо на другие планеты, либо зачастую — в будущее (в основном после катастрофы) или прошлое нашего мира. Последнее, в общем-то, естественно, поскольку, как уже отмечалось выше, средневековый антураж

является одним из основных признаков жанра. Толкиен в эссе «О волшебных сказках» объясняет это попыткой эскапизма — стремлением уйти от неживого, машинно-конвейерного мира в идеализированный «золотой век», стремлением к забытой возвышенной романтике прошлого. А поскольку вся история известной земной цивилизации подробнейшим образом описана и хронографирована, авторам фэнтези приходится придумывать и использовать страны и времена, лежащие за пределами исторических хроник — говардовскую Киммерию или Британию времен короля Артура. Так рождаются карты новых земель и стран с тщательными разработками географических, исторических, экономических и этнографических подробностей — тоже непременный элемент всякой уважающей себя фэнтези.

Впрочем, некоторая стандартизация элементов антуража и сюжетных ходов в фэнтези действительно налицо. С одной стороны, это следствие традиций христианского рыцарского романа — одного из основных истоков жанра, с его полярным противопоставлением Света и Тьмы, евангелической структурой мира и джентльменским набором классических персонажей и чудовищ. С другой — высокий уровень развития системы настольных и компьютерных ролевых игр на Западе породил массу произведений, написанных на основе игровых модулей, — у нас из подобной литературы наиболее известен цикл «Dragon Lance» М.Уэйс и Т.Хикмена. Результат — появление совершенно безликих произведений, представляющих собой всего лишь разного рода комбинации стандартных персонажей, описаний и сюжетных ходов, сведенных вместе в свое время А.Свиридовым в его

ироническом «Малом типовом наборе...». А после этого любители и знатоки «строгой» фантастики демонстративно выказывают пренебрежительное отношение к фэнтези, мотивируя это низким литературным уровнем большинства произведений этого жанра, — точно так же, как еще десяток лет назад маститые критики отказывали в праве зваться литературой фантастике вообще, мотивируя это макулатурными достоинствами большей ее части.

Между тем, давно известно, что подавляющая часть всякого литературного творчества есть бездарность и графомания в чистом виде. Утверждается, что в США фэнтези составляет до 80% всей издающейся фантастики. Не удивительно, что с началом массового издания переводной фантастики в нашей стране на книжных прилавках оказался и весь спектр западной фэнтези — от классических вещей Толкиена, Ле Гуин и Желязны до плодovitой тетушки Нортон, многочисленного и однообразного Конана и абсолютных бездарностей типа Дж.Г.Смита. Появление нашей же фэнтези было практически мгновенно пресечено резким падением спроса на отечественную фантастику вообще, — успели выйти, кажется, лишь «Оборотень» Н.Ютанова, «Альбом Идиота» А.Столярова, «Золотые крылья дракона» А.Больных и «Крылья гремящие» С.Иванова — вещи, несмотря на хороший или великолепный литературный уровень, все же явно вторичные, использующие не авторами созданный канон (хотя бы даже и противореча ему, как это пытался сделать Столяров). Затем последовал перерыв в три-четыре года, и наконец буйный рост спроса на отечественную фантастику вызвал к жизни новую волну русской фэнтези — на этот раз

гораздо более показательную и разнообразную. Попробуем же рассмотреть и проанализировать основные ее разновидности.

Первая и самая бурная — так называемая героическая фэнтези, получившая у нас меткое наименование «конанизм», ибо началась она именно с Конана — отечественных подражаний бесконечным западным сериалам о Конане и Ричарде Блейде, время от времени публиковавшихся в сборниках «оригинальных» произведений под звучными англоязычными псевдонимами. Затем появились собственные произведения-«продолжения». Признанным классиком здесь является Ник Перумов с его «Кольцом Тьмы» и Хьювхардским циклом. Основная часть отечественной фэнтези относится пока именно к этому типу, но останутся ли в чьей-нибудь памяти имена остальных коллег Перумова — покажет время.

Разновидность следующая — историческая фэнтези. Справедливости ради следует сказать, что родилась она достаточно давно — о близости фантастики к историческому роману критики говорили еще в далекие советские времена. А в предисловии к маленькому сборничку рассказов Святослава Логинова «Быль о сказочном звере» (1990 год) прямо отмечает, что описываемые там события, фантастические для нас, в глазах персонажей и их современников выглядят сугубым реализмом.

А очередное повышение интереса к отечественной истории, в последнее время порой болезненного, не могло не привести к появлению фэнтези, использующей славянскую и псевдославянскую тематику. Наглядный пример тому — творчество Юрия Никитина, а в последнее время — романы Марии Семенович и разнообразные «Владигоры», массово штампуе-

мые «Азбукой». Впрочем, если нашумевший «Волкодав» Семеновой представлял собой фэнтези в классическом смысле этого слова, то написанная гораздо раньше «Валькирия», в сущности, не является фантастикой вообще — все ее фантастические элементы имеют лишь этнографический смысл и не несут какой-либо сюжетообразующей нагрузки. Перед нами уже классический образец «исторической псевдофэнтези» — жанра, который, не исключено, в недалеком будущем станет довольно распространенным, поскольку привлечет любителей сразу двух популярных литературных направлений — фантастики и исторического романа. А исторических романистов от времен Союза пи-

сателей у нас осталось более чем достаточно...

Однако, как всегда, вещи наиболее заметные и достойные — никакой классификации не поддаются. Отнесли как-то Толкиена к «высокой» фэнтези — да и оставили его там в гордом одиночестве. Так и логиновского «Многорукого бога далайна» можно, конечно, назвать «фэнтези-притчей», но вряд ли от этого что изменится: ни на Желязны, ни на Ле Гуин он похож не станет, а истоки его все равно останутся здесь — в лучших образцах русской литературы и советской фантастики. И «Меч и радуга» Елены Хаецкой, несмотря на абсолютно классический антураж Доброй Старой Англии, все же останется накрепко

привязанным не к сэру Томасу Мэллори и легендам о Робин Гуде, а к тому же «Трудно быть богом» Стругацких. И Генри Л.Олди, а в просторечии — харьковчане Дмитрий Громов и Олег Ладыженский, создав свой мир и свой стиль «философско-боевой» фэнтези, так и остались в нем одиночками. Однако уже само перечисление этих имен доказывает существование отечественной фэнтези как оригинального жанра, не являющегося ни спешной переделкой, ни подражанием зарубежным образцам, а берущим свое начало здесь, в русской и советской литературе вообще и фантастике в частности. Которую мы все любим и будем любить.

КРИПТОГРАММА

по повести Александра Больных «Руки вверх, мистер гремлин!»

Разгадав ключевые слова и подставив вместо цифр буквы, вы прочтете высказывание главного героя повести:

27 5-2 28-9-10-2-21-27-3 22-16-9-3-14-20-5-23-26 15-9-3-16-6-5-17-26, 22-23-19-3-11-24-14-26 8-14-16-17-16-17-26-14 5-17-19-21-17-10-9 14 5-17-3-2-10-9.

Ключевые слова: 1-2-3-4-5 - город, из которого один знакомый журналист прислал лапти для Ерофея; 1-6-7-5-2-8-9-10 - псевдоним полковника, командира N-ской площадки; 11-12-13-1-14 15-6-16-17-18 - «ударное соединение» по-японски; 19-2-20-4 - то, что велел построить домовой на центральном посту орбитальной космической станции; 16-21-14-22-16-17 - сумма прописью в долларах, в которую оценил фиолетовый гремлин тройскую унцию золота; 1-21-23-22-17 - противница Зибеллы по имени Семь Сотых; 20-2-21-16-9-10-24-14-5-17 - неполадки, которые не объясняются никакими техническими причинами; 25-9-26-27-1 - увалень, с какими раньше имел дело Зибелла; 28-9-12 - должность, в которой Зибелла был зачислен на военную службу.

Составил С.КАЗАНЦЕВ

Ответ на стр. 77

ШАХМАТНЫЕ ТАЙНЫ: КОГДА НАЧИНАТЬ?

Рубрику ведут
международный мастер Людмила САУНИНА
и кандидат в мастера Эдуард МОЛЧАНОВ

Когда лучше всего учиться и учить играть в шахматы? В школе или в детском саду?

Ну, разумеется, в школе, — ответит большинство наших читателей. И опыт отечественных шахмат, их достижения подтверждают такой ответ. Со времени прошедшего в Ноттингеме в 1936 году турнира, после которого Михаил Ботвинник рапортовал в телеграмме правительству, что он догнал и перегнал лучших зарубежных гроссмейстеров, шахматная корона явно тяготела к России. Михаил Ботвинник в 1948 году и стал следующим после Александра Алехина чемпионом мира.

Шахматная корона была прописана в СССР до 1972 года, когда ею ненадолго завладел Роберт Фишер. Он начал играть в шахматы в дошкольном возрасте и стал в 15 лет международным гроссмейстером, самым молодым в мире.

В статье, опубликованной в журнале "Иллюстрийтед Лондон Ньюз", тренер национальной команды Англии Боб Уэйд и преподаватель Тед Ноттингем высказали мнение, что шахматных чемпионов следует готовить, начиная с детского сада.

На чем они основываются?

Не только на опыте Фишера. А еще и на том, что с тех пор, как английские дети шахматами стали заниматься в детских садах, рейтинг английских шахмат поднялся. Четверть века тому назад Англия не имела ни одного гроссмейстера и занимала на мировой шахматной арене 25-е место. Теперь там 19 гроссмейстеров и один из них — Шорт встречался в матче за шахматную корону с чемпионом мира Каспаровым.

По мнению английских тренеров, предполагается, что если дети начнут учиться шахматам как можно раньше, у них разовьется естественная интуиция. С таким подходом не согласны немцы. Герт Бланкенбург, который ведет обучение шахматной игре в Гамбурге, полагает, что наиболее подходящий возраст для начала игры — 11 лет, когда дети становятся самомотивированными.

Кто же прав?

Обратимся к Рихарду Рети, одному из знаменитых гроссмейстеров нашего века, автору известных книг о шахматах. Характеризуя различия стиля шахматных чемпионов — Акибы Рубинштейна из Польши, который начал играть после 10 лет, и кубинца Капабланки, научив-

шегося играть, будучи маленьким ребенком, Рети отметил: "Рубинштейн играл в шахматы, как великий оратор, говорящий на иностранном языке. Для Капабланки шахматы были его родным языком". Очень авторитетное мнение.

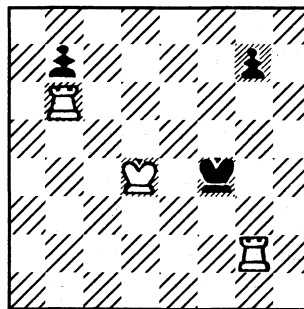
Одним из основных пособий для повышения игры в раннем, легко ранимом возрасте, англичане считают компьютер. Уже сейчас он, вероятно, может победить всех, исключая лишь один процент шахматистов. Правда, чемпион мира Гарри Каспаров играет с компьютером, рассчитывая с юмором на солидные гонорары, но не всегда побеждает в таких матчах. Детям же такая игра нравится и без денежных ставок.

Но не является ли последнее поражение Каспарова в матче с компьютером "Дип Блю" его победой? Разве не подготовили триумфы Гарри Кимовича за шахматной доской победу конструкторской мысли?

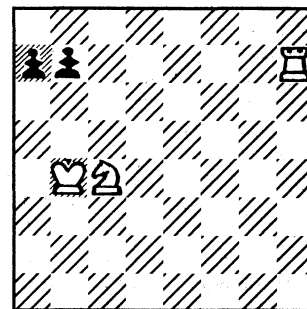
Разумеется, длившаяся более столетия эпоха тринадцати чемпионов мира не закончилась и созданные ими шахматные шедевры отнюдь не пришла пора сдавать в архив. Более того, следует признать, что Гарри Каспаров принял участие в замечательном научном эксперименте, ценность которого, очевидно, еще не раз будет подтверждена на протяжении последующих десятилетий. Таким матчем с таким компьютером, несмотря на поражение, можно будет гордиться и в XXI веке.

Предлагаем читателям решить две задачи — трехходовки.

Д. Каноник

Л. Уланов

Ответы см. на стр. 64

Роберт КАРИМ

НАШИ ПРЕДКИ ЖИВУТ...

НА СОЛНЦЕ!

С таким названием в 1995 году в Екатеринбурге небольшим тиражом вышла книжка, имеющая подзаголовок «Глава из рукописи». Ее предваряет «Введение», которое мы даем в сокращении.

«Увидев заглавие книжки, читатель, наверное, подумает: «В своем ли уме автор?» Или: «Ну и времена пошли, каждый садится и пишет, что на ум пришло. Наверняка книжку написал какой-нибудь псих, который не имеет даже среднего образования. Иначе он бы знал, что Солнце — раскаленный газовый шар. И не писал бы такую ерунду».

Давайте с самого начала успокоим читателя: автор, вроде бы, пока не сумасшедший, имеет образование, и книжка написана не за один присест и даже не за год-два. Это только одна глава из весьма солидной работы, которая будет называться «Вселенная и мы». Первый том адресует только специалистам: физикам, философам, астрономам и геологам.

Возможно, не все читатели слышали о Гершеле, не знают, что он один из величайших астрономов, но каждый из нас знает о Ньюtone. Все мы без колебаний называем его великим. Так вот, оба этих великих были убеждены, что там, на Солнце, внизу под светящимися облаками такая же твердая поверхность, как на Земле. Но ни один астроном не удосужился обсудить эту точку зрения.

Существующие теории или парадигмы настолько закрывают нам глаза, что мы в упор не видим самые очевидные вещи. Например, ныне существующая теоретическая модель Солнца и звезд такова. Там, внутри, в недрах температура миллионы градусов (предполагается!). Поднимаемся выше. В видимой нами фотосфере температура 6000 градусов. Это непосредственно измерено. Поднимаемся еще выше — в солнечную корону. Там температура опять повышается до 40.000 градусов. Это тоже измерено. И бьются теоретики, придумывая различные механизмы нагревания короны. Ведь надо же как-то объяснить, как это получается. Предполагаем, что тепло идет оттуда, изнутри. Выходит, если мы возьмем металлический прут и начнем с одного конца накалять, то при каких-то неизвестных нам обстоятельствах мы получим такую картину: по мере удаления от раскаленного конца температура будет все ниже и ниже; но затем, за участками, где проволока совсем холодная, температура снова начнет повышаться. И эта картина будет сохраняться миллионы лет. Но мы с вами знаем, что так не бывает. Конечно, могущество Бога беспредельно. Оно может осуществить и такую модель. Но все же сделаем более

простое, не противоречащее здравому смыслу, предположение: источник энергии не в недрах Солнца и там не миллионы градусов. Источник снаружи. Он греет корону до 40 тысяч, корона греет фотосферу до шести, а там, внизу, под толстым слоем облаков совсем уже «прекрасная погода».

Но это, повторяем, из первого тома. А перед вами — глава из второго. Этот том «гуманитарный». И будет называться «Наша история и наше место в разумной Вселенной». Среди множества вопросов будут в нем и темы о древней великой цивилизации, и палеовизитах, то есть пришельцах. Оказывается, была на Земле единая великая цивилизация, летали супер-гиперзвездолеты, привозя еще более развитых гостей. Как сказал уральский поэт Лев Сорокин:

А боги —
 Не были богами,
 На серебристом корабле,
 Гася грохочущее пламя,
 Они прилетали к Земле.
 Шуршали ткани из металла,
 Скафандр любой сиял как нимб.
 Толпа людская трепетала,
 А боги выбрали Олимп.
 Они дежурили посменно,
 Ловили трель планетогрaмм.
 И, поднимая крест антенны,
 Корабль стоял
 Как будто храм.
 Не зря ж похожи на ракеты,
 Уже летящие с Земли,
 Костелы,
 Церкви,
 Минареты,
 Что люди в муках возвели.

Поэтам легко: зарифмовал строчки, схватил читателя за самое чувствительное место — и проник в душу. Нам же, простым смертным, приходится говорить языком сухих фактов и логических рассуждений. Но ничего. Оказывается, если перечесть дошедшие до нас мифы, легенды, обряды и прочее, и провести своего рода научно-техническую раскопку фольклорного материала, то оказывается, такая «археология сказок» даст богатейший материал.

Но наверное хватит хвастаться и кормить читателя обещаниями, пора показывать товар лицом».

Предлагаем читателю один из фрагментов главы из второго тома.

СКОЛЬКО ВЕРСТ ДО НЕБЕСНОГО ЦАРСТВА

Большинство оценок — это грубые утверждения типа «ни одна птица не могла летать так далеко». Ясно, что не могла долететь. Дело ведь не только в том, что далеко, но и в том, что — безвоздушное пространство. Так что в «Страну Блаженных» можно долететь только на чудесной птице Гаруде.

Татарская пословица утверждает, что от неба до Земли 3000 лет пути. Если разделим 150 млн. км. на это время, получаем 140 км. в день. Это как раз крейсерская скорость добрых коней хорошего хозяина. Именно с такой скоростью ехал Наполеон из России. 5-19 декабря за 15 дней проехал 2100 км.

Точные цифры встречаются уже в шумерском эпосе. Например, Гильгамеш в поисках бессмертия идет к своему предку Унапиштиму, получившему бессмертие; он приходит к богу солнца, пройдя 12 лиг в темноте. К сожалению, мы не можем пока восстановить, какая это была единица измерения. По-видимому, очень большая.

А вот книга «Вопросы Милинды» (М., 1989):

« — ...далеко ли отсюда до мира Брахмы?

— Очень далеко... Если оттуда свалится скала... , то пролетая в сутки 48000 йоджан, она достигнет земли через 4 месяца».

Если примем за йоджан 14 км., то получаем расстояние чуть больше 80 млн. км. Как видим, расстояние занижено. И другие источники дают такие же заниженные оценки. «Корейские предания и легенды» (М., 1980):

«Премудрые в древности вычисление произвели:

Равно расстояние от неба и до земли

Двумстам миллионам — уверовать благоволи —

И о семнадцати тысячам семистам восьмидесяти ли».

Малое ли (0.32 мм.) отбрасываем. Берем обыкновенное ли — 360 двойных шагов. Первоисточник корейский. Значит, должны принять ли = 403 м. Это тоже дает чуть больше 80 млн. км. Если даже взять китайское ли — 576 м. или таможенное ли — 644.6 м., тоже

получаем заниженные значения — 115 млн. или 128 млн. Попробуем разобраться, в чем дело.

Читатель, конечно, наслышан о так называемом расширении Вселенной. Солнечная система, оказывается, тоже может расширяться. Это отражено и в фольклоре. Даются даже конкретные числа, например, в «Мифах Древнего Китая» Юаня Кэ: «Неожиданно небо и земля отделились друг от друга: ян, светлое и чистое, стало небом, инь, темное и мутное, стало землей. После этого небо стало каждый день подниматься на 1 чжан, а земля за день становилась толще на 1 джан...». Чжан в древности колебался от 1.9 до 34 м. Но не будем заниматься цифрами. Важно то, что древние знали о факте расширения.

Итак, если эти оценки расстояния относились к очень древним временам, то ничего странного в таком расхождении нет. Среди первоисточников находим и такие, которые дают привязку во времени. Например, в тех же «Мифах Древнего Китая»: после потопа помощники Юя измеряют землю. Один с востока на запад, другой — наоборот. Каждый прошел 200033500 ли и 75 шагов. Здесь нас прежде всего интересует, что это были времена потопа. А то, что они измеряли землю, по-видимому, это ошибка пересказчиков. Рифмованная информация сохраняется гораздо лучше, поскольку «слов из песни не выкинешь». А мы только что видели рифмованные строчки, в коих речь идет о расстоянии именно до неба. Правда, там было 200018780 ли. Но для неба это расхождение небольшое, а вот для Земли — расстояние слишком большое. То, что измеряли «один с востока на запад, а другой — наоборот», может говорить об измерении параллакса Солнца. Если мы найдем дополнительные сведения, например, о том, что они наводили какие-то длинные жерди на Солнце и, закрепив-зафиксировав их, дожидались ночи и смотрели, на какие две разные звезды нацелены их прицелы, то они действительно измеряли параллакс.

Так или иначе, но расстояние до небесного царства указано довольно точно.

Владимир СУРЕНКОВ

КОЖАНАЯ КАРТА

Почти ночь. Гудит близко завод. Еле плетусь домой с гулянки. На крыльчке сидит бабушка Варвара и преданно ждет меня. Может, сказку какую расскажет или вспомнит что про свое житье-бытье, как при царе жили.

Интересно у нее получается, будто при нем лучше жили, будто с дедом двух лошадей держали — для пахоты и выезду. Коров, дак тех четыре было, а овец да кур, да гусей и счету не знали. Это сколько же сена-то надобно, чтобы такую ораву скотины прокормить? Не верилось как-то. При Хрущеве-то отца на партсобрании «кулаком» обозвали, дак он одну корову и ту прирезал. С той поры и торчим по очередям.

— Баб, а, баб? Расскажи про царя че-нибудь.

— Ложись-ка, дитяtko, помолчим маленько, проводим солнышко на покой, а я тем временем, может, что и вспомню. Вишь, солнышко в чисту постель ложится, завтра ведро будет, самый гребной день.

Солнышко ласково, будто губами, коснулось Малой Азовской горы, тихонечко опустилось на землю и неслышно скользнуло за горизонт. Лишь огромный огненный закат долго полыхал над Гнилым Углом (старинное прозвание Полевского). Каждый раз провожая светило на ночной покой, думал, почему оно ложится там, а встает на другой стороне, будто и вправду есть подземный ход до Думенки и что по нему можно на тройке свободно проскакать. Постепенно глаза заморгулили, и только шершавые ласковые руки бабушки не давали провалиться в сон.

— Однакошь и вспомнила. Вот случай у меня был. Понесла я как-то раз, давно это, правда, было, иконку в ремонт. Рассохлась вся, краска пооблезла, дощешечки отваливаться стали. Отдала столяру знакомому, на Ленинском поселке жил. Он скоро прибегае да и кричит с порога: «Чекушка с тя, Варвара, икона-то необычна, иди-ко, погляди на чудо». И в самом деле, с обратной-то стороны,

внутри, кожа толста прибита, а на ей, видать, железом выжжено: то ли звездочки, то ли друго че, не понимаю, а врать не могу. И вроде как речки ли, дороги ли понарезаны?

Я аж подскочил:

— Баб, а где икона-то?

— Где, где? Мать у тебя их куда-то высвиснула. Ей ниче не надо, — с обидой проворчала бабушка. — Утречь слазь на сеновал, поройся там, может, и найдешь.

Ни свет, ни заря, не умывшись, не емши, сиганул на повесть. Сколь ни рылся в хламе, не нашел иконы и опечаленный спустился к бабушке.

— Ты бы у деда спросил ешшо, может, он куда задевал подале. Он тя будить-то не стал, раным-ранехонько отправился на Березову (гора Березовая в Полевском районе).

Не раздумывая, в противогазную сумку хлеба сунул, бутылку молока и — айда. Речки Полеву с Черной махом пролетел. Подъем к Березовой горе пошел, а там и покосы наши недалече. Дед, увидав меня, даже ухом не повел, спокойно продолжал чистить корни чемерицы да саранки.

— Дед, мне бабушка про икону рассказала, про кожану, про звездочки на ней и про другое. Где она?

Дед загадочно улыбнулся.

— Икону-то я прибрал, к месту пристроил, во век никто не догадается. В бабушкином сундуке спрятана. Икона-то, внучек, и вправду необычная. Увидишь — подивишься. Ее даже англичане в свое время купить хотели, да что-то меня остановило — самим пригодится. И в нашем роду, думаю, смысленные найдутся.

Старинный бабушкин кованный сундук с того момента, как я его увидел, примагничивал меня к себе своими тайнами. Но мне категорически было запрещено лазить туда, пакостить. На крышке были наклеены позолоченные красочные лубки-картинки из жизнеописания Иисуса Христа, выписки из Книги Жизни непонятными буквами-завитушками.

Стопками бабушка выкладывала дедовы казачьи принадлежности, свои, приготовленные на смерть, одеяния, свечки, иконки, льняные нити для лечения, страсть какое древнее Евангелие... И, наконец, достала икону, завернутую в старинный холст. Дед осторожно вынул медные гвозди, и внутри оказалась кожа, натянутая на обратную сторону. И на коже что-то выжжено.

— Деда, а почему англичане хотели у тебя эту карту купить? Они откуда про нее прознали?

— Это давно было. Голод тогда разогнал деревни. Чтоб не умереть, все потянулись в город. Там и узнали о сернокислотном заводе. Народу много надо было — на рудник Зюзельский колчедановый, на строительство завода, на лесоповал. У меня образование церковно-приходское было, направили в поисковую группу к Семену Степанычу Горелкину. Бригадиром ои робил в компании «Лена Гольдфилд». Я попал в группу али артель, которая составляла карту Азовской горы, Зюзелги-речки, болот окрестных, долины Железенки-речки. Бывало, неделю ползаешь по болотам, комаров кормишь, а в выходной кому идти некуда, там и оставались. Сбегают за выпивкой и сидят у костра, вспоминают, кто что знает да помнит. Много интересного услышишь. Часто не поймешь, где врут, где правду говорят. Один такой у нас в артелке и нашел икону, в расщелине припрятана была. А потом и приговорил ее потихоньку. Как водится, захоронило в голове, а взять-то негде ночью. Я и отдал ему бутылку-то за эту икону.

В ту пору англичане, немцы, мериканцы понаехали сюда со своими станками, машинами. Землю сверлили, медну руду искали, самоцветы, золото. Откуда-то прознали, что проходила тут древняя тропа, грабили на ней разбойники торговых мянял, а богатства будто в горе хоронили. Одни говорили, что еще Степан Разин тут прятал награбленное. Другие сказывали, будто Пугач тут оставил несметные богатства. Ревдински говорили, что тут Белобородов со своим войском проходил и

где-то на Азовской тропе спрятал отобранное у заводчиков да у купчишек. Гадай теперь, где истина, а где — додумки. После косушки-то... Так ни мы, ни англичане ничего и не нашли из кладов.

Прошло много лет. Давно уже бабушка и дедушка ушли в страну вечности. Однажды попросила мама сарай подремонтировать. Выгребая рвань-гнилье, к своей неопикуемой радости вытащил... икону. Пострадала она в холоде да сырости, но жива. Разобрал ее, а кожа — хоть бы хны. И стал размышлять над ней и так, и эдак...

Край наш бажковский. Сказы Павла Петровича и байки моей бабушки переплетались в такую загадочно завораживающую небыль, что я верил всему. И не просто верил, а принялся искать, лазая по горам, следы Хозяйки Медной горы и девки Азовки. Много дней и ночей, лунных и темных, провел на жуткой от тишины Азовской горе. Но так и не нашел в ее расщелинах и провалах никакой пещеры, хотя уверен был, что это не просто легенда. Есть, говорят, такая! Однажды, соскучившись по горе, подошел к ней с другой стороны — посмотреть на Полевую, стал подниматься вверх. И вдруг увидел чем-то знакомую мне поляну. На ее склоне к Полевой речке из земли торчал камень, как зуб...

Вернувшись домой, вскрыл икону: так и есть — та самая поляна с камнем-зубом на склоне. Хотя поляна и обросла порядочно. Позднее вскрыв кое-где дерн, нашел шлаки, омедненные железняки, осколки горшков, костей... Это могли быть следы стоянок чуди белоглазой, которая приходила сюда на верблюдах, со стадами лошадей. У каждого клана или семьи были свои постоянные места-пещеры для хранения инструмента, в них скрывали и недоработанные запасы руды, глины, слюды. Душа ликовала. Нашлось то, что было загадкой многие столетия. Прав был Павел Петрович: «Не простой это сказ. Шевелить надо умишком-то, что к чему».

А икона кожаная — не уберег! — пропала безвозвратно.

Ответ к шахматной задаче №1:

1. Лbг6 и если 1...Крf3, то
2. Кре5 и
3. Л6g3х, 1...Крf5, то
2. Кре3 и
3. Л1g5х

Ответ к шахматной задаче №2:

1. Лс7! цугуванг; 1...b5
2. Ка5! Крb6
3. ЛС6х; 1...b6
2. Кd6 b5
3. Лс6х

(Продолжение. Начало на стр. 19)

Внезапно послышался шум приближающейся машины. Монтеллано скользнул в придорожную впадину и пригнулся за кустарником. Грузовик, нагруженный соломой, притормозил, но не остановился; свет его фар скользнул по скалистой стене и пропал за поворотом. Когда гул мотора заглох, Монтеллано решил подойти к «Фольксвагену» — мало ли что...

До «Фольксвагена» оставалось три или четыре метра, когда его фары вспыхнули ослепительным светом. Бросился вперед, но прежде, чем достиг машины, услышал два выстрела. Притаился у колес, поняв, что стреляли не из машины, а откуда-то со стороны. Фары погасли, и в «Фольксвагене» кто-то зашевелился.

Приподнявшись, инспектор заглянул в щель от приоткрытой дверцы и увидел неясный женский силуэт. Бреннер сидела, положив одну руку на руль, в другой отсвечивал никелем небольшой браунинг. Вот так, второй раз в этот день, он застал её врасплох. Не дав женщине опомниться, вырвал пистолет, сунул его в карман и, выхватив затем торчащий в панели ключик зажигания, бросился бежать к своей машине, свалив по дороге ударом ноги мигающий фонарь. Упал на сиденье, включил задний ход и рванул свой «Меркурий» с места так, что взвизгнули шины. Автомобиль прыгнул вспять, но рев двигателя не заглушил грохота новых выстрелов. Две вспышки огня мелькнули где-то впереди, левее дороги. Заторможенная на месте машина присела на задние колеса, точно зверь перед прыжком, и затем, прежде чем амортизаторы придали ей нормальное положение, рванулась вперед во всю мощь своего мотора.

Монтеллано сокрушил перевернутый сигнальный фонарь, впритирку проскочил мимо «Фольксвагена» и только тогда включил свет. Времени застегнуть ремень безопасности не было, а машина уже шла круто вверх, одолев первый крутой изгиб шоссе. Уже посередине виража нажал тормоз, и машина со скрежетом заблокированных колес пошла юзом вперед, а когда нос её нацелился на следующий прямой отрезок дороги, рванул вперед к очередному витку серпантина. Все эти трюки преследовали одну цель — не стать удобной мишенью для невидимых стрелков. В мгновение ока, танцуя между барьером и скалой, он сумел разглядеть впереди черный корпус большого «Форда», втиснувшегося в узкую прогалину меж двух скал. Проскочив мимо, Монтеллано остановился и, выскользнув из машины, крадучись пошел назад к прогалине. Убедившись, что в «Форде» никого нет, несколькими ударами ножа выпустил воздух из всех его шин. Затем отвел свою машину к краю скалы, поставил её на тормоз, отключил зажигание и, взобравшись наверх, лег на каменную плиту, прикрывая жесткими ветвями кустарника. Теперь оставалось только ждать возвращения бандитов к своей машине. Пока же можно было собраться с мыслями...

Итак, во-первых, Бреннер — сообщница Мак-Келлара, в этом уже можно было не сомневаться. Во-вторых, она безусловно поддерживает постоянную радиосвязь со своим боссом и, вероятнее всего, именно по его указанию попыталась устроить ему ловушку на шоссе. В-третьих, теперь она не одна — Мак-Кел-

лар подключил к ней еще кого-то из своей банды. Сколько их? Судя по выстрелам, стрелок был один. Скорее всего, у него автоматическая винтовка, возможно, с инфракрасным оптическим прицелом. И последнее, что можно было сказать сейчас вполне определенно: Мак-Келлар явился не для «рекогносцировки», а для проведения какой-то молниеносной грабительской операции, заранее запланированной и подготовленной. Иначе бы он постарался исчезнуть, раствориться, а не действовать с такой наглостью. Как бы там ни было, он не поднял бы стрельбу на магистральном шоссе единственно ради сведения счетов с Монтеллано за провал прошлой операции.

Инспектор вдруг напрягся — совсем рядом послышался какой-то шелест. Однако это оказались ящерицы, которые еще резвились на камнях, источающих дневное тепло. Ящерицы ящерицами, а вот притаившийся где-то неподалеку стрелок так и не подавал признаков жизни.

Но вот снизу донеслось постукивание металла. Похоже, Бреннер пробует соединить провода, чтобы завести машину без ключа. К сожалению, лежа в своей засаде, инспектор ничем не мог ей помешать. Но его успокоила мысль, что проделать такую операцию могла бы только совершенно исключительная женщина.

Между тем время шло, а на шоссе снова стало тихо. Нет, надо что-то предпринимать... Монтеллано ползком спустился со скалы и без препятствий вернулся к своему «Меркурию». Усевшись в него, не стал таиться. Запустил двигатель и поехал вперед. Через несколько сот метров зажег фары — пусть видят!

Да, он не смог придумать ничего иного, как обратиться к кому-либо за помощью. До ближайшего местечка Сан-Габриэль было что-то около сорока километров. Там он попробует сколотить группу вооруженных людей и с ними вернется сюда. Но даже при самых благоприятных обстоятельствах его противникам оставалось не менее часа, чтобы «оживить» одну из машин и скрыться.

Заметив свет встречного автомобиля, Монтеллано в нетерпении заерзал на сидении: враги или друзья? Это был потрепанный автофургон, из которого неслись пение и смех. В сдвоенной кабине веселились пять подвыпивших мужчин. И все пятеро захотели высунуться в окошко, чтобы посмотреть, что это за неизвестный остановил их. Не дав ему, впрочем, и рта раскрыть, сунули в руки бутылку с пульке, местной водкой из сока агавы. Зная местные обычаи, Монтеллано не стал возражать, поднес бутылку ко рту и, заткнув горлышко языком, сделал вид, что пьет. Когда вытер губы, пятерка в кабине считала его уже своим другом и безоговорочно согласилась помочь взять на буксир испорченную машину «его приятеля». Все будет сделано в лучшем виде! Сеньор может не сомневаться, сеньор может спокойно ехать дальше, они отбуксируют «Фольксваген»!

Кивнул на прощание рукой и, незамеченный, вскопчил в открытую дверь фургона. Ощупав все вокруг, сообразил, что сидит на груди сомбреро, и одну из этих широкополых шляп натянул себе на голову.

Машина тронулась с места, и вскоре Монтеллано заметил, что они проехали мимо той прогалины, где в

укрытии стоял черный «Форд» — сейчас там его уже не было. Быстро же они управились, однако!.. Неужели хватило запаса?

Набирая скорость, под доносящийся из кабины шум, фургон мчался вниз петлями серпантина, то и дело проезжаясь кузовом по камням парапета. Водитель все же каким-то чудом не терял власти над машиной, и Монтеллано мог поздравить себя с тем, что в эту ночь судьба второй раз смилостивилась над ним. Но пришлось пережить миг испуга, когда ему показалась, что фургон на полной скорости проскочит мимо «Фольксвагена». Но его новые друзья, резко затормозив, остановились с поразительной точностью в нескольких метрах от машины Барбары Бреннер. Тут же вся компания высыпала на шоссе.

«Форд» стоял на обочине, осев на спущенных шинах. Значит стрелок и не пытался справиться со своим экипажем и добрался сюда на дисках. Бреннер и её коллеги видно не было. Вероятнее всего, спрятались где-то рядом. Ну, ну...

Ехавшие в фургоне молодые крестьяне, не очень-то обеспокоенные отсутствием владельцев «Фольксвагена», с полной серьезностью приступили к делу: притащили стальной трос и принялись вязать его к заднику «Фольксвагена». Водитель, правда, выражал сомнение, что это правильно, пробовал даже настаивать повернуть машину, но его не стали слушать — как развернуть эту желтую бестию с заглушим мотором в таком неудобном месте? Двое из веселой компании уселись на водительское место «Фольксвагена» и, ухватившись за руль четырьмя руками, заверили водителя, что все будет в полном порядке. Да, да, в порядке, несмотря на то, что будут сидеть спиной к направлению движения. А когда спустятся в долину, то там на широком участке все станет на свое место.

Монтеллано закусил губу, чтобы не рассмеяться, так как был уверен, что все эти громкие пререкания доходят до ушей бандитов и что при сложившейся ситуации те долго не просидят в укрытии. И в самом деле — почти тут же на другой стороне шоссе от скальной стены оторвалась тень. Низкорослый толстый мужчина держал у бедра карабин, изготовленный к стрельбе.

— Руки вверх! — вдруг заорал он.

Установилась тишина.

— Вылазь, — снова заорал он, дернул дверцу «Фольксвагена» и концом ствола толкнул крестьянина, сидящего за рулем.

— Живо, не то стреляю!

Парни в белых полотняных штанах и таких же рубахах навыпуск покорно вышли и попятились к своим товарищам. Кто-то из тех, что стояли на шоссе, крикнул:

— Что хочет этот гринго?

— Молчать! Руки вверх! — снова рявкнул толстяк.

Поднялся ропот, крестьяне не послушались. Тогда бандит сделал шаг вперед и выстрелил поверх голов крестьян. Это подействовало.

Крестьяне стояли сейчас в полосе непогашенных фар своего автомобиля и беспомощно озирались.

— Забираю вашу громышалку, — бросил им тол-

стяк. — Стоять здесь и ждать утра. Ясно?

Говорил он на очень плохом испанском, но крестьяне все же его поняли и зароптали. Толстяк же, не обращая внимания, заорал:

— Барбара!..

Бандит теперь стоял спиной к грузовику, и лучшего момента ждать было трудно. Сделав пружинистый толчок ногами, инспектор прыгнул вниз на толстяка. Упал на него, сбил с ног и вместе с ним повалился на асфальт. Кубарем прокатились по шоссе, сляясь подмять друг друга. Изловчившись, Монтеллано вывернул руку бандиту. Тот попытался вырваться, но ударился о бампер «Фольксвагена» и затих. А в это время из-за стоявшего неподалеку дерева послышался женский голос:

— Все в порядке, Вальтер?

Без колебаний Монтеллано глухо бросил:

— Иди сюда!

Они вынырнула из темноты, держа в руках пистолет, повернутый в сторону все еще недоумевающих крестьян с поднятыми вверх руками. Миновала их, подошла к машине и только теперь увидела лежавшего на асфальте сообщника. Остановилась как вкопанная, не зная, откуда ждать опасности. Монтеллано неслышно подошел сзади, забрал у неё пистолет и повернул к себе. Она в ужасе закричала, но её крик заглушили радостные возгласы крестьян. Они окружили «Фольксваген», принялись осматривать карабин и его владельца, а также пребывающую в шоке сеньору. Монтеллано удалось их успокоить только тогда, когда объяснил им, кем является и что это за люди оказались здесь на ночной автостраде. Убедившись, что толстяк лишь слегка оглушен и уже приходит в себя, инспектор с помощью парней связал ему руки и прикрепил их к туловищу; спеленатого таким образом гангстера засунули на заднее сидение «Фольксвагена».

Барбаре Бреннер он предложил сесть за руль, а сам уселся рядом, предварительно распровавшись со все еще оживленно жестикулирующими крестьянами. Махнув им еще раз рукой, инспектор сказал женщине, чтобы она вела машину не очень быстро. Она не возражала.

— Вальтер тяжело ранен? — спросила она вдруг громко, словно хотела кого-то перекричать.

— Ничего с ним страшного не случилось, — ответил он, несколько удивленный её громким голосом. С чего бы это? Истерическое состояние?

— Что вы собираетесь с нами делать? — спросила Бреннер также громко.

— Это секрет, — ответил он, усмехаясь. Потом сказал: — Вашего приятеля несомненно сдам в полицию, а вас, Барбара, приглашу на ужин к «Ягуару» — это лучший ночной ресторан в Сант-Луис-Потоси.

Увидев выплывший из темноты силуэт своей машины, он дал знак остановиться. Она послушно выполнила и это распоряжение.

— Пересядем, — сказал он ей. — К сожалению, вашу машину придется оставить здесь на некоторое время. Ну, а что с нашим ужином? Принимаете приглашение?

— Принимает! — прозвучал низкий и несколько

сильный голос. Уже вышедшая из машины Бреннер стремительно повернулась. Это не был голос Вальтера, который, скривившись, сился повернуть голову.

— Отвечай, что принимаешь, Барбара, — прозвучало снова из динамика, спрятанного где-то в обшивке машины.

— Хорошо, босс, — ответила женщина, но на этот раз совсем тихо. Как бы ужаснувшись того, что сказала, прикрыла рот ладонью.

Но Монтеллано и так уже догадался, чей голос слышит. Видимо, Бреннер с самого начала незаметно включила радиотелефон, чтобы Мак-Келлар мог знать, что произошло с его людьми. Нашел микрофон и нагнулся к нему.

— Так значит это вы, Мак-Келлар?

— Узнал меня, Монтеллано? Хочу предложить тебе выкуп за моих людей. Идет?

— Только обмен.

— То есть?

— Обмен на вас, мистер Мак-Келлар. Идет? Где вы сейчас находитесь?

— Совсем рядом, полицейская ищейка. Найди! — Мак-Келлар хрипло рассмеялся. — Итак, отпускаешь их или нет?

— Кажется, моя очередь смеяться? Кстати, давно ли вы подслушиваете нас?

— Вполне достаточно, чтобы сориентироваться в ситуации, мексикано!

— Стало быть, вы отдаете себе отчет в ситуации. Уж вам-то надо знать, во что обойдется вашим людям вооруженное нападение на инспектора полиции, стрельба на шоссе и прочее!

— Имею привычку ложиться спать до полуночи, а сейчас уже много позднее, — небрежно бросил в ответ гангстер. — Подумай над моими словами, Монтеллано. И если тебе хоть сколько-нибудь дорога жизнь, постарайся забыть обо мне.

— В противном случае? — спокойно спросил Монтеллано, свободной рукой нацупывая клавишу магнитофона на панели радиоаппаратуры. Это вызвало беспокойное движение Бреннер, но вмешаться она не посмела. Мак-Келлар немного помолчал, как бы размышляя над ответом, затем равнодушно проговорил:

— Все может случиться... Причем, в самом непродолжительном времени. Разговариваем в последний раз, Монтеллано. Вообще.

— Хм... В таком случае не ответите ли вы мне на несколько вопросов?

— Валяй, мексикано!..

— Сколько вам лет?

— Пятьдесят два.

— Думаю, что значительно больше. Вы, Мак-Келлар, ведете нездоровый образ жизни.

— Ты, конечно, моложе меня, Монтеллано, — ответил гангстер. — Ну и что из этого? До пятидесяти двух тебе все равно не дотянуть.

— Стало быть, я теперь совсем для вас не опасен, мистер Мак-Келлар. Так может быть, вы рассеете мои сомнения в части одного дела... Кое-кто утверждает, что мумию вождя хуастеков со всеми украшениями выкрал из катакомб в Чико Стенфорд и он же получил за неё на аукционе в Хьюстоне полмиллиона. Это правда?

— Стенфорд? Не знаю, сумеет ли этот идиот достать что-нибудь большее, чем пучок засохшей травы из гробницы.

В динамике воцарилось молчание, раздавалось только тихое потрескивание.

— Я лично считаю, что это ваша работа, Мак-Келлар.

— Ты не ошибся, — засмеялся гангстер.

— А вот своего шефа я не могу в этом убедить! Не верит он и в то, что это вы, Мак-Келлар, руководили бандой на Юкатане..

— Можешь сказать своему шефу, что он ошибается! Я не знаю другого Мак-Келлара, который бы занимался здесь у вас археологическими исследованиями.

— Однако, как изысканно вы отзываетесь о своей профессии!

— Моя профессия — это искусство.

Теперь расхохотался Монтеллано.

— Мастерство всегда искусство. Запомни это, Монтеллано! — в голосе гангстера вновь прозвучали ненависть и угроза.

— Нет совершенства и мастерства там, где делаются грубые ошибки.

— Я их не делаю.

— А сейчас? Это бахвальство..

— Ни одного свидетеля, никакой уверенности, что ты говоришь с Мак-Келларом!

— Признание, записанное на магнитофонной ленте, вы исключаете?

— Думаешь взять меня врасплох? Чепуха! Суд не примет таких доказательств. Тем более, что всегда можно доказать, что все это технический трюк.

— Вы просто не знакомы со специальной литературой, Мак-Келлар! — продолжал Монтеллано. — И наверняка не слышали о графическом анализе электромагнитной записи человеческого голоса, а? Уже есть судебные прецеденты использования таких экспертиз. Интересный метод, правда? Одним словом, ваше признание записано мною и это упростило процедуру вашего ареста. Но гангстер уже не отвечал. Убедившись, что передатчик Мак-Келлара не работает, Монтеллано выключил радиоаппарат, вынул кассету и предложил Бреннер выйти их машины. Проводил её в свой автомобиль, запер дверцу, затем перетачил на заднее сидение связанного толстяка. Через пару минут они двинулись в сторону Сант-Луис-Потоси.

Лампочка, горящая внутри салона, освещала лежащего бандита. Инспектор видел в зеркальце, как он кривится и ворочается. Бреннер же сидела с закрытыми глазами и не шевелилась.

Сто восемьдесят километров до Сант-Луиса Монтеллано одолел за полтора часа. Когда показались первые городские огни, Бреннер открыла глаза и спросила, где они находятся. Услышав, что почти на месте, раскрыла сумочку.

— Без глупостей! — предостерег Монтеллано.

Она повернулась к нему:

— Если мы действительно едем в ресторан, мне нужно привести себя в порядок.

Вынула гребень и зеркальце. Монтеллано, искоса поглядывая на неё, сбавил скорость — они въезжали на улицу между первыми строениями. Бреннер спря-

тала гребень и достала помаду. Опять посмотрела в зеркальце и опять раскрыла сумочку. Когда на этот раз выдернула руку, в ней блеснул миниатюрный пистолет, напоминающий зажигалку. В тот же миг дуло было направлено в сторону Монтеллано. Реакция сработала безотказно — нога вдавила педаль тормоза, Барбара Бреннер от толчка повалилась вперед, и пуля её пистолета прошла между грудью инспектора и рулевым колесом, воткнувшись в обшивку дверцы. Рука Бреннер с пистолетом инстинктивно уперлась в приборную доску и там была накрепко прижата сильной ладонью Монтеллано. Он снял ногу с тормоза, и автомобиль дернулся вперед как раз в то мгновение, когда сумевший встать на ноги гангстер собирался таранить его сзади своим массивным туловищем. Но рывок машины отбросил толстяка назад на сидение, а Барбара от нового толчка окончательно потеряла силы к сопротивлению и выпустила из рук пистолет.

— Надеюсь, что это последний! — сказал он ей, крепко выругав себя в душе, что был таким раззявой и не осмотрел её. «Эта баба буквально напичкана оружием!».

Разыскав здание полиции, Монтеллано сдал дежурному арестованного бандита и проследил, чтобы его отвели в одиночку. Договорился о том, что за оставленными на автостраде автомобилями сейчас же будут направлены патрульные машины.

3.

Был уже пятый час утра, когда Монтеллано оставил машину у подъезда «Ягуара» и, пропуская впереди себя Барбару Бреннер, прошел внутрь. Он все еще не оставлял надежды, что именно при помощи этой молодой (лет двадцати пяти, как определил он её возраст на границе и, взглянув позже в её паспорт, убедился, что не ошибся) женщины ему удастся добраться до главаря шайки. Пускай этот шанс мал, очень мал, но если её сразу же препроводить за решетку, то не будет и этого шанса.

Дверь открыл портье, несколько не удивившись новым посетителям. В ресторане все еще сновали официанты и звучала музыка.

— Видите, какое веселье, — усмехнулся Монтеллано. — А вы хотели отправить меня на тот свет.

— Надеюсь, вы привели меня сюда не для того, чтобы устраивать сцены! Тем более из-за подобных пустяков, — она говорила это, глядя ему прямо в глаза и без тени неловкости. «Может я все-таки зря возжусь с ней?» — подумал инспектор и сделал усилие, чтобы сохранить улыбку на своем лице. Он обратил внимание, что в её тоне появились какие-то новые нотки. Создавалось впечатление, что это не он, а Бреннер ведет какую-то игру. Отметил не без удивления, что на её лице не видно и тени усталости.

Метрдотель провел их к отдельному столику, скрытому в глубокой нише за завесой гирлянд из цветов. Когда официант расставил заказанные блюда, Монтеллано спросил у своей спутницы, впервые ли она приехала в Мексику. Она держанно ответила, что бывала здесь еще маленькой девочкой с отцом, который приезжал сюда на гастроли. Позже родители уехали в Европу, а она осталась в Штатах — надо было кончать колледж.

— Больше всего ценю независимость, — неожиданным заявлением закончила она свой немногословный рассказ.

— Хотели бы её обрести? — спросил Монтеллано.

— Не понимаю, — пожала плечами в ответ. — Зачем искать то, что имею.

— Стало быть, никто иной не внушал вам эту прелестную идею выстрелить в человека прямо в упор?

Опять пожатие плеч:

— Какое это имеет значение, чья эта мысль или идея?

— Не обольщайтесь, вы вынуждены делать то, что прикажет Мак-Келлар. Вы его собственность.

— Участь многих женщин быть чьей-то собственностью...

— Но не до такой же степени. Для Мак-Келлара вы не больше, чем слепое орудие, если хотите, автомат для нажатия затвора фотоаппарата или спускового крючка пистолета... Какая уж здесь независимость!

— Вы ничего не знаете о Мак-Келларе! — ответила она с вызовом.

— Хорошо, поговорим о вас. За двукратную попытку покушения на жизнь полицейского чиновника при исполнении служебных обязанностей и бандитское нападение прокурор, как минимум, потребует для вас и Вальтера десять лет тюрьмы. Вы отдаете себе отчет, что это такое? Кем вы выйдете из тюрьмы через десять лет? Ведь в наших тюрьмах не купите себе комфорт ни за какие деньги, как это бывает у вас в Штатах. Так что же будет через десять лет? Где будет ваша молодость? Рассчитываете на Мак-Келлара? Напрасно.

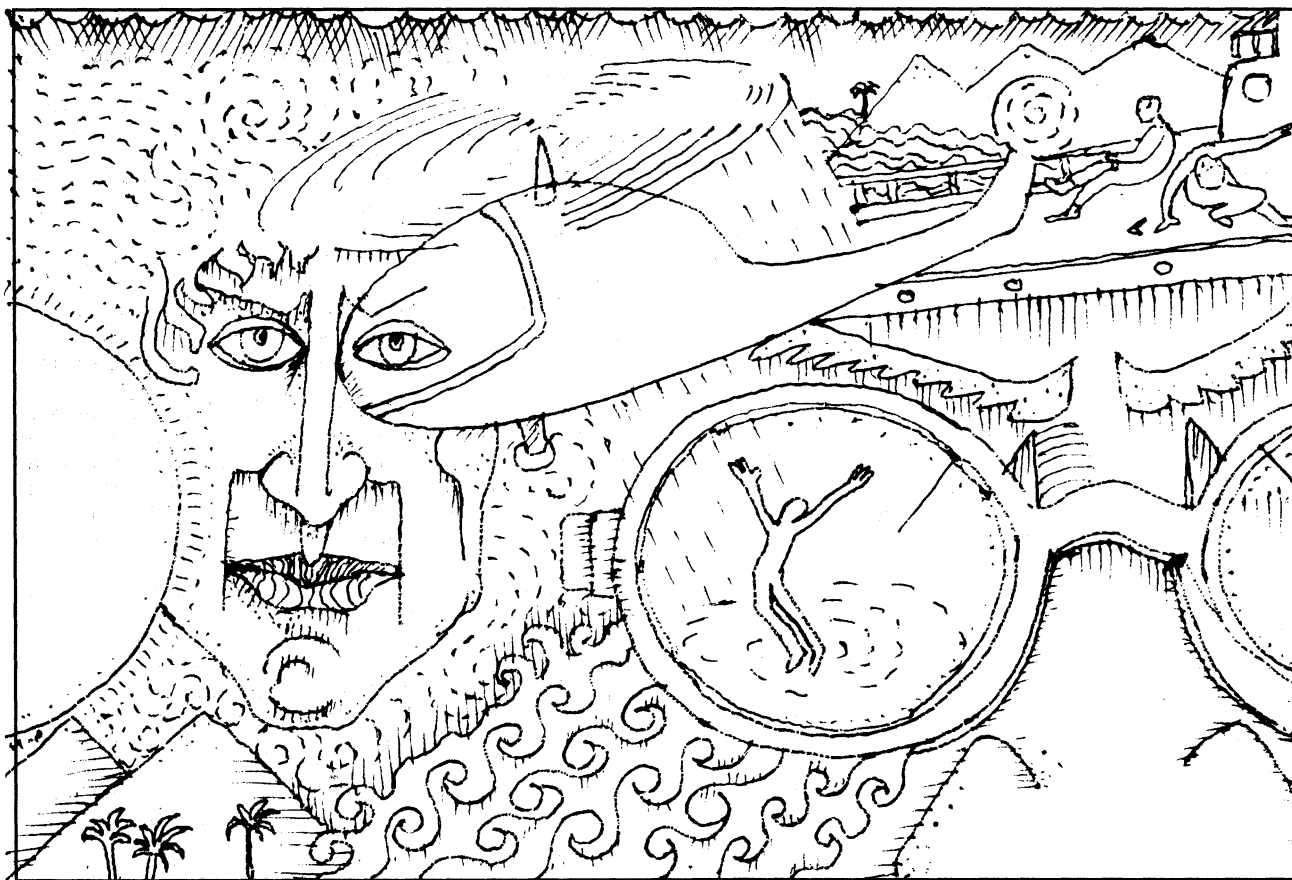
— Предположим, что все это так. И что же вы в связи с этим хотите предложить мне? — нетерпеливо перебила его Бреннер со злой усмешкой. — Будете говорить, что в ваших силах добиться снижения наказания до года или двух? А за это рассказать вам, с какой целью Мак-Келлар прибыл в Мексику? Да?

— Вы читаете мои мысли, — спокойно ответил Монтеллано.

— Если бы вы могли прочитать мои, то легко убедились бы, что такое соглашение невозможно по очень простой причине — я абсолютно ничего не знаю о планах Мак-Келлара. Я даже не знаю, что мне надо было бы делать завтра...

— Вот как, — отозвался Монтеллано, глядя, как Бреннер вынимает из сумочки сигареты и зажигалку. И то, и другое он уже видел в её сумочке, но вот чтобы она курила — не припомнит. Зажигалка была изящной золотой вещицей с несколькими мелкими бриллиантами и вычурной монограммой «Б. Б.». Взяла сигарету, сжала её губами и нажала рычажок. Послышалось шипение газа, и тут же вспыхнул голубой огонек. Прикурила и руку с зажигалкой отнесла в сторону, словно ожидая, не погаснет ли сигарета. Шипение усилилось...

Монтеллано вдруг почувствовал сильное головокружение и невольно откинулся на спинку дивана. Хотел было протянуть руку, чтобы выбить зажигалку из пальчиков с ярко-красными ноготками, но рука оказалась неимоверно тяжелой. Веки налились свинцом и опустились сами собой. А Бреннер поднесла

зажигалку к самому его лицу, и волна усыпляющего газа лишила его сознания. Убедившись, что инспектор спит, Бреннер быстро огляделась по сторонам. В золотистом полумраке зала, пожалуй, никто не мог увидеть заснувшего мужчины. Подтолкнула инспектора в угол диванчика и вынула из кармана его пиджака ключи от автомобиля. Официант, который мимоходом заглянул в нишу, увидел, что молодая дама наклонилась над своим кавалером и гладит ему волосы, что-то приговаривая. Как только он удалился, Бреннер отодвинулась от инспектора и, еще раз осмотрев зал, выскользнула в холл. Здесь у зеркала поправила волосы, подошла к портье и попросила сказать её спутнику, что она будет ждать его в авто. Затем вышла на улицу, осмотрелась, взглянула на рассветное небо и направилась к машине Монтеллано. Убедившись, что рядом никого нет, Бреннер вставила ключ в замок багажника, где все еще находился её чемодан. Замок щелкнул, но крышка отошла всего на несколько сантиметров, и тут же из машины понесся пронзительный вой сирены. Женщина отскочила в сторону и бросилась бежать к углу улицы, где стояла светлая спортивная автомашина. Портье, выскочивший на звук сирены, увидел, как женщина хлопнула дверцей, машина рванулась с места и исчезла.

Приблизительно через полчаса Монтеллано, сняв со лба компресс из салфетки, набитой хрустящим

льдом, превозмог раздражающую боль в висках и нашел сил добраться до своего «Меркурия» и поехать в полицейский участок. Пока объявлялась тревога по дорогам, он принял несколько таблеток от головной боли, с трудом преодолевая нестерпимое желание рухнуть на клеенчатую кушетку и забыться в непробудном сне. Уже рассвело, и он, несмотря на предостережения врача, что обморочное состояние может вернуться вновь, отправился по автостраде в Мехико, до которого было еще четыреста двадцать шесть километров.

Километры эти дались ему нелегко, так как ко все еще непроходящей боли добавилось острое чувство досады — чтобы так опростоволоситься с этой девкой! Неужели он хоть на миг усомнился в способности Мак-Келлара окружать себя абсолютно преданными помощниками? И разве преступление становится менее гнусным, если его совершила милостивая блондинка с красивой фигурой? «Ну, ну, ну... — одернул он себя. — Причем тут фигура? Причем тут блондинка? Но ведь наши остряки непременно обыграют этот факт...» Нет, определенно он сморозил непростительную глупость. И тогда в машине, и вот с этой попыткой вызвать ее на откровенность за бокалом вина. А не отнестись с серьезностью, что Мак-Келлар наверняка взял на заметку его предложение поужинать в «Ягуаре»? Да, прокол за проколом, такого с ним не

было со времен стажерства...

В машине сохранился тонкий запах духов Бреннер, и Монтеллано еще раз язвительно спросил у себя: неужели убежденного тридцатипятилетнего холостяка могли сбить с толку белокурые локоны? И, может быть, он не только искал пути к Мак-Келлару, но подсознательно хотел облегчить будущую участь Барбары Бреннер?

... Монтеллано медленно пересек холл полицейского управления и подошел к лестнице. Подумав, свернул и остановился у лифта, которым никогда раньше не пользовался — его кабинет был на втором этаже. Головная боль ослабла, но полностью в себя он еще не пришел. Несколько секунд постоял перед дверью, глядя на табличку с римской шестеркой, — здесь находилось руководство сектора уголовной полиции, в котором он работал, — как бы проверяя, не потерял ли его взгляд былую остроту.

Положил руку на дверную ручку, но не успел нажать — дверь открылась сама, и в её проеме стоял заместитель шефа. Обычно подчеркнуто любезный, сейчас он ограничился лишь коротким приветствием:

— Ах, это вы, инспектор? — и повернулся к секретарше. — Доложите шефу, что сеньор Монтеллано наконец появился.

С этими словами он удалился, а опешивший Монтеллано не преминул отметить, что такая встреча ничего хорошего обещать не может. «Неужели шеф до такой степени негодует из-за этой Бреннер?»

Поведение секретарши сеньоры Монрей произвело на него еще худшее впечатление. Эта почтенная дама едва ответила на его учтивый поклон и с непонятной поспешностью исчезла в кабинете начальника. Когда она вернулась, её «Прошу войти!» прозвучало как обвинительное заключение.

Приготовившись к немислимому разному, Монтеллано вступил в кабинет и осторожно закрыл за собой дверь, обитую кожей. Шеф сидел за своим столом, листая какие-то бумаги и, увидав инспектора, показал на кресло: «Садись, Монтеллано». Пристально взглянув на него, провел ладонью по ежику седых волос и выпустил облако дыма из трубки. Вообще-то, вел он себя как обычно...

— Что ж, Монтеллано, психологический этюд с этой мисс не удался? Оставила тебя с носом... И еще как! А почему не подстраховался? Все сам да сам!

Начальник был по крайней мере лет на двадцать старше подавляющей части своих подчиненных и полагаю, что этого вполне достаточно, чтобы со всеми быть на «ты». Впрочем, на это никто не сетовал.

— О служебных проступках и нарушении уставных правил будешь давать объяснение позже, — продолжал он. — Сейчас у меня есть более важное дело, чем слушать покаяния о посещении ночных ресторанов с преступницами. К слову: по дороге сюда не заходил в оперативный отдел?

— Нет, — ответил инспектор, — я только что пришел.

— М-да — протянул шеф. — Похоже, что схватить эту девку так и не удалось.

С минуту помолчал, сердито посапывая, а потом раскрыл папку, на обложке которой Монтеллано прочел свое имя.

Личное дело, помимо основных сведений о сотрудниках, содержало ежегодные служебные характеристики, результаты медицинского обследования, порицания и благодарности.

— М-да, — снова произнес шеф, поднимая взгляд на Монтеллано, — ты действительно преодолел на руках трехсотметровый трос на мосту в Пуэрто?

— Да... — пробормотал инспектор, недоумеая: причём тут трос?

— Если бы больше шевелил мозгами, то подобные рекорды были бы совершенно ни к чему, — брезгливо проговорил шеф. — Порой мне кажется, что я работаю в цирке! Все вы предпочитаете мчаться куда-нибудь сломя голову и подставлять себя под пули бандитов, вместо того, чтобы лишнюю минуту потратить на размышления и анализ. В результате сюда и вписываются такие вот вещи! — он похлопал ладонью по папке. — Вещи, похвальные для акробатов, а не для криминалистов!

Он долго молчал, а потом сказал, глядя куда-то в сторону:

— Так вот, Монтеллано, нами получена информация, что ты находишься в контакте с похитителями исторических ценностей...

— В определенном смысле это, конечно, так, — удивленно поднял брови инспектор. — Конечно, так; как, впрочем, и многие в этом здании.

— Э-э, нет, Монтеллано! Речь идет о преступной связи с бандитами, о сотрудничестве с ними, о получении доли их грязных барышей!

Монтеллано ничего не отвечал — виски снова нещадно заломило и перед глазами поплыли разноцветные круги. Голос шефа доносился из каких-то далей:

—... Пишут о твоём участии в хищении старинных монет в музее в Оахако. Послушай. «Взлом музейного хранилища был произведен неизвестными злоумышленниками, предположительно в количестве пяти человек. Как подтверждается каталогом, из взломанного сейфа исчезла нумизматическая коллекция из трехсот старинных испанских золотых монет. Немедленно после получения сообщения о краже на место происшествия выехал инспектор Монтеллано. Ему не удалось собрать доказательства вины подозреваемых, и они были отпущены. Коллекция монет исчезла бесследно». Что ты на это скажешь?

Монтеллано вытер холодный пот и тихо проговорил:

— Мне нечего добавить. Так, собственно, и было...

— Монеты исчезли бесследно?

— Да, — уже более твердо ответил инспектор; он одолел слабость и уже со всем вниманием прислушивался к словам начальника.

— Нет, мой дорогой, след их все же нашелся! Правда, не всех, а лишь ста монет, которые, как утверждают, являются твоей долей при дележе уворованной коллекции. Сто золотых монет на сумму 60 тысяч долларов! Кстати, эти монеты найдены и идентифицированы экспертами и хранителем музея в Оахако. Скажу в заключение, что эту ошеломляющую сенсационную информацию мы получили по телефону от анонима в день твоего отъезда в США.

— Все это звучит довольно забавно...

— И я бы так считал, если бы эти монеты не были найдены там, где указал аноним. Ты, конечно, понимаешь, что мы не могли не проверить эту версию. Не так ли?

— Естественно... — протянул Монтеллано. Ему и в голову не приходило, что кто-то может заподозрить его вговоре с преступниками. А между тем, в его отсутствие произошла проверка... Аноним? Кто-то из людей Мак-Келлара? А если бы не случайная встреча на границе, кто бы знал о его приезде в Мексику? И кто бы стал подозревать его в авторстве анонимного доноса? Значит, Мак-Келлар замыслил убрать Монтеллано еще до своего приезда. Так, на всякий случай. Ведь в полицейском аппарате никто больше не знает в лицо этого бандита, никто, кроме Монтеллано. Нет, здесь нет никакой загадки. А что же шеф? Разве он не понимает?

— Интересно, комиссар, — спросил Монтеллано, — где же я прятал эти монеты? Скорее всего в саду? Так?

— На дне пруда, — уточнил шеф. Раздался треск зажималки, и по кабинету поползли клубы табачного дыма.

— Удобное место, — протянул инспектор. Ведь для этого не нужно было даже входить в сад — швырнуть сверток в маленький пруд можно было, приподнявшись над изгородью. Это было искусственное озерцо с берегами, выложенными красным туфом, с экзотическими растениями и плавающими между ними золотыми рыбками. Этот пруд соорудил еще дед Монтеллано. В редкие часы отдыха Монтеллано любил сидеть у озерца в шезлонге, полоща руку в теплой воде... В отсутствие хозяйина за домом и садом присматривал старый Хуан, дальний родственник матери. Но разве он мог уследить?

— В чем были эти монеты?

— В пластмассовой канистре от твоего «Меркурия».

— Моего?

— Без сомнений — на стенке выбита марка и регистрационный номер.

— Подделка?

— А ты можешь предъявить настоящую?

Монтеллано вдруг вспомнил, что еще год назад у него пропала такая канистра и ему пришлось покупать новую.

— И долго она пролежала в воде?

— Видимо, долго, потому что была покрыта слоем ила и обросла водорослями, такими же, какие имеются в твоём пруду. В общем, поработали усердно. Готовились давно — подбросили монеты и ждали определенной минуты. Цель — дезорганизовать нашу работу. Конечно, на короткий промежуток времени, пока бы мы не разобрались, что к чему. Несмотря на их усердие, все это шито белыми нитками. Откуда и каким образом анониму стали известны все подробности, почему он так долго молчал и так далее. Но... Но есть такое предложение, Монтеллано: создать видимость, что их афера удалась. Ты, разумеется, понимаешь, что все эти фокусы и наглое нападение на автостраде преследуют вполне определенную цель. Я думаю, что и у тебя сложилось мнение, что нам надо ждать в недалеком будущем крупной преступной акции.

Шеф предложил Монтеллано высказаться и внимательно выслушал его рассказ о всех перипетиях его «путешествия». Закончив доклад, он узнал от шефа, что отдан приказ о розыске преступников, что взяты под наблюдение все дороги, самолеты, аэродромы, отели, усилен пограничный контроль. Монтеллано, впрочем, отметил про себя, что полицейские силы — и так-то не очень многочисленные — в разгар туристского сезона имеют предостаточно разных дел, и уповать на эффективность принятых мер не приходится. Хотя шеф явно не говорил об этом, но чувствовалось, что и он такого же мнения.

— Нам придется в основном рассчитывать на свои силы, — сказал он в заключение. — Прежде всего создадим видимость, что интрига Мак-Келлара удалась и Монтеллано освобожден от своих обязанностей до конца служебного расследования. Такой ход, кстати, позволит утихомирить некоторых любителей позлословить и у нас в управлении.

Шеф включил селектор и поручил сеньоре Монрей поместить в газете «Эль-Диа» сообщение такого содержания: «Как стало известно, инспектор Монтеллано, имеющий особые заслуги в охране археологических ценностей нашей страны, в связи с плохим состоянием здоровья попросил освободить его от служебных обязанностей на неопределенное время. Просьба его удовлетворена. Сеньор Монтеллано намеревается пройти курс лечения на одном из наших курортов. Администрация выражает надежду, что его отсутствие на службе будет непродолжительным».

Этот текст должен будет дать пищу для размышлений Мак-Келлару. Но чтобы дело было доведено до конца, надо инспектору исчезнуть из столицы и уж во всяком случае какое-то время не появляться в этом здании.

— Так это и будет, — сказал Монтеллано. — Мак-Келлару в Мехико делать нечего, стало быть, нечего делать здесь и мне.

Решив этот вопрос, занялись Мак-Келларом. Что нового прибавилось в его досье? Только одно: рассказ инспектора и запись его разговора по радио.

Как и Монтеллано, комиссар полиции считал Мак-Келлара опасным противником во многих отношениях — многолетний опыт преступной деятельности, обеспеченность самыми современными техническими средствами и транспортом, а также солидные доходы, которые позволяют идти на любые траты, включая подкупы и привлечение наемников. Сообщников Мак-Келлар вербовал из отпетых головорезов, способных на любое преступление, готовых без раздумий пустить пулю не только в противника, но и своего единомышленника, если тот в чем-то будет заподозрен.

Где будет осуществлена новая грабительская акция? Что он задумал? В какой части страны искать его следы? Вопросы, вопросы, вопросы... И ни одного ответа. А времени, судя по всему, остается в обрез...

Не в состоянии пока придумать ничего лучшего, Монтеллано сказал, что ему надо посетить, пожалуй, Акапулько. Почему Акапулько? Было два довода в пользу такого решения: водные лыжи на багажнике «Фольксвагена» и еще — купальные принадлежности в чемодане Барбары Бреннер.

Вошла сеньора Монрей и, даже не взглянув на инспектора, положила на стол начальника стопку присланных из лаборатории снимков Бреннер, увеличенных с фотографии в её паспорте. Шеф с непроницаемым лицом взглянул на снимки и распорядился немедленно отослать их во все полицейские участки, контрольные пункты и дорожным патрулям. Первоочередно на магистрали, ведущие на полуостров Юкатан и на тихоокеанское побережье. На Юкатан вела одна шоссе́нная дорога, что до некоторой степени упрощало полицейский контроль. В Акапулько же можно было попасть самыми разными путями. Монтеллано, например, выбрал самолет.

4.

В разгар туристского сезона между столицей и тихоокеанским побережьем действовал настоящий воздушный мост. Самолеты непрерывно курсировали туда и обратно, перевозя ежедневно тысячи людей с Центрального плато с его суровым климатом на благодатное побережье.

Набирая высоту, «Боинг» сделал вираж над Мехико, оставил позади величественный конус вулкана Пепокатеиеля, сияющего ослепительной белизной своего снежного покрова. Монтеллано, занятый мыслями о необходимости перевоплощения в сугубо штатского чиновника среднего достатка, был рассеян и только в воздухе заметил, что место рядом с ним заняла особа неопределенного возраста с целой коллекцией позвякивающих браслетов, перстней, колец и прочих украшений.

Судя по всему, она впервые направлялась в Акапулько и была буквально нащипигована «новейшими» сведениями из путеводителя. В силу этого обстоятельства Монтеллано в первые же минуты полета узнал, что слово «акапулько» досталось нам в наследство от ацтеков и означает «тростниковую местность», что испанцы добрались сюда в 1531 году, а климат на побережье теплый и мягкий, благодаря легким морским бризам, и что солнце тут светит всегда, так как дожди идут только по ночам. Затем дама перешла к морской фауне и начала свою информацию с рассказа о рыбе-солнце, которая при рождении имеет величину всего в полсантиметра, вырастая, достигает трех метров, увеличиваясь в весе в 6 миллионов раз.

Монтеллано довольно быстро понял, что все попытки избавиться от этого настойчивого источника информации будут обречены на провал, и поэтому с кислым видом ждал окончания рейса. Но вот под толчком зажглась привычная надпись, призывающая застегнуть ремни и потушить сигареты. Самолет шел вниз, направляясь к перешейку, отделяющему океан от длинного озера. В миг, когда Монтеллано ожидал легкой встряски от прикосновения колес к посадочной полосе, шум моторов вдруг усилился. «Боинг», задрав нос, промчался над аэродромом, над озером, где взбудоражил стаю пеликанов и цапель, прошел над покрытыми лесом холмами и, набирая высоту, повернул в сторону океана.

Обеспокоенная соседка Монтеллано, воспользовавшись ситуацией, ухватила его за руку, пытаясь заверить, что нет никаких оснований волноваться, что все

дело в том, что пилот плохо «прицелился». Когда встревоженные пассажиры убедились, что самолет удаляется от Акапулько, и их беспокойство уже не могли рассеять обворожительные улыбки хорошеньких стюардесс, в кабине появился один из пилотов и объяснил, что произошло.

— Командир заверяет вас, — сказал он, — что нет ни малейшего повода для тревоги. Пустяковая неисправность — мы устраним её в течение нескольких минут.

Затем он пояснил, что затруднен выход шасси. Вопреки оптимистическим заверениям пилота, нервное состояние пассажиров было близко к панике. Прошло минут пять, неисправность устранена не была, и командир лайнера, переговорив с аэропортом, принял решение садиться на воду в одном из заливов неподалеку от Акапулько. В одном из пустынных мест «Боинг» вылил излишки горючего и взял курс к зеркальной глади залива. Тем временем к пассажирам вышел командир воздушного корабля и попытался объяснить им, что операция посадки самолета на воду не содержит опасности, а герметичность фюзеляжа позволяет машине довольно долго сохранять плавучесть. Он добавил, что о происшедшем уведомен морской порт, и в залив немедленно будут направлены легкие суда и моторные лодки.

Самолет снизился и пошел над водой, едва не срывая пену с легких волн. Миновав мыс у входа в залив, он начал чертить воду кипящей бороздой. Но вот фюзеляж осел в бурлящую воду, и резкое падение скорости бросило пассажиров вперед. Бледная как полотно соседка инспектора издала непонятный возглас и закатила глаза. Монтеллано пришлось галантно помахать перед её лицом сложенной газетой, что, как ни странно, подействовало очень быстро. Самолет, между тем, продолжал вспарывать зеркало залива со значительной скоростью и потерял её только в нескольких сотнях метров от берега.

Командир лайнера поздравил пассажиров с благополучным приводнением и предложил всем оставаться на своих местах. Он попросил также нескольких мужчин помочь выгрузить женщин и детей в лодки, которые перевезут всех на берег.

В заливе вели ловлю крабов и лангустов несколько рыбацких баркасов, а неподалеку от севшего на воду самолета стояла на якоре белая яхта. Она казалась совершенно безлюдной — ни один человек не был виден ни на палубе, ни на мостике.

Под звуки сирены в залив вошло пожарное судно. Несколько водяных пушек было нацелено на самолет, чтобы в случае пожара покрыть его пеленой пламягасящей жидкости. Но так как пожар не угрожал самолету, экипаж судна спустил на воду надувной плот, и несколько моряков погнались к месту происшествия.

Монтеллано и один из пассажиров встали по обе стороны выходного люка и приняли трос с плота. Женщины и дети по очереди спускались вниз, где моряки усаживали их на надувные подушки. Когда места были заполнены, плот отчалил. Однако, два моряка, видно, не смогли сладить с перегруженным плотом, и его стало сносить немного в сторону, как раз по направлению к белой яхте. Моряки решили пристать к ней,

чтобы ссадить часть пассажиров. Решение было абсолютно правильным, тем более, что трап яхты был опущен вдоль борта и едва не касался воды. И в это самое время у трапа разыгралась совершенно неожиданная сцена. Из палубной надстройки вышел мужчина, который быстро спустился по трапу и, остановившись на последней ступеньке, начал ногой отталкивать причаливший плот. На таком расстоянии не было слышно ни одного слова, но зато Монтеллано отчетливо разглядел, как взбешенный моряк на плоту схватил весло и замахнулся им. Тот, что стоял на трапе, едва успел отпрянуть в сторону. На палубе показалось еще двое мужчин, и все вместе они подтянули трап до уровня палубы так, что с воды уже было не дотянуться до него. После этого палуба яхты снова опустела. На этом инцидент был исчерпан. К плоту подошел один из баркасов и взял его на буксир. Стали подплывать и присланные из порта моторки. Они довольно быстро разгрузили самолет, который медленно дрейфовал в сторону берега. Монтеллано сошел одним из последних, бросив на прощание еще один взгляд на белую яхту с черной надписью на борту. «Конкистадор» — прочел он и подумал: «Подходящее название!». Когда сошел на берег, не преминул спросить у моряков о причинах ссоры с командой яхты.

— «Без согласия хозяина ни один человек не ступит на борт!» — передразнил один из моряков мужчину с яхты. — Частная, видите ли! Да где бывало, чтобы не помочь терпящим бедствие?!

Монтеллано довольно быстро удалось поймать такси, которое промчалось по прибрежному шоссе и, влившись в поток городского транспорта, доставило его в конец Аллеи Пацифики, на противоположной окраине Акапулько. Здесь он расплатился с таксистом и дальше пошел пешком, поднимаясь по выбитым в скале ступенькам на террасообразную площадку, где стоял одинокий двухэтажный домик. Оказавшись в тени навеса из пальмовых листьев и поставив чемодан у порога, инспектор облегченно вздохнул и принялся обмахиваться своей широкополой шляпой. Хозяйка дома донна Розита высунулась из окна и поинтересовалась, что угодно сеньору. Монтеллано поправил темные очки, откашлялся, но прежде, чем успел открыть рот, услышал, что комнаты в наем здесь не сдаются и что именно об этом извещает объявление, висящее внизу у начала крутой лестницы.

— Собственно, — заикнулся он, — я хотел бы поговорить с доном Антонио, если он дома.

— Скоро будет, — прозвучало в ответ. — Можете подождать, — кивок в сторону старого кресла под навесом. Затем хозяйка еще раз заверила его, что никоим образом он не может рассчитывать стать их постояльцем.

Монтеллано усмехнулся и с радостью подумал о встрече с Антонио, своим старым приятелем, с которым не раз ходил на ловлю тунца и который несколько лет назад помог ему выследить и поймать группу контрабандистов. Антонио было уже под пятьдесят, но его энергии хватало бы на троих. Жизнерадостный, общительный, он знал каждое живое существо в радиусе тридцати километров — от директоров отелей до сторожей в рыбацкой гавани.

Пришло совсем немного времени, и Монтеллано услышал потрескивание старого автомобильного мотора, который под конец громко чихнул и умолк. Хлопнула дверца, а через минуту на каменной лестнице показался черноволосый мужчина с франтоватыми усиками на бронзовом от загара лице. Его могучий торс обтягивала линиялая полосатая рубаша. Увидав незнакомого человека, он остановился и прищурил глаза. Его изумление продолжалось только миг — темные очки и чопорная внешность банковского служащего не обманули моряка. Показав белоснежные зубы, он шагнул навстречу гостю, и Монтеллано оказался в объятиях, от которых затрещали кости и захватило дух. Через пару минут они сидели за столом, а хлопотавшая рядом донна Розита сконфуженно сокрушалась по поводу того, что не узнала сеньора Монтеллано и была так нелюбезна с ним.

После обеда Антонио проводил гостя в свою комнату и уселся рядом с ним.

— Здесь нас никто не услышит, — сказал он. — Комнату внизу снимает семья из Квадалахары, но она сейчас на пляже.

Слушая рассказ инспектора, он ни разу не прервал его и только раскурил сигару. Задав несколько вопросов, дон Антонио пристально разглядывал фотографию Барбары Бреннер. Нет, он не проявил оптимизма — разыскать эту девицу на пляже длиной в пятнадцать километров среди многих тысяч лиц, закрытых черными очками и широкополыми шляпами, было задачей невыполнимой. Конечно, можно было бы проверить книги регистрации во всех отелях. Но под каким именем теперь живет Бреннер? Ведь её паспорт остался в руках полиции. Также бесполезно было рассчитывать напасть на след других людей Мак-Келлара. Акапулько в разгар сезона служит притоном для сотен жуликов, шулеров, воров и прочего сброда. Искать среди них? А может быть, наоборот, среди почтенных гостей в богатых отелях?

Во время беседы Монтеллано мельком коснулся истории с белой яхтой и спросил моряка, слышал ли он что-нибудь о ней. Дон Антонио знал только одно — «Конкистадор» принадлежит какому-то богатому американцу и прибыл сюда несколько дней назад. Однако заверил инспектора, что если того интересуют подробные сведения, он их добудет завтра же. Подозрениям Монтеллано моряк не придал значение — десятки таких же яхт стоят на рейде Акапулько, и все они, как правило, принадлежат толстосумам, которые превыше всего чтут завет о неприкосновенности частной собственности. Видя, что инспектора белая яхта заинтересовала не на шутку, дон Антонио предложил ему, не откладывая дела в долгий ящик, проехать сейчас же на берег залива и оттуда рассмотреть это судно в сильный бинокль.

Через полчаса они были у залива Пуэрто Маргоес. Антонио съехал на обочину и провел Монтеллано тропкой, выходящей через заросли кустарник, к скалистому обрыву, откуда открывался великолепный вид на залив. Они сразу же увидели «Боинг», который был уже окружен поплавками. Рядом виднелся буксир, который, видимо, намеревался подтащить самолет к самому берегу. По заливу роились всевозможные лодки, шлюпки, моторки, парусники. «Конкистадор» вы-

глядел среди них настоящим великаном.

Монтеллано, впереv локти в колени, поднес бинокль в глазаm. На палубе яхты по-прежнему не было ни души, не было никого и на мостике, и под тентом. По очереди осмотрел иллюминаторы — ни малейшего движения. Принялся разглядывать судно. Яхта была отделана роскошно и сверкала чистотой; обращало внимание отличное мореходное оснащение — антенны, радары, закрытые чехлами еще какие-то приборы. На палубах были расставлены шезлонги, лежали надувные матрасы, цветные махровые простыни. Однако создавалось впечатление какой-то необжитости — будто все это было вынесено, разложено и забыто.

Своими сомнениями инспектор поделился с доном Антонио, который, в свою очередь, обратил внимание на вещи более важные. На корме находился кнехт — массивная чугунная тумба, а поперек кормовой палубы возвышалась аркой согнутая стальная балка. В комплекте они представляли буксирное устройство. Кнехт служил для удержания троса, буксирующего другое судно. А изогнутая балка позволяла тросу отклоняться в ту или иную сторону. Антонио даже присвистнул — таким необычным показалось ему это устройство на яхте, которая явно не занималась спасательными и тому подобными работами. Разглядели и еще одну необычную деталь — какое-то сооружение на корме было тщательно прикрыто брезентом. Антонио долго смотрел на него и пришел к заключению, что это, должно быть, мощная лебедка.

— Так или иначе, — резюмировал он, — яхта довольно необычная...

Монтеллано тут же принял решение:

— Я должен там побывать. Поможешь мне?

Дон Антонио пожал плечами и рассмеялся:

— Первый раз в жизни имею шанс попасть за решетку!

Принялись раздумывать, под каким предлогом они могут попасть на борт яхты. Яхта — частная территория, вход без разрешения — взлом. Не требовалось разрешения только для полиции, таможенников и санитарной инспекции. Но на это рассчитывать нельзя — осмотр надо производить нелегально...

— А что если... — неуверенно проговорил моряк, — что если вызвать на ней пожар? Точнее — имитировать пожар? Я бы сделал все остальное...

— Пожарное судно? — подхватил Монтеллано. — Это мысль! К тому же у моряков с него особые счета с «Конкистадором».

— А что это за матрос, что поспорил с экипажем яхты? опиши мне его.

— Худой, высокий, — припомнил инспектор. — Со шрамом на левой щеке.

— Это Рамон, — сказал дон Антонио. — Мой старый коллега. С ним я договорюсь. Но для пожарников нужен предлог. Понимаешь? Нужно, чтобы что-нибудь стало гореть. Пока это «что-то» начнут гасить, мы проникнем на яхту в асбестовых костюмах.

— Но не хочешь же ты устроить настоящий пожар?

— Боже упаси! Только инсценировка. Что-то вроде спички...

— Ну, спички, пожалуй, будет недостаточно.

— Сначала будет спичка, — нашелся дон Анто-

нио. — От спички загорится шалаш из веток на лодке или плоту. Лодка будет совсем рядом с яхтой, и пламя начнет лизать её борт. Этого будет достаточно, а?

— Если яхта будет хоть немного повреждена, её хозяин потребует от владельца лодки возмещения убытков.

— Какие там убытки!.. Немного копоти. Но лодку надо на всякий случай застраховать.

Набросав подробный план операции, они решили возвращаться в город.

Моряк взял на себя разговор с капитаном пожарного судна, а Монтеллано должен был посетить страховое агентство. Начало операции назначили на одиннадцать часов вечера.

Возвратившись в город, дон Антонио первым делом подъехал к рыбацкой гавани. Исчез и через минут десять привел с собой четырнадцатилетнего паренка, который называл его «дядюшкой Антонио». Паренек был владельцем старой весельной лодки и охотно согласился участвовать в ночном предприятии.

Остановились у одного из страховых агентств, и Монтеллано в сопровождении загорелого босоногого паренка в потрепанных джинсах вошел в величественный зал, стены которого были отделаны дубовыми панелями и бронзой. Их немедленно принял служащий, который, узнав, что желают клиенты, извлек инструкцию о страховании плавательных средств и, не моргнув глазом, молниеносно заполнил графы полиса: категория — лодка, привод — весельный, система управления — без управления, пассажирские помещения — скамейки, флаг — мексиканский, владелец судна — Хосе Альмейда.

5.

Его разбудил дон Антонио, который влетел в комнату с возгласом:

— Все устроено! Идем!

Он принес новые подробности о яхте. «Конкистадор» прибыл сюда неделю назад и сразу же бросил якорь в заливе Пуэрто Маргоес. За это время он только раз входил в порт — наполнил цистерну пресной водой и заправился топливом. Кстати, топлива он взял в два раза больше, чем следовало бы для судна такого класса.

Приехав в опустевший порт, Монтеллано и дон Антонио прошли на стоящее у причала пожарное судно и поднялись на мостик, сопровождаемые уже знакомым инспектору матросом, который по дороге успел заверить, что команда делает все возможное, чтобы проучить этих негодяев с «Конкистадора».

Капитан, маленький сухопарый человек в огромной фуражке с золотой эмблемой, чопорно поздоровался с Монтеллано и заявил, что все, что он делает, он делает исключительно ради дона Антонио и надеется, что все свершится в рамках служебного устава пожарного ведомства. Затем он пространно объяснил, что если возникнет, как предполагают, источник пожарной опасности в заливе Пуэрто Маргоес, то его долг принять все необходимые меры к ликвидации этой опасности. Он не возражает, чтобы дон Антонио и «сеньор из Мехико» приняли участие в тушении пожара. Но... Но если экипаж яхты задержит их, то

это грозит неприятностями для всех без исключения, а для него, капитана, естественно, более других.

— Дружище, — сказал ему в ответ дон Антонио, — насколько мне известно, в следующем году ты отправляешься на пенсию и поэтому мог бы уже не мечтать стать адмиралом пожарного флота.

Капитан в ответ буркнул что-то сердитое, и на этом официальный обмен мнений был закончен. После этого оба гостя сошли в кубрик и с помощью матросов натянули на себя жаропрочные асбестовые костюмы, снабженные капюшонами, которые закрывали голову и имели только узкие застекленные щели для глаз. Под просторной блузой инспектор укрепил на ремне фотоаппарат со вспышкой. Теперь оставалось только ждать.

Когда судно миновало протоку и вошло в залив, капитан приказал: «Малый вперед!». Сопенье дизелей стало едва слышно. На затемненной палубе у гидрантов сгрудилась команда, готовая к немедленным действиям.

— Мы на месте, — дон Антонио тронул Монтеллано за руку. — Теперь дело за Хосе.

Где-то впереди, немного левее курса, помаргивали два факела. Они были так близки друг к другу, что их дрожащий свет отражался в воде одной узкой дорожкой. Один из факелов внезапно погас, посыпались искры, после чего красные языки пламени разрослись, превратившись в столб бушующего огня. Огненное сияние выхватило из темноты две лодки и рыбаков с гарпунами, в панике перескакивающих с одной лодки в другую.

— Не погаснет? — спросил Монтеллано.

Дон Антонио заверил, что опасения напрасны, и пояснил, что поставил на старой лодке шалаш из тростника, пропитанного смолой. Разрастающийся пожар освещал уже весь корпус находящейся неподалеку яхты, а горящая лодка приближалась все ближе и ближе и, наконец, оказалась у самого борта. Столб пламени взвился выше палубы яхты.

На мостике пожарного судна вахтенный офицер включил сигнал тревоги. Вопящий звук sireны понесся над заливом и побережьем. Монтеллано и дон Антонио подбежали к трапу и прыгнули в небольшую алюминиевую лодку. Моряк схватился за весла, и их скорлупка запрыгала на небольшой волне. В эту самую минуту судно начало разворачиваться бортом к «горящей» яхте. Из мегафона понеслись короткие команды, и на палубе зажглись прожектора, которые залили «Конквистадор» потоками ослепительного света. Там только теперь появилось несколько человек, они пытались рассмотреть и понять, что происходит, и бегали по палубе из конца в конец.

Между тем алюминиевая лодка благополучно вошла в тень кормовой части яхты, и четыре руки нащупали её металлическую обшивку. В этот момент раздался стонущий свист насосов, и из мощных лафетных стволов рванули мощные струи пенящейся жидкости. Тотчас же две фигуры в асбестовых костюмах, подтянувшись на заброшенных на палубу яхты канатах с крюками, оказались на корме.

На яхту обрушился удар, подобный урагану. Жидкость, которой «обстреливали» яхту гидропушки пе-

ногонных установок, разбухла и превращалась в пеннистую массу, быстро распространяющуюся по палубам и постройкам; она ползла в люки и в двери, кипела и пузырилась, сползала по стокам за борт.

Монтеллано и дон Антонио прорвались сквозь пеннистую завесу, добрались до ближайшей двери и оказались в полуосвещенном коридоре. Здесь никого не было, и они осторожно двинулись вперед...

Прежде всего Монтеллано решил пройти в штурманскую рубку. На столе лежал лист навигационной карты. Достаточно было одного взгляда, чтобы узнать участок западного побережья Мексики. Поднял блузу, блеснула вспышка; сдвинул верхний лист и сфотографировал еще два, лежащих снизу. Не было времени рассматривать их, но кто знает, не содержат ли они прокладку маршрута яхты на ближайшее будущее? Полминуты потратил на судовой журнал. Узнал, что яхта принадлежит некоему Джо Хемпону из Лос-Анджелеса (порт приписки «Конквистадора»). В это время из каюты капитана вернулся дон Антонио, который движением головы дал понять, что ничего интересного не обнаружил. Выбежали в коридор, в который выходили двери пассажирских кают. Монтеллано посмотрел на часы — оставалось четыре минуты до условленного срока окончания операции. По правой стороне коридора тянулись роскошные аппараты: спальные каюты с туалетом, просторный салон, бар. Царящий тут порядок, отсутствие предметов личного обихода и одежды, аккуратно застеленные постели свидетельствовали о том, что в настоящее время здесь никто не живет.

Пронзительный свет прожектора высвечивал из тьмы уже не яхту, а клубящуюся гору пены. Несколько человек из команды «Конквистадора» пробовали было подняться на верхнюю палубу, но через несколько мгновений были окутаны пеной и кубарем скатились вниз.

Монтеллано толкнул облицованную палисандром дверь с левой стороны коридора и очутился в просторной библиотеке. Корешки книг на полках были прижаты полированными планками, чтобы предохранить их от перемещения при качке. Бегло осмотрел названия томов — в основном это были справочники и энциклопедии. Одна из полок была занята альбомами в массивных переплетах. Наугад вытянул один из них, оказалось собрание цветных иллюстраций, посвященных древнему искусству Мексики. Следующий альбом — архитектура ацтеков. Внимательно осмотрел переплет и титульные листы, но ни имени владельца, ни экслибриса не нашел.

На одной из стен библиотеки висела карта мира. Ниже её — свернутый в трубку экран. Посреди помещения стоял большой стол в окружении низких кресел. С каждого из четырех углов стола к потолку подходили белые плетеные шнуры. Было похоже, что они служат для подъема крышки стола. Однако стронуть её с места инспектор не смог. Заглянул под стол и убедился, что крышка держится не на ножках, а на массивной тумбе, привернутой к полу. Из небольшой выемки торчала педаль. Нажал её — крышка легко поднялась, открыв для обозрения вторую крышку меньших размеров. Под покрывающим её стеклом находилась огромная фотография: снятый с птичьего

полета ансамбль пирамид — одна доминирующая и несколько поменьше, все они были окружены храмовыми постройками и еще какими-то сооружениями. Разглядел сбоку арену для ритуальных игр в мяч, окаймленную каменными трибунами. На планшете не было никаких надписей, сам же ансамбль Монтеллано видел впервые. Где же все это находится? На заднем плане виднелись скалистые возвышенности, а самая большая пирамида одной из граней примыкала к озеру. Нет, местность эта была ему незнакома...

Единственно, что Монтеллано мог сейчас сделать — сфотографировать находку. При последней вспышке тягучий рев сирены сменился прерывистыми звуками — это был сигнал к возвращению. Он опустил крышку на место, выбежал в коридор и помчался в сторону кормы. У выхода на палубу столкнулся с доном Антонио, который выскочил из других дверей, на ходу засовывая какой-то предмет за брючный ремень. Оказавшись на корме и убедившись, что пожарное судно стоит совсем рядом, они поспешили к своей лодке. Гидропушки уже не работали, и горы пены на яхте постепенно опадали, стекая за борт шипящими ручейками. Вскочить в лодку, оттолкнуться от борта яхты было делом одной минуты. Несколько дружных взмахов веслами, и вот уже им навстречу тянутся руки матросов с пожарника.

Едва Монтеллано и дон Антонио скрылись в кубрике, как к месту происшествия подошел полицейский катер, а за ним еще один с красными крестами на борту. С полицейского катера стали спрашивать, что случилось, а капитан пожарного судна доложил, что возникший на яхте «Конкистадор» пожар благополучно ликвидирован.

... Уже стало светать, когда Монтеллано закончил свои дела в фотолaborатории полицейского управления Акапулько. Едва снимки высохли, он вложил их в конверт и послал нарочным в аэропорт — первым же самолетом в столицу! В тот же день телетайп отстучал ответ:

«Штат Чиapas. Культурный комплекс Чинкультик — раскопки по разрешению Национального института археологии ведет экспедиция Мормонского университета (г. Салинас, США). Надзор за работами осуществляет доктор Рауль Эспиноза».

Вернувшись на окраину, инспектор застал посадывающего сигару дону Антонио в кресле под навесом. По его виду трудно было предположить, что он провел бессонную ночь, а последние предраcсветные часы потчевал в портовом кабачке команду пожарного судна пивом и солеными креветками.

— Антонио! — обратился к нему инспектор, усаживаясь рядом. — Может быть, ты мне наконец скажешь, что ты вынес под поясом с «Конкистадора»?

Моряк лукаво усмехнулся и показал пальцем на окно второго этажа, где гостя ждала легкая закуска, кувшин вина и разобранная постель. А на столике у окна в никелированной рамке стоял большой портрет Барбары Бреннер. Она кокетливо улыбалась, склонив голову так, что белокурые пряди вились в падающем сбоку солнечном луче. Такой инспектор видел её впервые — юная, милая, невинная, с открытым доверчивым взглядом... Нет, наверняка этот снимок делался до её встречи с Мак-Келларом!

Несколько мгновений Монтеллано стоял не двигаясь — шквал мыслей пронёсся в его голове: и радость, что не ошибся, что путеводная нить снова в его руках; и благодарность его добровольным помощникам; и какая-то горечь сожаления от еще одного подтверждения, что Бреннер не такая уж маленькая фигура в окружении Мак-Келлара...

Становилось очевидным, что яхта служит для гангстеров своего рода базой и сейчас стоит на чеку, чтобы в случае какой-либо угрозы укрыть Мак-Келлара и его людей. Не вызывало теперь никаких сомнений и то, что гангстеры планируют очень крупную операцию — уж слишком тщательно и фундаментально они к ней подготовились.

У Монтеллано, конечно, не было полной уверенности, что большая фотография храмового комплекса Чинкультика означает, что именно это место является конечной целью гангстеров. Подтвердить эту версию мог лишь осмотр археологических разработок на месте. Отдаленность пирамид и храмов Чинкультик от тихоокеанского побережья по прямой линии не превышала ста пятидесяти километров. Это было бы совсем немного, если бы не горная цепь Сьерре-Мадре, некоторые вершины которой достигают высоты трех тысяч метров. Этот горный массив не пересекается ни одной пригодной для автомобилей дорогой и вынуждает делать крюк длиной в четыреста километров. Это была единственная магистраль, по которой можно было добраться от пирамид Чинкультик к водам, где нашел стоянку «Конкистадор». Не слишком ли рискованно для грабителей? Трудно поверить, что Мак-Келлар не предусмотрел еще какой-либо вариант? Но какой?..

В беседе по телефону с начальством Монтеллано получил от своего шефа разрешение «ориентироваться на обстановку».

Вопрос, собственно, стоял так: продолжение наблюдения за «Конкистадором» или немедленный отъезд в штат Чиapas? Что же касается Чинкультик, то это была пока только версия. Во-первых, фотография сама по себе была лишь косвенной уликой. Во-вторых, было совершенно непонятно, что именно могло заинтересовать грабителей в храмовом комплексе. Судя по приготовлениям, это должно было быть что-то из ряда вон выходящее. А в сводке, полученной из столицы, говорилось, что никаких поразительных открытий в Чинкультик пока не сделано: пирамиды, захоронения, храмы были разграблены еще во времена испанского владычества. А может быть, что-то и осталось? И это «что-то», видимо, в кармане не унесешь — иначе, зачем тогда яхта, автомобили, вооруженные бандиты? Эти размышления приводили в тупик. И тогда Монтеллано решил: надо ехать на место и там выяснить все у археологов. Что же касается «Конкистадора», то за ним понаблюдает местная полиция, да и дон Антонио со своими друзьями не откажут ему в такой помощи...

Но на деле все вышло несколько иначе.

Прежде всего, на следующий день после «посещения» яхты, Монтеллано совершенно случайно на одной из центральных улиц наткнулся на... Барбару Бреннер. Во всяком случае, он был уверен на все сто процентов, что видел именно её, хотя лицо женщины

было закрыто огромными очками, а вместо белокурых локонов из-под шляпы торчали рыжие кудряшки. Он увидел её на противоположной стороне улицы, на углу у столбика с надписью «переход». Их разделял поток автомобилей. Она или не она? Короткая юбка, белая сумка, цветной зонтик... Что за глаза смотрят в его сторону под этими непроницаемыми черными стеклами? Она или не она?.. Поток машин еще не иссяк, а он, лавируя между ними, уже бежал на перекресток. Она или не она?! К его огромной досаде и изумлению, женщины с цветным зонтиком и белой сумкой на углу не оказалось. Не было её и в толпе на тротуаре, и в угловом кафе, и на соседней улице тоже... Монтеллано мог объяснить её исчезновение только одним: пока он бежал через улицу, она села в какую-то машину. Если так, значит, она его заметила, зна-

чит, Мак-Келлару станет известно, что инспектор Монтеллано «проходит курс лечения» именно в Акапулько, именно там, где на рейде стоит «Конкистадор»...

«А может быть, это была вовсе не Барбара Бреннер?» — спрашивал себя инспектор, возвращаясь поздно вечером в гостеприимный дом дона Антонио, где ему предстояло провести еще одну ночь перед отлетом из Акапулько.

Когда они с доном Антонио после ужина сидели в креслах под навесом и обсуждали события двух последних дней, по лестнице поднялся запыхавшийся Хосе, который уже издали закричал, что полчаса назад белая яхта снялась с якоря и ушла в неизвестном направлении.

Вот и раздумывать стало не о чем — теперь остается только Чинкультик.

(Окончание в следующем номере)

*Сокращенный перевод с польского
В. РОЦАХОВСКОГО*

ОТВЕТ

на криптограмму по повести Александра Больных «Руки вверх, мистер греmlin!»

Ключевые слова: Кельн; Кузнецов; «югэки бутай»; печь; триста; крыса; чертовщина; хомяк; дог.

Фраза: «Я не доверял столичным болтунам, сыплющим цитатами направо и налево».

Юрий СЫТНИКОВ, Леонид ЗЛОКАЗОВ

ЕКАТЕРИНБУРГСКОЕ ПИВО

С 1807 года Екатеринбург стал горным городом. Это значило, что в отличие от прочих в Российской империи, вся власть в Екатеринбурге принадлежала Горному правлению и его начальнику. Тогда Главным начальником горных заводов хребта Уральского был «Артиллерии Генерал-Лейтенант и Кавалер» Владимир Андреевич Глинка. А горным начальником Екатеринбургских заводов — «Корпуса Горных инженеров полковник» Евгений Гаврилович Чебаевский.

2 октября 1839 года грозный генерал Глинка обратился с «отпуском» (список с оригинала, оставшегося в деле. — Авт.) к полковнику Чебаевскому: «До сведения моего доведено, что в Екатеринбурге, на берегу р.Исети, строится пивоварня. Находя, что 26-ю статью 11 тома Свода Законов запрещается в округах заводов казенных учреждать заведения, которых все производство главнейше основывается на огненном действии, требующем дров и угля, я предписываю Вашему Высокоблагородию донести мне, на каком основании допущена постройка этой пивоварни?»

Хоть и был Владимир Андреевич хозяином всего Урала, а Своду Законов должен был подчиняться.

Полковник Чебаевский оправдывался более многословно. Из его рапорта Глинке (документы эти сохранились в областном архиве) стало известно, что «...по силе 272 §откупных условий и 153 статьи Свода Законов V тома устава о питейном сборе и акцизе, дозволяется пивоварение... и не предстояло повода к препятствию в построении пивоваренного заведения... потому... что следствием замедления в построении сего заведения может быть ущерб питейным сборам, могущий иметь влияние на несвоевременный взнос откупной суммы».

Дело в том, что владелец усадьбы купец Тарасов передал «пивоварню» в аренду управляющему питейными сборами и откупщикам, которые были очень заинтересованы в скорейшем получении прибыли: ведь они уже внесли в казну откупные питейные деньги. Кста-ти сказать, не одно большое наследство Екатеринбургга, да и всей России, выросло на откупах. Знаменитый Лев Расторгуев тоже был откупщиком по питейной части.

Сыр-бор, разгоревшийся вокруг «пивоварни», прекратил министр финансов Е.Ф.Канкрин. 31 марта 1840

года он следующим образом ответил на прошение Управляющего Екатеринбургскими питейными сборами петербургского мещанина Аникия Гаврилова: «...так как откупные условия суть новейшие узаконения и Правительство имеет правилом поощрять пивоварение, то воспрещать не следует; о чем объявить откупщику».

Пиво было стратегическим продуктом — оно давало государству деньги. И немалые.

Таким образом, екатеринбургские любители пива смело могут начинать сбор средств на постройку в городе памятника. Он представляется нам в виде многофигурной композиции: навёрху, естественно, с гордо откинутой головой — министр Канкрин, обнявший стоящих чуть ниже его Гаврилова и Тарасова. А вокруг основания памятника — большой пивной бочки — фигуры жаждущих: стоячие, сидячие, полулужачие и, разумеется, лежачие. Все они образуют как-бы памятный венок у подножия. Место установки обелиска Городская дума согласует быстро — депутаты ведь тоже любят пиво.

Пивоваренное дело развивалось в руках И.Л.Тарасова до 1862 года. Причину прекращения деятельности завода пока установить не удалось. Может быть, отмена крепостного права (1861 г.)? Но уж никак не отсутствие жаждущих.

Во всяком случае, через шестнадцать лет, что подтверждено «Протоколом N 17 заседания Екатеринбургской городской думы 24-го августа 1878 года», здешний мещанин Клавдий Гребеньков просит у Думы разрешения возобновить пивоварение на месте тарасовского завода, так как «...в 1877 году 29 сентября купил он у наследников Ивана Лукича Тарасова место во второй части города Екатеринбурга (часть города на восток от р.Исети. — Авт.) по Златоустовской улице (ныне — ул.РЛюксембург — Авт.) на берегу Исеты, где прежде было пивоваренное заведение...»

Начались прения. Было заявлено, что разрешение давать нельзя, так как ранее уже отказали в такой же просьбе купцу Фадееву. (Обратите внимание, — купцу отказали!) Возможно, причина отказа была в том, что место предполагаемого завода оказалось в густо заселенной, и, отнюдь, не простым людом, части Екатеринбургга. Однако несколько гласных привели в пример гурьбинский город — Пермь, где в центре сосредоточились

сразу три таких завода. Словом, 22 голосами против 2 мещанин Клавдий Гребеньков разрешение получил и продолжил дело Ивана Тарасова.

А уже в 1881 году, в номере за 1 июня, газета «Екатеринбургская Неделя» писала: «...Известно, что здесь, в Екатеринбурге, находятся три пивоваренных завода: г.Пономарева и К°, Гребенькова и К° и Подсосова. Все эти заводы расположены по Исети в следующих пунктах: 1-й завод, г.Пономарева и К°, на левом берегу Исети, около Верх-Исетского завода, при течении ее из завода в город. 2-й завод, г.Гребенькова и К°, на левом же берегу Исети, в самом городе, наискось от торговых бань (эти бани находились в здании, стоявшем как раз между северным фасадом нашего нового цирка и мостом через р.Исеть, что на улице Куйбышева. — Авт.), и 3-й завод Подсосова (бывший г.Фадеева), в городском выгоне, близ села Уктуса...»

Далее автор писал о качестве исетской воды, которую используют заводы, и делал вывод, «...что в здешнем пиве мы получаем не здоровый напиток, распространение которого желательно, как средства, парализующего отчасти употребление водки, но получаем напиток, содержащий в себе эссенции торговых бань... хорош нектар...» (Был, выходит, еще пивзавод Фадеева в Екатеринбурге, но точный адрес его установить пока не удалось).

В заседании 13 июля 1881 года Городская дума согласилась с мнением об отводе дворянину В.И.Пономареву места на Колобовской улице для постройки пивоваренного завода. То ли сюда перенесли Верхисетский завод, то ли появилось новое предприятие — тоже пока неизвестно. Но известно, что этот завод заработал на Колобовской (ныне — Толмачева) улице, там, где позже появилась фабрика обоев И.Ф.Круковского (ныне — Кондитерская фабрика N 2, филиал АОЗТ «КОНФИ»).

В сентябре 1883-го разрешение на устройство пивоваренного завода «между улиц Водочной и Васенцовской (ныне — Мамина-Сибиряка и Луначарского) получил прусский подданный Эрнест Фердинандович Филитц.

В Уральско-Сибирской научно-промышленной выставке 1887 года участвовали заводы Гребенькова и К°, Горшковского и Филитца. Если о заводах Гребенькова и Филитца сохранились кое-какие документы, то о заводе Владислава Игнатьевича Горшковского известно только, что он был в Екатеринбурге, выпускал пиво, портер (темное пиво) и мед (напиток из меда, хмеля и пряностей). Работали на нем 12 человек. Руководил производством тоже прусский подданный. Сбывалось пиво Горшковского в Екатеринбурге и некоторых других местах.

«Бронзовой медалью Министерства Финансов» наградили только «Гребенькова Клавдия Якимовича — за удовлетворительное качество пива». Видимо, сделал свое дело банно-исетский «нектар».

В конце 1889 года Иван Фомич Круковский получил согласие Думы открыть «на месте пивоваренного завода П.И. Пономарева» фабрику обоев. В сборнике «Город Екатеринбург», выпущенном городским головой И.И.Симановым в 1889 году, нет Пономарева с инициа-

лами П.И. Можно предположить, что завод к этому времени уже не существовал. Или его пиво для выставки не годилось. И еще загадка: не тот ли это Пономарев, что держал завод на землях графов и графинь Стенбок-Фермор в Верхисетском заводе?

Был в городе, по крайней мере, еще один пивоваренный завод. Он принадлежал пермскому купцу Ф.П.Демидову и в апреле 1880 года предлагался в аренду. «Екатеринбургская Неделя» описывала завод как вполне устроенный и находящийся «по Водочной улице близ вокзала железной дороги».

В августе того же года та же газета поместила объявление: «...Продается пивоваренный завод с золотым прииском, состоящий во 2-й части г.Екатеринбурга, по Водочной улице, у р.Мельковки, принадлежащий Нижегородско-Самарскому банку...» Думается, что это один и тот же завод.

В 1908 году к двум пивоварням — Гребеньковской и Филитцовой — добавился завод бр. Злоказовых. Как писала газета «Урал» в номере от 19 января: «Торговый дом бр. Злоказовых ходатайствует о выдаче ему удостоверения о неимении препятствий к постройке пивоваренного завода на собственной земле на месте бывшей суконной фабрики».

Городская управа препятствий к выдаче такого удостоверения не встречает».

До известных событий 1917 года других пивоваренных заводов в Екатеринбурге не появилось.

Заводы Гребенькова и Филитца в 1890-х годах поменяли своих владельцев — и Клавдий Якимович, и Эрнест Фердинандович ушли в мир иной. Владелицами стали их вдовы — Мария Ивановна и Эмма Федоровна. Кроме того, завод Гребенькова с самого начала был компанейским (К°). В компании состоял екатеринбургский купец Павел Васильевич Холкин, владелец нескольких имений и «Американской гостиницы с номерами».

И у Гребеньковой, и у Филитц, и у Злоказовых, и у многих других, которые сами пиво не производили или производили его не в Екатеринбурге, по всему городу были пивные лавки. И количество их год от года отнюдь не уменьшалось: если в 1887 году торговали 32 пивных и портерных лавки, то в 1907 году — уже 60. А у М.И.Гребеньковой был даже «...Пивной зал Bier Halle... Продажа пива кружками из бочки. Угол Главного проспекта (ныне — пр.Ленина) и Водочной улицы, дом И.Б.Старикова, N 55/127...» Это как раз у левой части здания, где теперь магазин «Спорттовары» (пр.Ленина, N 53).

Бр. Злоказовы переделали в пивзавод свою суконную фабрику. Филитц сразу построил два корпуса, но в 1886 году они сгорели, и в 1890-х Эрнест Фердинандович построил каменный. А Гребеньковы строились постоянно. То расширяли главный корпус, то делали каменный подвал для хранения пива под землей, а над ним возводили жилые помещения.

В 1913 году рухнула западная стена склада, наполненного ячменем. Около 20 000 пудов ячменя и обломки кирпичной кладки засыпали весь двор завода Гребеньковой. На разборке работали солдаты Оровайского полка, большая партия конных рабочих. С той поры

объявления о заводе Гребеньковой стали появляться в газетах все реже и реже. То же касается и завода Филитц. Завод же бр. Злоказовых продолжал выпускать и продавать пиво.

После революции этот завод был национализирован и позже переоборудован в дрожжевой. На год власть в городе переменилась, но по возвращении Советы, похоже, вернули заводу его технологию. Во всяком случае в номере «Уральского рабочего» за 15 июля 1923 года упоминается «...Исетский пивоваренный завод «Красный пивовар»...»

А незадолго до окончания войны, в августе 1916 года газета «Зауральский Край» сообщила, что «...пивоваренный завод т.д. (торговый дом. — Авт.) Н-ков Александра помещается... около казенного винного склада». Это «около» помогло определить адрес завода — Кузнечная (ныне — Кузнечная) улица, N 56.

А как раньше продавали пиво? Если А.И.Фадеев отпускал со своего склада пиво бочками и ведрами: венская — 1 р. 40 к. за ведро, баварское — 1 р. 20 к. и народное — 70 к., то «новые» пивовары стали продавать и бутылочное. Но это случилось, скорее всего, уже в начале нашего века.

Бутылки были разные — маленькие и большие, тонкие и пузатые. Некоторые отливались на стекольных заводах сразу с фамилиями заводовладельцев: (В коллекции екатеринбуржца Д.А.Балакина есть несколько таких «посудин»).

Этикетки (в то время говорили — «этикетты») были круглые и овальные, ромбические и сложных конфигу-

раций. Двухцветные и многоцветные. И даже с бронзой, долженствующей, видимо, изображать золото. С двуглавыми орлами, гербами, коронами и медалями. И обязательно — с фамилией заводчика.

«Венское» пиво варили заводы Гребеньковых, Филитц и бр. Злоказовых. «Пильзенское» и «Экспорт» — заводы Гребеньковых и бр. Злоказовых. Отдельные сорта пива выпускали: «Баварское» — завод Гребеньковых, «Портер английский» — завод бр. Злоказовых. И, наконец, завод Филитц варил собственные сорта — «Мартовское» и «Столовое».

Коренные екатеринбуржцы Федор Иванович Петров и Григорий Васильевич Мокрушин, не зная друг друга, дружно хвалили «Мартовское» пиво завода Филитц.

В октябре 1914 года в городе была 81 пивная лавка.

До настоящего времени уцелело мало зданий — свидетелей пивного производства. Один из авторов однажды отправился «на места боев» с целью сфотографировать «старожилов». От завода Филитц остался только один, значительно перестроенный, корпус. В почти первозданном виде сохранился лишь южный фасад.

На бывшем заводе Гребеньковых встретили как старого приятеля: провели на территорию и все показали. А вот директор Исетского пивзавода, бывшего бр. Злоказовых, на нашу просьбу сделать три-четыре снимка уцелевших зданий, посоветовал:

— Квартиру свою фотографируйте, — после чего исчез в дверях проходной.

Таким образом, вы можете убедиться, что и сейчас пиво Исетского завода — товар стратегический!

Фото на 3-й стр. обложки из архива авторов

**Художник
Евгения Стерлигова**

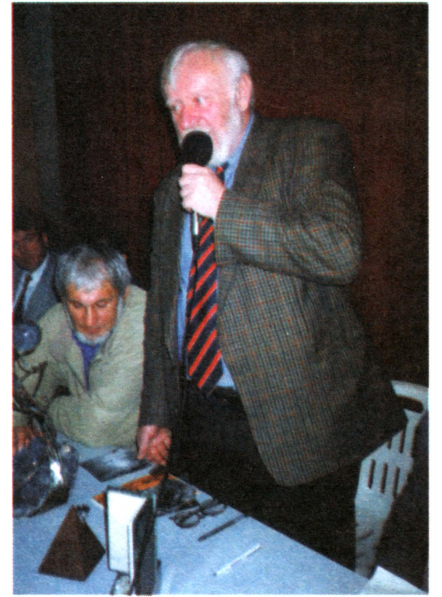
**В редакции «Следопыта»: главный редактор Герман Иванов,
писатели Владимир Клименко, Геннадий Прашкевич,
Андрей Валентинов**

Приз «Аэлига-97»

**Лауреат премии «Старт»
Андрей Валентинов**

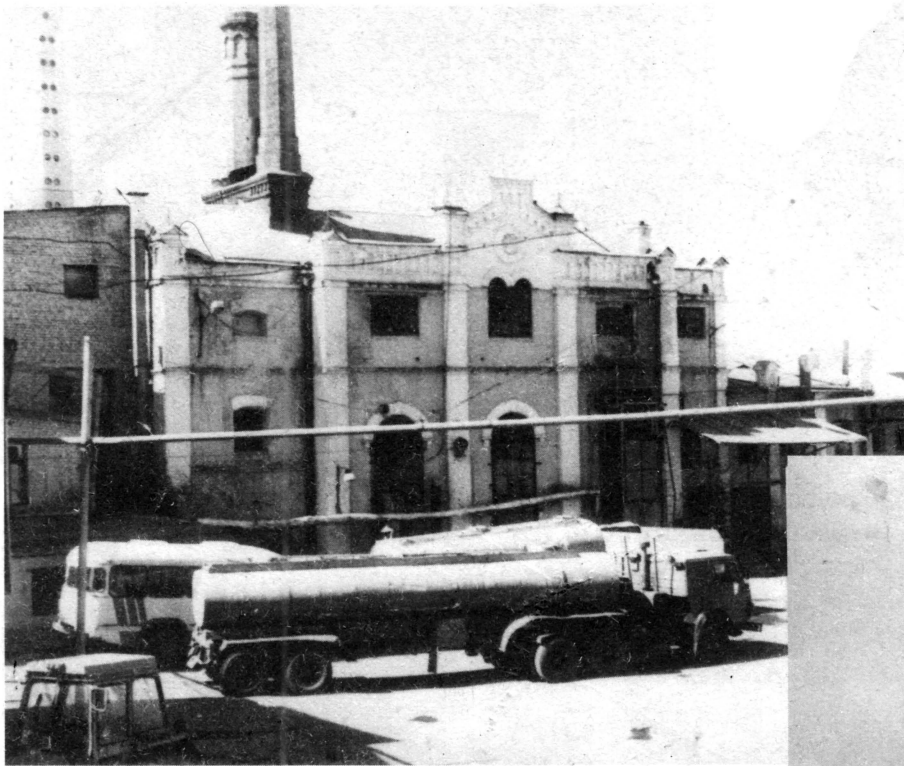
**Главный
виновник торжества —
писатель Кир Булычев**

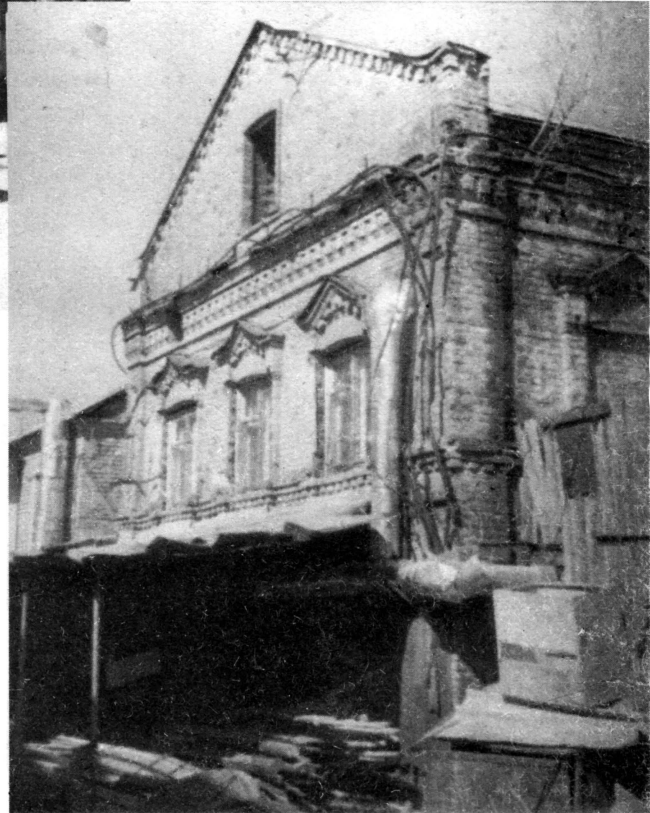
После двухлетнего перерыва, вызванного уже известными нашему читателю экономическими неурядицами, в Екатеринбурге вновь состоялся так любимый фэнами фестиваль «Аэлига-97». Благодаря спонсору АКТ «Книжный клуб» и нашим бескорыстным помощникам «Уральский следопыт» смог осилить немалые расходы, связанные с организацией и проведением фестиваля. Конечно же, «Аэлига-97» была не столь многолюдна, как раньше, но как приятно увидеть после долгой разлуки родные и знакомые лица дорогих гостей из ближних и дальних уголков России и стран СНГ.

Главный приз фестиваля вручен одному из самых популярных и любимых читателями фантастов — писателю Киру Булычеву. Давно мы мечтали об этом событии, и наконец-то оно свершилось! Приз «Старт» заслуженно получил харьковчанин Андрей Валентинов, который как молния ворвался в когорту широко читаемых фантастов, издав за год шесть объемных НФ романов. Призом имени Ефремова награждена Евгения Стерлигова, иллюстрации которой уже многие годы украшают страницы нашего журнала, книги Владислава Крапивина, Сергея Другаля и других известных и молодых литераторов. Новый приз, учрежденный в память о заведующем отделом фантастики «Уральского следопыта» В. И. Бугрове, присужден коллективу авторов за составление и издание первой в России «Энциклопедии фантастики».

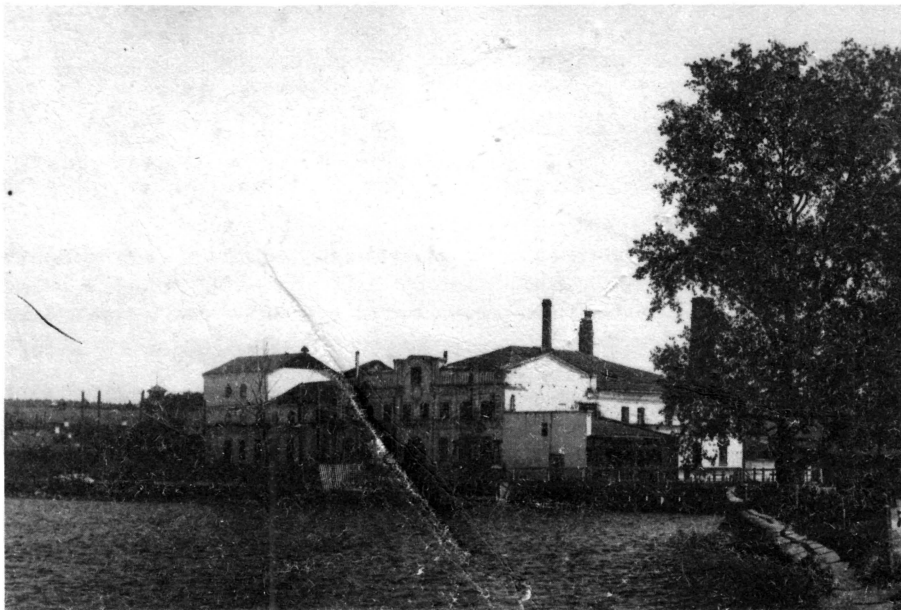
Праздник состоялся. Да здравствует грядущий праздник — «Аэлига-98»!

Главный корпус завода
Гребеньковых.
Восточный фасад.
Фото 1996 года.

Корпус завода Филитц.
Южный фасад.
Фото 1980-х годов.

Корпус завода Злоказовых.
Западный фасад.
С фото 1930-х годов.